МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ.

МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

Книга X.

ИЗДАНІЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія **Т-ва И. Д. Сытина.** Пятницкая, собственный домъ.
МОСКВА. — 1915.

По пути къ Вану

Разсказъ *Евгенія Баранова.*

I.

Четыре развѣдчика.

Это было въ декабрѣ 1914 года, вскорѣ послѣ того, какъ наши войска взяли обратно у турокъ Ардаганъ и начали двигаться въ глубь Турціи.

За три дня до Новаго года, рано утромъ, когда еще не совсѣмъ разсѣялся ночной сумракъ и когда утреннія звѣзды еще сверкали на темно-синемъ холодномъ небѣ, маленькая партія нашихъ развѣдчиковъ остановилась у входа въ ущелье долины Абага, которая, можно сказать, служитъ преддверіемъ къ Вану. Съ трехъ сторонъ ея поднялись высокія горы, частью скалистыя, частью покрытыя прекрасными лѣсами. Примыкающіе къ ней горные отроги изрѣзаны глубокими ущельями Около одного изъ этихъ ущелій и остановились развѣдчики отдохнуть прежде, чѣмъ начать пробираться по нему.

Всѣхъ ихъ было четверо: старшимъ надъ ними былъ ефрейторъ Дьяконовъ, молодой, лѣтъ 23-хъ, солдатъ съ умнымъ лицомъ и небольшими черными усиками. Фамилія другого развѣдчика была Вязанкинъ. Онъ былъ изъ запасныхъ, человѣкъ лѣтъ тридцати восьми, плечистый, съ заиндевѣлой русой бородой, на видъ весьма солидный, степенный, прямая противоположность третьему развѣдчику Казакову, еще совсѣмъ молодому, невысокому парню, балагуру и весельчаку, прозванному въ ротѣ за свой длинный, прямой и тонкій носъ дятломъ. Четвертый развѣдчикъ былъ тифлисскій армянинъ Тигранъ Петросянъ, поступившій въ дѣйствующую армію добровольцемъ. Это былъ уже пожилой, лѣтъ пятидесяти съ лишкомъ человѣкъ, съ задумчивымъ до угрюмости лицомъ, заросшимъ черной курчавой бородой, которая наполовину уже посѣдѣла. Былъ онъ человѣкъ далеко небезынтересный, и заслуживаетъ вполнѣ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

Шести лѣтъ отроду, оставшись круглымъ сиротой, онъ очутился на очень

шумной и очень жестокой улицѣ Тифлиса и скитался по ней, какъ голодная и безпріютная собака. Въ то время, когда болѣе или менѣе счастливыя дѣти его возраста жили въ теплѣ, были одѣты и сыты, онъ самъ долженъ былъ заботиться о своемъ существованіи: кормился попрошайничествомъ, мелкимъ воровствомъ, ночевалъ въ городскихъ трущобахъ, гдѣ царятъ нищета, развратъ и преступленія. Весьма возможно, что со временемъ изъ него вышелъ бы грабитель и убійца, если бы болѣзнь не спасла его: онъ заболѣлъ тифомъ, упалъ безъ чувствъ на мостовой, былъ подобранъ и отправленъ въ больницу. По выздоровленіи ему предстояло опять очутиться на той же мостовой, но тутъ случайно вспомнилъ о немъ его дядя, родной братъ его матери, имѣвшій на Шайтанъ-Базарѣ чувячную мастерскую. Онъ взялъ Тиграна къ себѣ, отдалъ его учиться въ русскую школу, а потомъ—въ типографію. Пройдя суровую и тяжелую школу типографскаго ученика, Тигранъ къ 17-ти годамъ сталъ наборщикомъ и тогда же усердно занялся своимъ самообразованіемъ. Умственный кругозоръ его расширялся, и многое изъ того, что раньше для него было непонятнымъ и загадочнымъ, постепенно становилось яснымъ. Въ это время онъ впервые познакомился съ исторіей Арменіи, съ ея великимъ прошлымъ и ничтожнымъ настоящимъ.

Послѣ отбытія воинской повинности, онъ попалъ въ турецкую Арменію, гдѣ оставался довольно долго. Когда же по всей Арменіи ураганомъ пронеслись погромы, онъ съ горстью патріотовъ защищалъ обезоруженныхъ жителей селъ и деревень отъ звѣрствъ курдовъ и турецкой черни, наэлектризованной фанатиками-муллами. Съ тѣми же патріотами онъ мужественно отбивался отъ стотысячной турецкой арміи въ Зейтунскомъ ущельи, былъ раненъ, чудомъ избѣжалъ плѣна и висѣлицы, вернулся въ Тифлисъ, гдѣ попрежнему днемъ работалъ въ типографіи, а ночью долго просиживалъ за книгами. А какъ только началась война съ Турціей, онъ поспѣшилъ записаться добровольцемъ въ дѣйствующую армію и все время находился на передовыхъ позиціяхъ, принимая участіе въ бояхъ.

Однажды, случайно, онъ вмѣстѣ съ товарищемъ по ротѣ Дьяконовымъ удачно выполнилъ весьма трудную развѣдку и съ тѣхъ поръ посвятилъ себя исключительно развѣдочной службѣ. Сначала онъ ходилъ на развѣдку вдвоемъ съ Дьяконовымъ, потомъ къ нимъ присоединились Вязанкинъ и Казаковъ.

Теперь, остановившись у входа въ ущелье, развѣдчики ожидали полнаго разсвѣта, чтобы снова двинуться въ дальнѣйшій путь.

По одну сторону входа поднялась высокая каменная скала, которая отъ вершины до небольшого уступа ея была разсѣчена широкой трещиной. На уступѣ стояла чинара съ сломленной бурей вершиной, двѣ толстыхъ вѣтви протянулись, какъ двѣ черныхъ громадныхъ руки.

Другая сторона входа оборвалась щебенистой кручей, внизу которой лежали упавшіе съ осыпи камни, засыпанные снѣгомъ.

Мракъ разсѣивался, звѣзды начинали гаснуть. Морозило, но вѣтра не было.

Казаковъ, опустивъ къ ногѣ винтовку, досталъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ и короткую трубку - носогрѣйку. Онъ хорошо зналъ, что на развѣдкѣ не позволялось курить, но, тѣмъ не менѣе, хотѣлъ попробовать—авось, на этотъ разъ «старшой» Дьяконовъ будетъ милостивъ и позволитъ ему затянуться разъ-другой.

Дьяконовъ глянулъ на него и покачалъ головой.

— Не смѣй курить,—тихо, но строго проговорилъ онъ.

— Ну, что жъ,—покорно проговорилъ Казаковъ,—разъ нельзя, такъ ужъ, значитъ, нельзя. Тутъ ужъ ничего не попишешь. Ну, а между прочимъ, я и холодную трубочку пососу: все табачнымъ запахомъ въ носъ шибанетъ: оно какъ будто и станетъ веселѣе.—И онъ съ комической важностью пососалъ трубочку, потомъ протянулъ ее Вязанкину.

— Не угодно ли вашей милости, Сидоръ Поликарповичъ, — проговорилъ онъ, хотя и зналъ, что Вязанкинъ не куритъ и что звать его Ѳеодоромъ Павловичемъ.

Вязанкинъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ на него и ничего не сказалъ.

— Не желаете? — удивился Казаковъ. — Ну, дѣло ваше... насильно милъ не будешь. Ну, а вы, папаша? — обратился онъ къ Тиграну. — Хор-рошій, такой ароматъ, а?

Тигранъ въ отвѣтъ только усмѣхнулся.

— И вы не желаете?—сказалъ Казаковъ. — Ну, вижу, вы всѣ сговорились противъ меня. Покоряюсь, ваша взяла. Такъ и запишемъ въ памятную книжку, только вотъ жаль, что карандашика нѣтъ, да къ тому же и книжку позабылъ въ городѣ Архангельскѣ, въ которомъ никогда не бывалъ...

Онъ помолчалъ немного, спряталъ въ карманъ кисетъ и трубку и снова заговорилъ, стараясь придать своему подвижному лицу серьезное выраженіе, которое совсѣмъ не шло къ нему.

— Да, — вздохнулъ онъ, — значитъ, товарищи брезгуютъ тобой, господинъ Казаковъ: никто не пожелалъ съ тобой компаніи составить насчетъ трубочки. Я про васъ, Савелій Василичъ, — обратился онъ къ Дьяконову, — ничего не говорю: вы курите папиросы и трубки не уважаете.. Вы — особа статья.. Но мнѣ обидно, что Сидоръ Поликарпычъ пренебрегаетъ мной.. Ну, Богъ съ вами: я не помню зла... А чтобы доказать вамъ это, дарю вамъ всѣ эти горы, лѣса, которые растутъ на нихъ, разные руды — серебряные, золотые, желѣзные, мѣдные, которые для васъ приготовлены внутри горъ, дарю и разныхъ звѣрей, которые во множествѣ шатаются по лѣсамъ. Владѣйте себѣ на доброе здоровьице да Казакова, Максима Алексѣича, не поминайте лихомъ!

Вязанкинъ слушалъ его улыбаясь и потомъ съ видомъ удивленія покачалъ головой.

— Ну, ужъ и Казаковъ, — проговорилъ онъ. — Не даромъ тебя дятломъ прозвали: языкомъ - то ты, какъ тотъ носомъ, долбишь. А вѣдь все безъ толку, все на вѣтеръ.

— Ну, какъ безъ толку! — возразилъ Казаковъ. — Хоть маленькій, а все же есть толкъ... Я такъ полагаю, что отъ моихъ словъ воздухъ немного потеплѣлъ, да и темь пропала...

— А звѣздамъ конфузно стало слушать твою болтовню, онѣ и попрятались! — подхватилъ усмѣхаясь Дьяконовъ.

И на самомъ дѣлѣ звѣзды уже погасли, стало свѣтло. Синее небо было безоблачно и обѣщало погожій, ясный день.

— Ну, братцы, идемъ, — сказалъ Дьяконовъ. — А ты,—обратился онъ къ Казакову, — привяжи свой языкъ.

— Нѣтъ, Савелій Василичъ, — возразилъ Казаковъ, — я не стану привязывать его, потому — возни много будетъ, да и гдѣ тутъ искать веревку? А я, самое лучшее, буду молчать...

— Ладно, — отвѣтилъ Дьяконовъ и пошелъ впередъ, за нимъ зашагалъ Тигранъ, угрюмо насупившись. Казаковъ и Вязанкинъ шли позади рядкомъ.

Снѣгъ съ каждымъ шагомъ становился глубже, иногда доходилъ до колѣнъ.

Нигдѣ на немъ не было видно слѣдовъ человѣка.

Ущелье было извилисто—поворачивало то направо, то налѣво, то расширялось, то суживалось до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширина его была не болѣе пятидесяти шаговъ. По одну сторону его тянулись отвѣсной каменной стѣной скалы; другая сторона обрывалась щебенистыми кручами, кое-гдѣ спускалась небольшими отлогостями, заросшими низкорослымъ кряжистымъ дубнякомъ. Было тихо. Снѣгъ подъ ногами похрустывалъ. Небо постепенно становилось яснѣе, холодная синева его смягчалась. Потомъ оно чуть-чуть зарумянилось: гдѣ-то за горами вставало солнце...

Издали черезъ долгіе промежутки времени доносились глухіе орудійные выстрѣлы, и развѣдчикамъ казалось, что гдѣ-то за ущельемъ кто-то бьетъ дубиной по огромной пустой бочкѣ.

Въ полномъ молчаніи они прошли еще съ полверсты, и попрежнему на снѣгу не было видно человѣческихъ слѣдовъ.

Около одного крутого поворота, гдѣ каменная стѣна выдвинулась впередъ острымъ угломъ, Дьяконовъ вдругъ остановился: шагахъ въ тридцати отъ него изъ снѣга торчала рука.

— Видите? — тихо спросилъ онъ Тиграна.

— Вижу, — довольно спокойно отвѣтилъ тотъ. — Снѣгомъ занесло человѣка...

Развѣдчики подошли ближе. Загорѣлая, грубая рабочая рука съ широко растопыренными пальцами закоченѣла и была неподвижна.

— Женская рука,—проговорилъ Дьяконовъ, вглядываясь въ нее.

— А вотъ сейчасъ узнаемъ, — сказалъ Казаковъ, передалъ свою винтовку Вязанкину, снялъ съ пояса желѣзную лопатку съ короткой рукояткой и принялся быстро откидывать снѣгъ вокругъ трупа.

Скоро изъ-подъ снѣга показались лохмотья одежды, потомъ — лицо женщины.

Казаковъ осторожно смахнулъ съ него рукавомъ полушубка снѣгъ.

Глаза мертвой были плотно закрыты, морщинистыя щеки и острый носъ побѣлѣли, въ полуоткрытый ротъ набился снѣгъ. Изъ-подъ старой рваной шали, въ которую была закутана ея голова, выбилась на лобъ прядь черныхъ, посеребренныхъ старостью волосъ.

— Армянка, — проговорилъ Тигранъ, посмотрѣвъ въ лицо умершей. — Это, — обратился онъ къ Дьяконову,—изъ тѣхъ, которые отъ турецкой рѣзни бѣжали...

— Да, не иначе,— подтвердилъ Казаковъ. — Старушка... отстала отъ своихъ, выбилась изъ силъ и упала, а тутъ морозъ, метель... Ну и шабашъ—спѣта пѣсня... Извѣстное дѣло: дѣдушка морозъ, красный носъ, не любитъ шутить...

— Много теперь находятъ въ снѣгу армянъ да турокъ, — проговорилъ Вязанкинъ. — Только ежели могилу копать для нея, — кивнулъ онъ головой на мертвую, — такъ вѣдь и за полдня не выкопаешь, земля твердая, какъ желѣзо.

— Какая тамъ могила! — возразилъ Дьяконовъ. — Времени у насъ мало. Забросай ее,— сказалъ онъ Казакову.

Казаковъ живо забросалъ трупъ снѣгомъ. Скоро надъ нимъ выросъ небольшой бугоръ.

— Вотъ и хорошо будетъ,—говорилъ Казаковъ, обглаживая лопаткой края бугра.—Крестикъ бы поставить, да, видно, ужъ обойдемся безъ него... Вернемся въ окопы, скажемъ отцу Валтасару— онъ и помянетъ ее въ своихъ молитвахъ... А насчетъ того, какъ звать ее, нечего безпокоиться: Господь знаетъ имя... Отецъ Валтасаръ говорилъ, что Богу всѣ люди извѣстны. А онъ зря не скажетъ: человѣкъ правильный...

Онъ помолчалъ и глянулъ на Тиграна.

— Вотъ что, папаша,—сказалъ онъ ему серьезно, — я вамъ правду скажу: изъ всѣхъ армянъ, которые теперь въ нашей ротѣ, я уважаю васъ да отца Валтасара... Ну, про васъ говорить много нечего: всѣ знаютъ, что вы товарищъ отличный... А батюшку уважаю за то, что огня въ немъ много, и страху нѣтъ никакого... Сами знаете, онъ все время подъ пулями съ нами находится... Это я уважаю...

— Да, — промолвилъ Тигранъ,—онъ хорошій человѣкъ... Лѣтъ пять назадъ турки долго держали его въ тюрьмѣ, мучили... Онъ хорошій, онъ любитъ свой народъ...

Отецъ Вартазаръ, котораго солдаты называли Валтасаромъ, былъ армянскимъ священникомъ, бѣжавшимъ изъ Турціи въ началѣ войны. Это былъ высокій и худой старикъ, шестидесяти пяти лѣтъ, съ большой бѣлой бородой. Лицо его было блѣдное, безжизненное, какъ у аскета-затворника, а большіе черные глаза полны внутренняго огня. Они то пронизывали человѣка острымъ взглядомъ, то свѣтились мягко и ласково, но чаще они были полны глубокой печали.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ къ русскимъ, онъ постоянно оставался въ той ротѣ, въ которой находился Тигранъ и его товарищи-развѣдчики. Въ той же ротѣ, кромѣ Тиграна, находилось еще человѣкъ десять армянъ-добровольцевъ. Они глубоко уважали отца Вартазара, и каждое его слово для нихъ было закономъ, нарушить который было преступленіемъ Онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ бояхъ. Во время нашихъ атакъ онъ шелъ впереди роты, высоко держа въ рукѣ серебряный крестъ. Въ одну изъ атакъ онъ былъ раненъ пулей въ грудь на вылетъ. Пролежавъ три недѣли въ лазаретѣ въ Карсѣ, онъ съ незажившей еще раной вернулся въ роту. — «Мой долгъ быть около страждущихъ»,—говорилъ онъ съ сильнымъ армянскимъ акцентомъ.

Казаковъ, кончивъ обглаживать бугорокъ, повѣсилъ лопатку на поясъ.

— А теперь, Сидоръ Поликарпычъ,— обратился онъ къ Вязанкину,—позвольте мнѣ получить мой огнестрѣльный инструментъ.

Онъ взялъ винтовку, положилъ ее на плечо.

— Вотъ и готовъ,—сказалъ онъ,— можно хоть за тридевять земель итти... Ваше какое мнѣніе на этотъ счетъ будетъ, Сидоръ Поликарпычъ!

— Ну, и барабанъ же ты, братъ мой,— отозвался Вязанкинъ, покачивая головой. — И какъ это языкъ у тебя не устанетъ?

— Онъ, другъ мой, у меня особенный...

— Ну, ужъ ладно, — остановилъ его Дьяконовъ. — Помолчи... Что, въ самомъ дѣлѣ, какъ сорока, разстрекотался?.

II.

Встрѣча съ курдами.

Развѣдчики снова двинулись въ глубь ущелья, которое, какъ раньше, извивалось, то суживаясь, то расширяясь. На пути попадались камни, обломки скалъ, засыпанные снѣгомъ. Слѣдовъ человѣка попрежнему нигдѣ не было видно. На верху поднимался вѣтеръ и порой сбрасывалъ въ ущелье снѣжную пыль. Полоса неба надъ ущельемъ синѣла ярче: на верху разгорался солнечный день, а внизу, на днѣ ущелья было все еще сумрачно.

Около одного поворота развѣдчики выбрались на верхъ по отлогому, поросшему кустарникомъ, скату. Прямо передъ ними лежало довольно обширное мѣсто, на краю котораго стоялъ молодой и рѣдкій лѣсокъ за нимъ вдали высоко поднялась большая, совершенно голая конусообразная гора, вершина ея была залита лучами уже поднявшагося солнца, а склоны тонули въ синей холодной тѣни.

Налѣво отъ развѣдчиковъ полосой протянулся дубнякъ, взбирался почти до вершины плоской возвышенности, находившейся отъ нихъ въ двухстахъ шагахъ. Направо, за мелкой лѣсной порослью, ратью стояли скалы, громоздясь одна на другую.

Развѣдчики присѣли. Тигранъ досталъ изъ-за пазухи записную книжку и живо набросалъ карандашомъ планъ мѣстности.

Сунувъ книжку за пазуху, онъ долго и внимательно смотрѣлъ по сторонамъ.

— Намъ надо пробраться вонъ туда,— сказалъ онъ Дьяконову, кивнувъ головой на вершину возвышенности.—Какъ ты думаешь?

— Вѣрно, согласился Дьяконовъ.— Идемъ... осторожнѣе, братцы!

Согнувшись, развѣдчики, подъ прикрытіемъ кустовъ дубняка, начали подниматься вверхъ по склону возвышенности. На половинѣ пути Казаковъ и Вязанкинъ были оставлены въ кустахъ, изъ-за которыхъ хорошо были видны лѣсная опушка и скалы. Тигранъ и Дьяконовъ пробрались на вершину и легли на снѣгу.

По ту сторону возвышенности передъ ними лежала громадная и глубокая котловина, окруженная горами, которыя въ одномъ мѣстѣ спускались въ нее отлогими склонами, въ другомъ круто обрывались скалами съ острыми вершинами. На днѣ его разбросались небольшими купами деревья, выдѣлявшіяся на фонѣ снѣговъ черными пятнами. Межъ ними сѣрой лентой вилась дорога и пропадала въ глубинѣ котловины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ горы какъ бы раскололись, образуя проходъ, который съ вершины казался узкой щелью. По дорогѣ проползло нѣсколько конныхъ подводъ и скрылось въ этой щели. И подводы и люди, сопровождавшіе ихъ, казались маленькими, игрушечными. Солнце уже заглянуло въ котловину, освѣтивъ до половины юго-западный и сѣверный склоны, а самое дно ея и восточный склонъ были въ сѣрой тѣни.

Было тихо и какъ-то особенно торжественно. Синее небо, словно громадная опрокинутая вверхъ дномъ чаша, края которой держались на вершинахъ горъ, было свѣжее и радостное. Горы, скалы, лѣсъ, озаренные лучами солнца, стояли въ величавомъ молчаніи, словно творили утреннюю молитву. Вѣтеръ дулъ ровно, не вылъ и не бѣсновался, какъ передъ бурей.

Орудійные выстрѣлы становились все рѣже и рѣже и потомъ совсѣмъ прекратились.

Тигранъ сосредоточенно набрасывалъ въ книжку планъ котловины, старательно отмѣчая болѣе или менѣе характерныя детали мѣстности. Дѣлалъ онъ это быстро и умѣло, чему Дьяконовъ немало удивлялся.

Кончивъ набросокъ, онъ долго и внимательно смотрѣлъ въ котловину.

— За горами стоятъ армянскія деревни,—проговорилъ онъ.—То-есть раньше стояли, а теперь онѣ въ огнѣ... Видишь дымъ?

Дьяконовъ напряженно посмотрѣлъ вдаль, выше зубчатой стѣны горъ. На горизонтѣ видны были легкія дымчатыя тучки. Было замѣтно, какъ онѣ выплывали изъ-за этой стѣны, поднимались надъ ней и скоро пропадали.

— Похоже, будто дымъ,—неувѣренно произнесъ Дьяконовъ.—А то, можетъ, просто—тучки...

— Нѣтъ, сказалъ Тигранъ,—это дымъ: деревни горятъ... Двѣ деревни... одна большая, богатая... дѣтей, женщинъ вырѣзали, а дома подожгли.

— Это курды все стараются,—проговорилъ Дьяконовъ, слегка приподнявшись на локтѣ, и посмотрѣлъ на лѣсъ, на скалы.

Со стороны лѣса громко прозвучалъ ружейный выстрѣлъ.

— Фью-ю-у-у,—тихо и какъ то особенно нѣжно пролетѣла пуля близко надъ головой Дьяконова, который не измѣняя положенія, продолжалъ смотрѣть на лѣсъ. На опушкѣ лѣса, какъ и раньше, не было видно ни одной живой души.

— За деревьями прячутся,—проговорилъ Дьяконовъ.—Надо пробраться въ кусты.

Но едва онъ и Тигранъ поползли, какъ изъ лѣсу раздался ружейный залпъ. Пули засвистѣли вверху, завизжали внизу, рикошетомъ врываясь въ снѣгъ. Но ни одна изъ нихъ не зацѣпила развѣдчиковъ, которые успѣли добраться до ближайшихъ кустовъ дубняка и сквозь вѣтви его стали наблюдать за опушкой лѣса.

Изъ-за деревьевъ выскакалъ на поляну курдъ на сѣромъ конѣ, вскинулъ къ плечу винтовку и выстрѣлилъ въ кусты. Конь его горячился, не стоялъ на мѣстѣ, и поэтому пуля, пущенная имъ, пролетѣла очень высоко надъ кустами.

Развѣдчиковъ и курда раздѣляло разстояніе шаговъ въ двѣсти съ лишкомъ, но дальнозоркій Дьяконовъ успѣлъ разсмотрѣть, что на груди курда висѣла какая-то металлическая бляха, что-то въ родѣ медали.

— Должно-быть, начальникъ,—промолвилъ Дьяконовъ и потомъ крикнулъ Казакову и Вязанкину:

— Не стрѣляйте, братцы: еще будутъ...

— Мы и то поджидаемъ!—отозвался Казаковъ.

Курдъ круто повернулъ коня и опять нырнулъ въ лѣсъ, а черезъ минуту снова появился на полянѣ уже съ шестью товарищами, которые сдѣлали по кустамъ два залпа.

Нѣсколько пуль сбили вѣтви у того куста, за которымъ сидѣлъ Тигранъ, и одна близко пролетѣла около его щеки.

Со стороны Казакова и Вязанкина раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

Курдъ, сидѣвшій на сѣромъ конѣ, какъ мячъ вылетѣлъ изъ сѣдла. У другого курда конь упалъ, со всѣхъ ногъ ткнувшись мордой въ снѣгъ, потомъ повалился на бокъ. Его хозяинъ повалился было вмѣстѣ съ нимъ, но тотъ же часъ поднялся во весь ростъ.

Дьяконовъ выстрѣлилъ и свалилъ его. Остальные курды повернули обратно въ лѣсъ. Вдогонку имъ загремѣли частые выстрѣлы. Еще одинъ изъ нихъ свалился и повисъ, зацѣпившись ногой за стремя. Лошадь потащила его по снѣгу въ лѣсъ.

Сѣрый конь, оставшись безъ всадника, пробѣжалъ вдоль опушки, при чемъ болтавшіяся изъ стороны въ сторону стремена били его по бокамъ. Потомъ онъ бросился на поляну и вдругъ сразу осѣлъ на заднія ноги, словно ихъ подрѣзали у него. Упершись въ снѣгъ передними ногами, онъ силился подняться и затѣмъ тяжело грохнулся на бокъ.

Четверо курдовъ успѣли скрыться въ лѣсу, но не возобновляли стрѣльбы: можетъ-быть, они пробрались въ глубь лѣса, а можетъ-быть, притаились за

деревьями и наблюдали за кустами. Тигранъ и Дьяконовъ поползли къ своимъ товарищамъ. Вязанкинъ былъ блѣденъ и одной рукой прижималъ лѣвый бокъ. Казаковъ смотрѣлъ сквозь вѣтви куста на лѣсную опушку.

Дьяконовъ, едва взглянулъ на Вязанкина, понялъ, что тотъ раненъ.

— Ты что?—спросилъ его.—Раненъ?

— Бокъ зацѣпила,—хриплымъ голосомъ проговорилъ Вязанкинъ.—Вотъ

Курдъ подошелъ къ одному изъ лежавшихъ товарищей. Тотъ медленн(поднялся.

гляди,—показалъ онъ на маленькое отверстіе въ полушубкѣ выше пояса. Кровь уже начала выступать изъ отверстія, и тонкой длинной струйкой тянулась по полѣ полушубка.

— Не очень больно, а только жжетъ,—проговорилъ Вязанкинъ.

Казаковъ оглянулся, посмотрѣлъ ему въ лицо, потомъ перевелъ глаза на Дьяконова.

— Это,—проговорилъ онъ,—по первому разу его ранили, когда курды начали скакать и подняли пальбу... Смотрю—Поликарпычъ немного сморщился. «Кажется, говоритъ, меня задѣла пулька...» Глянулъ, а въ боку дырочка... «Словно, говоритъ, огнемъ жжетъ»... А у васъ, папаша, все благополучно?—спросилъ онъ Тиграна.

— Слава Богу, все обошлось благополучно,—отвѣтилъ Тигранъ и затѣмъ, обращаясь къ Дьяконову, сказалъ:

— Всѣ трое уходите въ ущелье... спѣшите въ окопы, а я пока задержу ихъ,—кивнулъ онъ головой въ сторону лѣса.—Вотъ возьми,—подалъ онъ Дьяконову записную книжку.—Если не вернусь, передашь командиру и все объяснишь. Ну, спѣшите, не то поздно будетъ: эти черти,—опять кивнулъ онъ на лѣсъ,—за помощью поскакали... Это былъ разъѣздъ.

— Вѣрно,—проговорилъ Дьяконовъ.—Ты какъ: можешь итти?—спросилъ онъ Вязанкина, запихивая за пазуху книжку.

— Не знаю,—отвѣтилъ тотъ.—Да вѣдь что же: надо итти—пойду, покуда хватитъ силъ... только бы перевязку сдѣлать...

— Тамъ, внизу, перевяжемъ,—сказалъ Дьяконовъ.—Потерпи немного... А ты чего ждешь?—спросилъ онъ Казакова, видя, что тотъ снова принялся смотрѣть на лѣсъ...

— А я тутъ останусь,—неувѣренно проговорилъ Казаковъ. — Вдвоемъ съ папашей намъ веселѣе будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ Тигранъ.— И ты уходи. Я одинъ управлюсь... идите, не теряйте времени...

— Ну, ужъ ладно,—проговорилъ Казаковъ.—Счастливо оставаться, папаша. Ну, Сидоръ Поликарпычъ, двигаемся...

Вязанкинъ, несмотря на рану, быстро поползъ на четверенькахъ, Казаковъ послѣдовалъ за нимъ.

Дьяконовъ на минуту задержался. Ему хотѣлось на прощанье обняться съ Тиграномъ, но, глянувъ въ его насупленное лицо, онъ только кивнулъ ему головой.

— Ну, въ случаѣ чего,—заговорилъ было онъ, но не докончилъ, отвернулся и быстро поползъ....

Тигранъ даже не оглянулся на него: присѣвъ на корточки, онъ не спускалъ глазъ съ лѣса...

III.

Сѣрый конь.

На полянкѣ лежали двое убитыхъ или раненыхъ курдовъ и двѣ лошади. Одна, должно-быть, была мертвая, другая—сѣрый конь—все еще билась, двигая передними ногами. На лѣсной опушкѣ никого не было замѣтно.

Тигранъ осторожно проползъ вдоль дубняка и, остановившись близъ спуска въ ущелье, присѣлъ за большимъ кустомъ, на вѣтвяхъ котораго еще кое-гдѣ держались прошлогодніе сухіе коричневые листья.

Тигранъ посмотрѣлъ сквозь вѣтви. Межъ стволовъ деревьевъ, показалось ему, мелькнула фигура человѣка и тотъ же часъ спряталась.

Прошло минутъ пять-шесть... Вдругъ изъ лѣса раздался выстрѣлъ, и слышно было, какъ пуля прошуршала въ кустахъ. Но стрѣлявшаго не было видно. За первымъ выстрѣломъ послѣдовали второй, третій, четвертый—цѣлый рядъ выстрѣловъ, при чемъ пули ударялись въ стволы кустовъ, срывали съ нихъ вѣтви не въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, а по всей линіи дубняка. И Тиграну стало понятно, что невидимый стрѣлокъ этими выстрѣлами, повторявшимися черезъ извѣстные промежутки времени, нащупывалъ развѣдчиковъ, надѣясь вызвать съ ихъ стороны отвѣтные выстрѣлы. Тигранъ внутренно одобрилъ такой способъ обстрѣла.

Выстрѣлы въ лѣсу прекратились, но на его опушкѣ никто не показывался.

Гдѣ-то за горами началась орудійная пальба и разгоралась съ каждой минутой.

Прошло болѣе получаса, и Тигранъ подумалъ, что его товарищи уже успѣли пройти по ущелью съ версту.

Онъ уже собирался спуститься въ ущелье, какъ вдругъ увидѣлъ, что на опушкѣ появился курдъ. Онъ былъ пѣшій, держалъ въ рукахъ ружье и нерѣшительными шагами медленно приближался къ товарищамъ, лежавшимъ на полянѣ, и въ то же время не сводилъ глазъ съ дубняка. Вотъ онъ подошелъ къ одному изъ лежавшихъ, склонился надъ нимъ. Къ удивленію Тиграна, тотъ медленно поднялся. Пришедшій быстро подхватилъ его подъ мышки и повелъ въ лѣсъ, при чемъ ни разу не оглянулся назадъ.

— Это хорошо, очень хорошо,—прошепталъ Тигранъ.—Не оглядывается, хотя, можетъ-быть, знаетъ, что за кустами сидитъ его врагъ и смотритъ на него.

И у него даже мысли не мелькнуло выстрѣлить въ курдовъ.

Навстрѣчу раненому выбѣжало еще трое курдовъ, подхватили его, унесли...

— Четверо осталось,—подумалъ Тигранъ.—Значитъ, это былъ разъѣздъ... Посмотримъ, что дальше будетъ...

Черезъ нѣсколько времени изъ лѣсу вынырнули двое верховыхъ курдовъ, въ одной рукѣ держа ружье, а другой—натягивая поводья и заставляя коней топтаться на одномъ мѣстѣ. Потомъ они проскакали вдоль опушки и, повернувшись къ кустамъ, выстрѣлили.

— Старая штука,—усмѣхнулся Тигранъ.—Посмотримъ—кто кого...

Между тѣмъ курды, повернувъ коней, рѣшительно двинулись къ дубняку.

Тигранъ неторопливо прицѣлился и выстрѣлилъ. Одинъ изъ нихъ опрокинулся навзничь, широко взмахивая руками и роняя ружье, и потомъ груз-

но упалъ на снѣгъ. Его конь шарахнулся въ сторону, взбрыкивая задними ногами. Другой курдъ поспѣшно бросился обратно въ лѣсъ, погоняя коня ударами ружейнаго приклада.

Тигранъ выпустилъ въ него четыре пули, но тотъ уже успѣлъ скрыться въ лѣсу.

Быстро зарядивъ винтовку новой обоймой, Тигранъ уже не цѣлясь, пустилъ въ лѣсъ еще пять пуль. Сдѣлалъ онъ это съ цѣлью показать курдамъ, что за кустами будто бы сидятъ нѣсколько человѣкъ. Снова зарядивъ винтовку, онъ поспѣшно спустился въ ущелье и побѣжалъ по тропѣ.

Порой онъ останавливался на минуту и прислушивался. Сверху до его слуха доносилась частая ружейная трескотня, но по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался къ выходу изъ ущелья, выстрѣлы становились все глуше и глуше, а затѣмъ совсѣмъ затихли. Онъ уже миновалъ снѣжный бугоръ, насыпанный подъ трупомъ замерзшей армянки.

Въ одномъ мѣстѣ, около скалы, снѣгъ былъ сильно утоптанъ, два-три кровяныхъ пятна были видны на немъ.

— Перевязку, должно-быть, дѣлали Вязанкину,—подумалъ онъ, продолжая итти крупнымъ шагомъ.

«Странный человѣкъ, — думалъ онъ про Вязанкина. — Всегда молчитъ... такой степенный, такой спокойный... думаетъ... о чемъ? Никому не извѣстно: мыслей своихъ никому не говоритъ»...

По разсчетамъ Тиграна, товарищи его уже должны были выйти изъ ущелья, и теперь, вѣроятно, пробираются къ нашимъ окопамъ. Между русскими и турецкими окопами на протяженіи немного болѣе полуверсты лежало въ долинѣ неровное, покрытое невысокими буграми, пространство. На это пространство часто падали турецкіе орудійные снаряды, взрывами которыхъ были до земли обнажены нѣкоторые изъ бугровъ. Тигранъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ: выйдя изъ ущелья, онъ издали замѣтилъ своихъ товарищей—они сидѣли около одного изъ бугровъ и, какъ казалось ему, поджидали его. Онъ прибавилъ шагу, пошелъ по проложенному ими слѣду и время отъ времени оглядывался назадъ.

Еще не доходя до бугра, онъ замѣтилъ, что у товарищей не все благополучно: Казаковъ и Дьяконовъ сидѣли на корточкахъ, а передъ ними лежалъ, вытянувшись во весь ростъ, Вязанкинъ.

«Умеръ», мелькнуло въ головѣ Тиграна.

— Идешь?!—радостно крикнулъ ему навстрѣчу Казаковъ.—Слава Богу!

Тигранъ подошелъ и устало опустился около него.

— Живъ и невредимъ,—проговорилъ Казаковъ.—А я, грѣшнымъ дѣломъ, уже думалъ: ухлопали господа курды папашу. Слышимъ началась пальба... Ну, думаю, шабашъ...

— Да,—подтвердилъ Дьяконовъ,—и я думалъ, что не вернуться вамъ, Тигранъ Лазаревичъ.—Онъ впервые, за все время совмѣстной службы съ Тиграномъ, назвалъ его по имени и отчеству. — А какъ удалось уйти?

— Потомъ разскажу,—сказалъ Тигранъ.—Что съ нимъ?—кивнулъ онъ головой на Вязанкина, который лежалъ съ закрытыми глазами и тяжело дышалъ. Лицо его было очень блѣдно, но спокойно.

— Отходитъ, должно-быть, — проговорилъ Казаковъ.—Рана то въ боку у него... пуля въ ней осталась. Въ ущельи сдѣлали ему перевязку, и все время шелъ онъ молодцомъ, только снѣгъ горстями бралъ и ѣлъ... «Жжетъ,— говоритъ, внутренность». А подъ конецъ-то не выдержалъ. «Силы, говоритъ, пропадаютъ. Возьмите, говоритъ, винтовку мою, патроны, вещевой мѣшокъ и ступайте своей дорогой, а я, говоритъ, и безъ васъ сумѣю умереть.» Ишь, вѣдь, какой Поликарпычъ, а? Ну, взяли его подъ руки, повели... «Бросьте, говоритъ, меня, братцы. Ты, барабанъ, говоритъ мнѣ, шелъ бы на выручку нашего армянина... А ты, говоритъ, Дьяконовъ, иди въ окопы... Меня же оставьте, потому пользы отъ меня теперь и на грошъ ломаный нѣтъ...» А ноги-то подламываются у него... Ну, взяли на руки, понесли... Несли, несли... тяжеленекъ Поликарпычъ... вотъ присѣли отдохнуть.

Вязанкинъ медленно, съ усиліемъ открылъ глаза... Густые усы его зашевелились.

— Пришелъ?—тихо спросилъ онъ, неподвижно смотря потухающимъ взоромъ въ синее залитое солнцемъ небо.

Тигранъ, понявъ, что онъ спрашиваетъ про него, склонился надъ нимъ.

— Пришелъ, братъ, пришелъ,—сказалъ онъ.—Трудно тебѣ?

Вязанкинъ тяжело перевелъ дыханіе.

— Не въ томъ дѣло,—проговорилъ онъ.—Какъ... насчетъ коня?

— Какого коня? удивился Тигранъ.

— Какого? Не знаешь?—съ оттѣнколъ неудовольствія проговорилъ Вязанкинъ.—Сѣрый конь... ранили котораго... Живъ?

— А—а...—произнесъ Тигранъ, невольно улыбаясь.—Кажется, мертвый лежитъ... А что?

Вязанкинъ не отвѣтилъ и попрежнему неподвижнымъ взоромъ смотрѣлъ въ небо.

— А наша все-таки взяла! — неожиданно громко крикнулъ онъ.

Глаза его совсѣмъ потухли, рука лежавшая на снѣгу, задрожала... Онъ умеръ.

Казаковъ снялъ шапку и молча перекрестился. Дьяконовъ и Тигранъ тоже перекрестились...

Казаковъ склонился надъ нимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки надвинулъ ему вѣки на стеклянные, безжизненные глаза.

— Ну и Поликарпычъ!—прошепталъ онъ, съ видомъ удивленія покачивая головой.—Сѣраго коня вспомнилъ, а? Ну, все бы еще понятно, ежели бы конь его былъ, а то вѣдь — курдскій!... Ну, однако, молодецъ, ей Богу, молодецъ... Не плакалъ, не стоналъ... Крѣпкій человѣкъ былъ... Какъ думаете, папаша?

Тигранъ не отвѣчалъ: повернувшись лицомъ къ горамъ, онъ внимательно смотрѣлъ на ущелье, до котораго было шаговъ восемьсотъ. Тиграну показалось, что будто темная масса мелькнула около входа.

— Курды,—мысленно рѣшилъ онъ.

Прошла минута—другая. Изъ ущелья показался всадникъ и тотъ же часъ скрылся.

— А вѣдь это, братцы, курды погоню за нами хотятъ устроить,—замѣтилъ Казаковъ, глянувъ на ущелье.

Дьяконовъ, вытянувъ шею, смотрѣлъ туда же, сдѣлавъ рукою козырекъ надъ глазами, чтобы защитить ихъ отъ яркаго блеска снѣговъ.

— Дьяконовъ, — проговорилъ Тигранъ, не отрывая взора отъ ущелья,— бѣги, что есть силы въ окопы за помощью, а главное — книжку передай командиру...

Дьяконовъ поднялся и быстро скрылся за бугромъ. Казаковъ, забравъ патроны у Вязанкина, легъ по правую сторону бугра и навелъ винтовку на ущелье.

Тигранъ легъ по лѣвую сторону бугра.

Курды большой толпой, человѣкъ въ тридцать, какъ-то сразу выперли изъ ущелья и поскакали къ бугру, открывъ по немъ безпорядочную стрѣльбу.

Тигранъ и Казаковъ стали посылать въ нихъ пулю за пулей. Но это не остановило курдовъ.

Вдругъ съ русской позиціи загремѣли орудійные выстрѣлы. Надъ бугромъ съ шумомъ пронеслись снаряды, и тотъ же часъ въ толпѣ курдовъ взметнулось вверхъ красное пламя, поднялась туча снѣга и раздался грохотъ взрывовъ. Какіе-то клочки полетѣли въ разныя стороны, пять лошадей бились на снѣгу, задравъ кверху ноги, а двѣ съ пустыми сѣдлами и распущенными по вѣтру хвостами мчались въ глубь долины. Кто-то закричалъ, завопилъ дикимъ голосомъ. Курды въ разбродъ кинулись обратно въ ущелье, но снаряды догоняли ихъ, разрывались съ гулкимъ грохотомъ, и опять летѣли въ разныя стороны клочья.

Тигранъ, не обращая вниманія на взрывы, продолжалъ стрѣлять, рѣдкій его выстрѣлъ пропадалъ даромъ. А Казаковъ, приподнявшись на локтяхъ, слѣдилъ за ужаснымъ дѣйствіемъ шрапнели. Онъ зналъ, что клочья летѣвшіе въ разныя стороны были клочками лошадинаго и человѣческаго мяса и клочками одежды. Изъ всей партіи курдовъ едва ли успѣли вернуться въ ущелье человѣкъ пять, остальные разорванные вмѣстѣ съ своими изуродованными лошадьми валялись на снѣгу.

Загудѣли турецкія орудія. Снаряды стали падать на бугрѣ. Шагахъ въ двадцати отъ Казакова вдругъ ярко вспыхнулъ красный огонь изъ взметнувшейся кверху тучи снѣга словно исполинское чудовище гаркнуло во все горло: «ар-ра-ра-ахъ!» И что-то заскрежетало, что-то завыло, пронеслось на аршинъ отъ лица Казакова, ударилось въ вершину бугра, поднявъ снѣжную пыль.

— Папаша! крикнулъ Казаковъ.— Вы живые?

— Живой! — отозвался Тигранъ. — Ложись, не поднимайся.

— Я и то лежу. Вотъ каша-то заварилась, а? Хо-хо-хо! Слышь, папаша, всѣ батареи заговорили!

Турки открыли частую ружейную стрѣльбу, звуки которой скоро потонули въ грохотѣ орудійныхъ выстрѣловъ. Въ долинѣ стоялъ несмолкаемый гулъ.

Казаковъ на четверенькахъ быстро приползъ къ Тиграну. Тотъ лежалъ на снѣгу и сосредоточенно скручивалъ папиросу изъ турецкаго табаку. Передъ нимъ лежалъ старый, сильно потертый кожаный порттабакъ.

— А-а..!—весело произнесъ Казаковъ.—Вотъ это я люблю.

— Кури,—сказалъ Тигранъ, кивая головой на порттабакъ.

— А ну, давай попробуемъ пшеничнаго,—проговорилъ Казаковъ, принимаясь скручивать папиросу.—Давно уже не пробовалъ легкаго табаку: все махоркой питаюсь, да и то, славу Богу, что махорка-то есть...

Тигранъ зажегъ спичку, закурилъ, а Казаковъ, продолжая скручивать папиросу, потянулъ носомъ дымъ.

— Духовито! — проговорилъ онъ.—А ну, папаша, позвольте позаимствовать у васъ огоньку.

Тигранъ протянулъ ему папиросу. Казаковъ прислонилъ къ ней свою, зачмокалъ губами, папироса задымилась. Затянувшись разъ-другой, онъ пустилъ дымъ изо рта, изъ носа и въ то же время внимательно смотрѣлъ на папиросу, которую держалъ между указательнымъ и среднимъ пальцемъ правой руки.

— Хорошій табачокъ, — проговорилъ онъ тономъ знатока.—Пріятно такъ туманитъ мозги... А что, я хочу васъ спросить, папаша?

— А что?—отозвался Тигранъ.

— Пороли васъ, когда вы были мальчишкой?

— За что?

— А за куреніе. Меня здорово пороли.

— Я большимъ началъ курить...

— А я съ двѣнадцати лѣтъ началъ баловаться. Былъ у меня благопріятель Сережка Петровичевъ, сынъ купца, такой сусявый, хорошіе папиросы таскалъ... Бывало, стащитъ пачку папиросочекъ... «Пойдемъ Грисутка, говоритъ, покуримъ». Ну, а какъ родитель мой узнаетъ и давай меня веревкой ублаготворять... Нечего сказать, умѣлъ таки онъ дѣйствоватъ этимъ инструментомъ. Бывало, и просишь, и молишь: «Тятенька, голубчикъ, не буду... Вотъ, чтобы мнѣ сквозь землю провалиться, не буду».—«Нѣ-ѣтъ, говоритъ, врешь, анаѳема, будешь!» — И чтожъ? Вѣдь его правда: сталъ я курильщикомъ. Иной разъ хлѣба путемъ не поѣшь, а за папиросу берешься...

Тигранъ слушалъ его, слушалъ, и необычайно страннымъ показался ему разсказъ о годахъ далекаго дѣтства въ ужасной обстановкѣ смерти, да и самъ Казаковъ казался ему страннымъ человѣкомъ: покуривая съ наслажденіемъ папиросу и разсказывая, онъ едва ли думалъ о томъ, что вотъ-вотъ шрапнель отправитъ его въ далекій путь вслѣдъ за Вязанкинымъ. Тигранъ даже хотѣлъ спросить его, боится ли онъ смерти, но воздержался, понявъ всю неумѣстность этого вопроса.

А Казаковъ, выкуривъ папиросу, досталъ изъ сумки черный сухарь и принялся грызть его бѣлыми и крѣпкими зубами.

— Чуть было не забылъ, что съ утра ничего не ѣлъ,—усмѣхнулся онъ, работая зубами. — Великолѣпный сухарикъ, — продолжалъ онъ аппетитно прожевывая.—Теперь стаканчикъ чайку былъ бы въ самый разъ. Впрочемъ, это еще успѣется: въ окопахъ попьемъ...

Тигранъ посмотрѣлъ на него, и самому ему захотѣлось ѣсть такъ сильно, что засосало подъ ложечкой. Онъ тоже до-

сталъ сухарь, началъ его грызть, и сухарь показался ему очень вкуснымъ.

Опять недалеко отъ бугра взорвался снарядъ, и опять вслѣдъ за грохотомъ послышался скрежетъ, визгъ, свистъ.

— Ну и сила же въ этихъ штукенціяхъ,—замѣтилъ Казаковъ, кивая головой въ сторону взрыва и принимаясь за второй сухарь.—Давеча-то господъ курдовъ такъ начало пощипывать, ажъ оскретки полетѣли въ сторону... Хм...—усмѣхнулся онъ.—А вѣдь, поди курды-то надѣялись перестрѣлять насъ: дескать, насъ много! Понятно, перещелкали бы, если бы съ батарей наши не замѣтили ихъ... Да-а, инструментъ устроенъ хитро. Видно, папаша, у того, кто выдумалъ его, на плечахъ была голова съ хорошими мозгами, а не пустая кубышка болталась. Какъ думаете?

— Ну, конечно, съ мозгами,—усмѣхнулся Тигранъ, но тотъ же часъ нахмурился.—Не уложилъ ли такой инструментъ нашего Дьяконова?—озабоченно проговорилъ онъ.

— Все можетъ быть,—просто отозвался Казаковъ.—Вѣдь это недолго: трахъ, и готово! А, можетъ, тоже, какъ мы, прижался гдѣ-нибудь около бугра и ждетъ, пока перестанутъ палить...

Орудійный огонь уже началъ стихать съ обѣихъ сторонъ, а затѣмъ совсѣмъ прекратился. Началась было ружейная трескотня, но также скоро затихла.

Солнце уже склонялось къ западу и стояло низко надъ горами, которыя отбросили на долину густыя синія тѣни. Стало подмораживать.

— Пойдемъ,—рѣшительно проговорилъ Тигранъ, пряча порттабакъ въ карманъ.—До сумерекъ намъ обязательно надо быть въ окопахъ.

— А какъ насчетъ Поликарпыча? Возьмемъ его?—спросилъ Казаковъ.

Тигранъ на минуту задумался.

— Запоздаемъ мы съ нимъ,—проговорилъ онъ.—Забросай его снѣгомъ, а тамъ скажемъ въ окопахъ, санитары придутъ и возьмутъ...

— Ну, что же... Такъ и такъ,—согласился Казаковъ, ползкомъ перетащилъ трупъ Вязанкина на другую сторону бугра и наскоро забросалъ его снѣгомъ.

— Спи, товарищъ,—проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Тигранъ глянулъ на него и, къ своему удивленію, увидѣлъ слезы на его глазахъ.

Казаковъ отвернулся и поспѣшно отеръ ихъ рукавомъ полушубка.

— А ружьецо Поликарпыча я всетаки возьму,—проговорилъ онъ, взялъ винтовку Вязанкина и повѣсилъ черезъ плечо.—Ну, папаша, въ дорогу!—сказалъ онъ и поднялся...

— Идемъ, идемъ,—вдругъ заторопился Тигранъ, быстро поднимаясь...

Они пошли быстрымъ шагомъ, стараясь находиться подъ прикрытіемъ бугровъ.

Тигранъ оглянулся назадъ. Вдали чернѣли разбросанные по снѣгу трупы курдовъ и ихъ лошадей. За ущельемъ поднялись вершины горъ, на снѣгахъ которыхъ уже начали алѣть вечерніе огни.

Пришлось проходить мимо мѣстъ недавнихъ взрывовъ шрапнели. Тутъ снѣгъ былъ раскиданъ сажени на двѣ въ окружности, а въ мертвой землѣ видны были «воронки». Около одного мѣста валялась винтовка съ раздробленной ложей и согнутымъ штыкомъ

Казаковъ, едва глянулъ на нее, рѣшилъ, что Дьяконовъ убитъ.

— А вѣдь нашъ-то старшой, пожалуй, попалъ въ переплетъ,—проговорилъ онъ.

Тигранъ не отвѣтилъ и побѣжалъ къ трупу, лежавшему лицомъ вверхъ между двухъ бугровъ. Это былъ трупъ Дьяконова. Во лбу у него чернѣло большое черное отверстіе, лицо было покрыто запекшейся кровью.

Тигранъ глянулъ на него и угрюмо насупился. Подошелъ Казаковъ, снялъ шапку и перекрестился.

— Эхъ, милый человѣкъ!—какъ бы съ упрекомъ проговорилъ онъ.—И ты, братъ, не сдобровалъ!..

Тигранъ молча опустился передъ трупомъ на колѣни, пошарилъ у него за пазухой и досталъ свою записную книжку.

— Пойдемъ, — угрюмо проговорилъ онъ, поднялся и почти побѣжалъ по направленію окоповъ.

Казаковъ намѣренно немного отсталъ отъ него.

— Сокрушается человѣкъ, — проговорилъ онъ.—Да вѣдь это что жъ: сокрушайся, сколько хочешь, а безъ этого не обойдется: на то война! Конечно, жаль товарища, до что будешь дѣлать? Вонъ и Поликарпычъ тоже ушелъ отъ насъ...

И тотъ же часъ ему живо представилось, какъ медленно шевелились губы Вязанкина, когда онъ спрашивалъ про сѣраго коня.

— Ну и чудакъ человѣкъ былъ, — проговорилъ Казаковъ усмѣхаясь. — шаться... Нѣтъ словъ, жаль товарища, но вѣдь и то надо сказать, что всѣ мы на той же линіи находимся... Такъ-то, папаша.

Онъ помолчалъ, глянулъ на небо, по которому плыли небольшія бѣлыя облака.

— Скоро Новый годъ наступитъ, папаша,—проговорилъ онъ и продолжалъ:

— Люблю я эти праздники: Рождество и Новый годъ. Бывало, мальчишкой пойдешь Христа славить, наберешь

Тигранъ и Казаковъ остановились передъ трупомъ Дьяконова.

И на что это понадобилось ему знать про коня?

Онъ догналъ Тиграна и молча прошелъ нѣсколько шаговъ съ нимъ рядомъ.

— Что это турки замолчали? — съ нарочитою безпечностью проговорилъ онъ.

— По шрапнели соскучился?—угрюмо буркнулъ Тигранъ, не глядя на него.

— Зачѣмъ соскучился?—добродушно сказалъ Казаковъ.—Мнѣ она, эта шрапнель, совсѣмъ ни къ чему. А я къ тому рѣчь веду, что, молъ, не надо сокрушаться... денегъ, орѣховъ, конфетъ. Тоже вотъ Пасха: люблю ее... травка молодая въ степи, солнышко свѣтитъ...

Тигранъ слушалъ его и думалъ о немъ.

— Этому война не страшна,—проговорилъ онъ про себя, и не могъ утерпѣть, чтобы не спросить, не бываетъ ли ему страшно во время боя?

— А какъ же иначе-то!—удивился Казаковъ. — Понятное дѣло страшно: вѣдь она, пуля или, скажемъ, шрапнель не шутитъ. Только объ этомъ думать

не надо: начнешь думать, бояться станешь, и тутъ тебѣ конецъ...

— Почему?

— А потому... Вѣдь, ежели я начну труса праздновать, то какъ могу обороняться отъ врага? Я побѣгу, а онъ мнѣ пулю въ спину. Такъ оно и слѣдуетъ: не бѣгай... Отъ смерти не убѣжишь, она свое время знаетъ. Иной въ двадцати бояхъ побываетъ и останется живъ и невредимъ, а потомъ смотришь простудился и въ три дня сгорѣлъ... А почему? Потому что каждому человѣку заранѣе опредѣлено, какою смертью умереть. Все, братъ, отъ Бога... тутъ, какъ ни изворачивайся, а будетъ по Божьему велѣнію, а не по твоему хотѣнію... А между прочимъ все это вы, папаша, сами отлично знаете, и только такъ, для разговора разспрашиваете меня.

— А вѣдь онъ правду говоритъ,— подумалъ Тигранъ, продолжая шагать.

IV.

За Арменію.

Сумерки уже начали расползаться по долинѣ, когда Тигранъ съ Казаковымъ добрались до окоповъ.

Въ этотъ день ни русскіе, ни турки не выходили изъ окоповъ, ограничившись орудійной и отчасти ружейной перестрѣлкой, которая къ вечеру совсѣмъ прекратилась.

Тигранъ и Казаковъ подоспѣли къ ужину, который приготовили походныя кухни, находившіяся верстахъ въ двухъ позади окоповъ.

Тигранъ отдалъ камандиру роты отчетъ о развѣдкѣ, передалъ ему свою записную книжку, отказался отъ ужина и пошелъ разыскивать отца Вартазара.

Казаковъ поѣлъ какого-то варева, сидѣлъ въ кругу своихъ товарищей, пилъ чай и разсказывалъ имъ о своихъ приключеніяхъ на развѣдкѣ.

Слушатели, узнавъ о смерти Вязанкина и Дьяконова, пожалѣли ихъ, помянули добрымъ словомъ. Трое изъ нихъ изъявили желаніе ночью отправиться за ихъ тѣлами, если только къ тому времени не будетъ приказа о наступленіи на турецкіе окопы. Среди слушателей находился молодой солдатъ Ѳоминъ, взятый на службу по набору прошлой осенью.

Скуластый, съ толстыми губами, онъ съ жаднымъ вниманіемъ слушалъ Казакова, не спуская съ него глазъ. Когда же разсказчикъ сталъ описывать, какъ шрапнель разметала курдовъ, Ѳоминъ вдругъ громко захохоталъ.

— Вотъ это такъ!—воскликнулъ онъ.— Вотъ это важно! Должно-быть,—обратился онъ къ Казакову, — полетѣли куда башка, куда нога, рука, а?.. Хо-хо-хо!

Никто изъ солдатъ не поддержалъ его, никто изъ нихъ даже не усмѣхнулся.

Пожилой солдатъ изъ запасныхъ, по фамиліи Егорушкинъ, а по ротному прозвищу «Кумъ Матюшка», хотя на самомъ дѣлѣ его имя было Григорій, неодобрительно покачалъ головой.

— Ты бы, паренекъ, помолчалъ,—замѣтилъ онъ Ѳомину.

— А что мнѣ молчать!—задорно возразилъ Ѳоминъ.—Не нравится тебѣ, что я смѣюсь, какъ этихъ чертей, курдовъ, шрапнель разнесла, а? Такъ ихъ еще не такъ слѣдуетъ. Вотъ только попадись мнѣ какой-нибудь дьяволъ живымъ.. Я сначала шкуру сдеру съ него, а потомъ штыкомъ приколю...

— Ну и муракъ, — проговорилъ Егорушкинъ, попрежнему покачивая головой.—«Шкуру сдеру».. Эка, съ великаго ума брякнулъ словечко-то! Пойми ты, пустая башка: ты вѣдь солдатъ, а не палачъ... Ты дерись съ врагомъ, пока онъ можетъ защищаться, а разъ онъ сдался тебѣ или, скажемъ, раненъ, за что же его мучить?.. Вѣдь ежели курды издѣваются надъ ранеными и мертвыми, то развѣ ты долженъ брать съ нихъ примѣръ?..

— Что вѣрно, то вѣрно,—подтвердили другіе солдаты.

— Такъ-то, дружокъ,—продолжалъ Егорушкинъ.—Ты будь солдатомъ, воиномъ, а не будь волкомъ...

Ѳоминъ смутился, потупился. Въ дѣйствительности онъ не былъ жестокимъ, но придурковатости въ немъ было довольно. И насчетъ сдиранія шкуры онъ и на самомъ дѣлѣ «брякнулъ съ великаго ума»...

— Ну, ужъ будетъ, будетъ, сказалъ онъ Егорушкину. — Проповѣдникъ... Какъ примется гвоздить словами... да и слова такія ядовитыя.

— Не нравится,—засмѣялся одинъ изъ солдатъ...

Прерванный разсказъ Казакова уже не могъ наладиться, да и у Казакова пропала охота разсказывать. Онъ выкурилъ цыгарку, пошелъ искать Тиграна и нашелъ его позади окоповъ вмѣстѣ съ священникомъ на камнѣ.

Тигранъ что-то разсказывалъ по-армянски, а священникъ пряталъ въ рукава старой рясы озябшія руки, и внимательно слушалъ его.

Казаковъ подошелъ къ нимъ и молча поклонился священнику.

Тотъ посмотрѣлъ на него долгимъ взглядомъ, и глаза его показались Казакову особенно печальными.

Тигранъ вполголоса что-то сказалъ священнику и кивнулъ головой на Казакова. Священникъ вдругъ порывисто поднялся, подошелъ къ Казакову и благословилъ его.

Казаковъ совсѣмъ не ожидалъ этого, смутился было, потомъ взялъ руку священника и поцѣловалъ ее. Онъ хотѣлъ сказать ему что-то, но не могъ. Въ душѣ его что-то задрожало, и слезы выступили у него на глазахъ.

Священникъ положилъ ему на плечо свою тонкую и худую руку.

— Ты хорошая человэка,—началъ было онъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, потомъ тотъ же часъ перешелъ на армянскій, и заговорилъ горячо, страстно. Снявъ съ плеча Казакова руку, онъ показывалъ ею на небо, на которомъ уже начали зажигаться звѣзды. Глаза его были полны огня и воодушевленія. Но это продолжалось лишь минуту-другую. Онъ вдругъ замолчалъ, поникъ головой и опять сѣлъ на камень.

Отецъ Вартазаръ повернулся лицомъ къ востоку, бросилъ шапку на снѣгъ и сталъ молиться.

— О чемъ это говорилъ батюшка?— тихо спросилъ Тиграна Казаковъ.

— Про Арменію, — промолвилъ тотъ, помолчавъ.—Богъ, говоритъ, дастъ, она скоро будетъ свободной, скоро перестанетъ литься кровь ея народа... Я говорилъ ему про ту женщину, которую мы нашли въ ущельи... Онъ плакалъ...

Онъ любитъ свой народъ... У него нѣтъ никакого имущества—все отдалъ бѣднымъ...

— Безсребренникъ,—тихо и задумчиво проговорилъ Казаковъ.—Рѣдкіе такіе люди на свѣтѣ.

А священникъ, склонивъ голову на грудь, беззвучно плакалъ.

Сумерки сгущались, но на вершинахъ самыхъ высокихъ дальнихъ горъ еще видны были блѣдные отблески зари.

Священникъ медленно поднялся, отошелъ отъ камня на нѣсколько шаговъ и, повернувшись лицомъ къ востоку, снялъ шапку, бросилъ ее на снѣгъ, потомъ опустился на колѣни и сталъ молиться.

Казаковъ посмотрѣлъ на него.

— Поди, за свой народъ молится,—проговорилъ онъ.

Тигранъ не отвѣчалъ и смотрѣлъ разсѣяннымъ взглядомъ куда-то вдаль.

Гдѣ-то позади окоповъ на горахъ блеснула зарница... Черезъ нѣсколько секундъ въ вечернемъ воздухѣ гулко прокатился орудійный выстрѣлъ. Казакову показалось, что онъ слышалъ, какъ высоко надъ нимъ съ шумомъ пронесся снарядъ. Прошла минута. Гдѣ-то въ той сторонѣ, гдѣ находились турецкіе окопы, послышался глухой гулъ ихъ взрыва.

За первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй, третій...

Казаковъ смотрѣлъ въ сторону турецкихъ окоповъ, стараясь уловить вспышки разрывавшихся тамъ шрапнелей. Порой ему казалось, что гдѣ-то въ надвигавшейся тьмѣ взметывалось вверхъ красное пламя... Но было ли это такъ на самомъ дѣлѣ, или это былъ обманъ утомленнаго зрѣнія,—онъ не могъ рѣшить. Вдругъ онъ ясно различилъ, что за турецкими окопами, гдѣ темными массивами поднялись горы, вспыхнули одна за другой нѣсколько зарницъ.

— Бу.. бу-бу-бухъ!.. донеслось оттуда черезъ минуту. Надъ головой Казакова словно громадныя птицы прошумѣли крыльями.

— Бохъ-бо-охъ... ба-хъ!—раздались взрывы гдѣ-то за окопами...

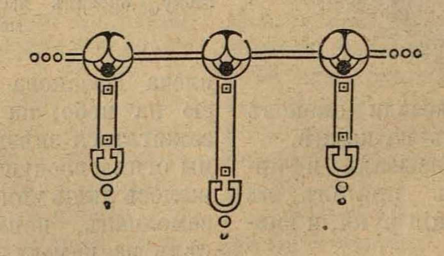
— Эй, кто тамъ торчитъ?..—послышался изъ окоповъ начальническій голосъ.—По мѣстамъ!

Тигранъ поднялся, крикнулъ что-то священнику, но тотъ попрежнему продолжалъ стоять на колѣняхъ.

Когда Казаковъ и Тигранъ подошли къ окопамъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ они передъ тѣмъ стояли, раздался грохотъ взрыва.

Казаковъ оглянулся.

Священникъ все стоялъ и молился.



Съ Богомъ за родину! *Рис. худ. П. Абрамова.*

„Нина“.

Шла вечерняя перекличка. Высокій, смуглый, красивый и молодцеватый «марэшаль», держа въ рукахъ списокъ солдатъ, выкликалъ ихъ одного за другимъ, выстроивъ предварительно въ два ряда.

Догаралъ ясный и тихій лѣтній день. Полнеба охвачено было алымъ заревомъ заката, и съ неугомоннымъ чириканьемъ чертили на золотомъ фонѣ загадочные гіероглифы быстрыя черныя ласточки. А въ долинахъ лежали уже глубокія фіолетовыя тѣни. Откуда-то тянуло дымомъ костровъ и приторнымъ запахомъ варева. Изъ-за приземистаго каменистаго холмика доносилось нетерпѣливое ржанье лошадей полкового обоза и людской говоръ. Солдаты на перекличкѣ держались, какъ всегда, позволяя себѣ маленькія, чисто ребяческія вольности: одинъ откликался глухимъ басомъ, словно голосъ его звучалъ изъ бочки, другой взвизгивалъ фальцетомъ, третій скандировалъ слова, четвертый свое имя сопровождалъ присвистомъ. Стоя въ два ряда, молодые, полные жизни парни, шутя подталкивали другъ друга, дѣлали невѣроятныя гримасы, топтались на одномъ мѣстѣ и поворачивали головы въ ту сторону, откуда такъ вкусно пахло варевомъ: проголодались за длинный лѣтній день и мечтали о томъ, какъ бы, покончивъ съ перекличкою, поскорѣе получить разрѣшеніе сѣсть у котловъ и приняться за ѣду. Своими ребяческими шутками солдаты порядкомъ мѣшали фельдфебелю и оттягивали вожделѣнный моментъ ужина.

Но такъ или иначе, а перекличка близилась къ концу.

— Луиджи Масса!—крикнулъ «марэшаль».

Отвѣта не было.

— Луиджи Масса!—снова крикнулъ онъ уже повышеннымъ голосомъ. И въ звукахъ его голоса послышались нотки раздраженія и тревоги.

Отвѣта не было.

— А, дьяволъ!—разсердился не на шутку фельдфебель.—Отзовись, собачій сынъ, а не то я тебя...

И вдругъ по рядамъ перекликаемыхъ солдатъ прошло движеніе. Смолкъ смѣхъ. Исчезли гримасы. Погасло молодое веселье. Словно сухая трава зашелестѣла. И потомъ невнятный шопотъ, становясь все звучнѣе, вылился въ жутко прозвучавшія слова:

— Луиджи Масса нѣтъ! Луиджи Масса отсутствуетъ!

Словно не вѣря этому тревожному шопоту, фельдфебель заоралъ уже бѣшенымъ голосомъ:

— Лу-ид-жи Мас-са-а-а!!!

Но въ отвѣтъ было то же гробовое молчаніе.

Сидѣвшій на мшистомъ камнѣ нѣсколько въ сторонѣ молодой лейтенантъ тре-

вожно поднялся и подошелъ къ притихшимъ рядамъ солдатъ. Онъ смотрѣлъ на солдатъ, солдаты смотрѣли на него.

И потомъ онъ вымолвилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Какъ... какъ же это такъ, ребята? Такой бравый солдатъ, такой храбрый малый, хорошій товарищъ... гдѣ же онъ? По крайней мѣрѣ, кто его видѣлъ послѣднимъ?

Въ отвѣтъ посыпались самыя разнообразныя заявленія: оказывается, бѣднягу Луиджи видѣли и здѣсь, и тамъ, и впереди, и сзади.

— Должно-быть, его все-таки подстрѣлили проклятые австрійцы!—высказалъ подозрѣніе одинъ солдатъ.

Я слышалъ, какъ онъ, Луиджи, какъ-то крикнулъ:

— Ой, мама моя!

— Вздоръ!—протестовалъ другой.— Это у него такая любимая поговорка была! Увидитъ муху, и говоритъ: Ой, мама моя!

— Спрятался гдѣ-нибудь, когда мы схватились съ гонведами!

— Въ плѣнъ къ гонведамъ попалъ! Онъ, вѣдь, такой отчаянный! Всегда впередъ лѣзетъ! Сколько разъ говорилъ ему: «Ой, не сносить тебѣ головы, Луиджи!» А онъ...

Въ концѣ-концовъ, съ приблизительною точностью удалось установить, по крайней мѣрѣ, мѣсто и время исчезновенія Луиджи Масса: онъ былъ въ обозѣ, сопровождавшемъ маленькій отрядъ, велъ мула съ припасами, того самаго мула, къ которому Луиджи былъ искренно привязанъ, котораго онъ баловалъ и защищалъ отъ заслуженныхъ колотушекъ, ибо мулъ былъ, какъ и полагается быть мулу, — капризнымъ, строптивымъ и своевольнымъ.

Во время слѣдованія отряда онъ внезапно подвергся обстрѣлу со стороны сидѣвшихъ въ засадѣ австрійскихъ стрѣлковъ и венгерскихъ гонведовъ.

— Впередъ! Въ штыки!—скомандовалъ офицеръ.

Солдаты, какъ одинъ человѣкъ, бросились на непріятеля. Австрійцы не допустили ихъ до себя и очистили позицію, которую занимали. Гнаться за бѣглецами было некогда: у отряда имѣлась спеціальная задача. Поэтому, проводивъ убѣгавшихъ австрійцевъ выстрѣлами, разсѣявъ ихъ, отрядъ пошелъ своимъ путемъ. Вотъ, надо полагать, именно въ тотъ моментъ, когда отрядъ пошелъ въ штыки, Луиджи Масса и отсталъ вмѣстѣ со своимъ муломъ. А что было дальше, — сказать было трудно. Вѣдь, послѣ ухода итальянцевъ къ этому мѣсту могли снова вернуться австрійцы. Наконецъ, тамъ могли бродить и отдѣльные австрійскіе патрули. И Луиджи Масса, разъ отставъ, легко могъ нарваться на нихъ...

На молодое красивое лицо офицера легла тѣнь печали: онъ былъ привязанъ къ своимъ солдатамъ, этимъ большимъ дѣтямъ, онъ зналъ каждаго изъ нихъ со дня вступленія въ полкъ, заботился о нихъ, училъ, берегъ. Онъ водилъ ихъ въ походъ.

Разумѣется, война—это война. Безъ потерь не обойдешься. Къ этому надо быть готовымъ каждый мигъ. Можетъ-быть, къ концу войны отъ цѣлой роты останется всего нѣсколько человѣкъ... Но до сихъ поръ, несмотря на нѣсколько схватокъ съ непріятелемъ, въ отрядѣ потерь не было. Двухъ трехъ поцарапали австрійскія пули, но люди остались въ строю. Луиджи Масса былъ первымъ потерявшимся. Можетъ-быть, его убили, можетъ-быть, онъ попалъ въ плѣнъ. А былъ такой хорошій, толковый, смышленый парень, такой бравый солдатъ...

— Если Луиджи былъ раненъ, какъ же вы, ребята, не обратили вниманія на это?—невольно упрекнулъ офицеръ своихъ солдатъ.—Не хорошо, ребята! Бросили товарища въ бѣдѣ!

Рядовые переглядывались смущенно. Въ самомъ дѣлѣ, не хорошо! Да кто же его зналъ? Посыпались пули. Пришлось отбиваться. Каждый думалъ о томъ лишь, какъ бы дорваться до врага, схватиться съ нимъ, сбить его съ того холма, на которомъ онъ залегъ.

Понуривъ голову, офицеръ ушелъ въ свою палатку и тамъ присѣлъ у походнаго, складного столика въ тяжеломъ раздумьѣ. Солдаты смущенно толклись возлѣ палатки, переговариваясь пониженнымъ голосомъ. И вдругъ...

— Огэй! Луиджи Масса!

— Луиджи-и-и Мас-са-а-а!

— Луиджи! Дьяволъ ты! Откуда ты взялся?

— Живъ Луиджи Масса-а-а! Ура-а!

Солдаты бѣжали, толкая другъ друга, съ радостными восклицаніями, подпрыгивали, хлопали въ ладоши, швыряли въ воздухъ свои кэпи. Кто-то распахнулъ занавѣску, прикрывавшую входъ въ офицерскую палатку, и завизжалъ пронзительно:

— Луиджи Масса отыскался! Вмѣстѣ со своимъ муломъ!

Офицеръ обрадованно поднялся и вышелъ изъ палатки. Онъ увидѣлъ медленно шагавшаго съ муломъ Луиджи, услышалъ крикъ его:

— Го-го-го! Здорово, ребята! Вотъ и я! Го-го-го!

И мулъ, словно отвѣчая на общія привѣтствія, закинулъ голову, прижалъ уши, оскалилъ большіе желтые зубы, и завизжалъ.

— Гдѣ ты пропадалъ?—крикнулъ офицеръ солдату.

— Я? Я вовсе не пропадалъ!—радостно и вмѣстѣ нѣсколько обиженно возразилъ Луиджи. — Это «Нина» чуть было не пропала!

— Какая «Нина»? — удивился офицеръ.

— А эта самая! Мулъ мой, синьоръ лейтенантъ! Одинъ проклятый нѣмецъ хотѣлъ увести «Нину». Изъ-за этого все и вышло!

— Разсказывай!

— Да видите, синьоръ лейтенантъ... Когда нѣмцы начали стрѣлять, — моя «Нина» возмутилась. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ,—подло это! Сами сидятъ въ засадѣ и стрѣляютъ, стрѣляютъ... Ну, и моя «Нина» загалопировала въ сторону...

— Испугалась, что ли?

— Вотъ еще?! Ни въ жизни! Станетъ она австрійцевъ бояться, синьоръ лейтенантъ! Но какъ ее ранили...

— Твой мулъ раненъ?

— Такъ, простая царапина! На правой ногѣ! Кости не тронуло! И кровь уже не идетъ! Я, какъ слѣдуетъ, шейнымъ платкомъ перевязалъ сейчасъ же. Мнѣ моя невѣста платокъ подарила, какъ мы въ походъ шли. Шелковый платокъ. Три лиры заплатила... Но развѣ мнѣ жалко? «Нина»—такое доброе животное... Опять же,—товарищи мы...

Ну, словомъ, «Нину» австрійцы ранили. «Нина» побѣжала. Я за нею. Не бросать же ее? Нагналъ, перевязалъ. Подгоняю. А она итти еле-еле можетъ. Цопъ, да цопъ, цопъ да цопъ... Хромаетъ! Оглянулся я вокругъ,—вы уже далеко. Одни мы съ «Ниною» остались на дорогѣ. Что тутъ дѣлать? Я уже подумывалъ—бросить бѣднягу «Нину». Да какъ глянулъ на нее,—сердце въ груди перевернулось! Смотритъ она на меня—ну, совсѣмъ человѣчьимъ взоромъ! Слезы изъ глазъ катятся! Извѣстно, — боль чувствуетъ, хоть и животное! Вотъ, вотъ чуть не скажетъ: «Хорошъ другъ! Стоило въ бѣду попасть, сейчасъ же меня покидаешь!» Ну, и порѣшилъ я — будь что будетъ, а я «Нину» не брошу! Будемъ вмѣстѣ потихоньку къ стоянкѣ пробираться. Авось, доберемся какъ - нибудь. Ну, а тутъ этотъ... австріецъ! Должно-быть, изъ тѣхъ, которыхъ вы разогнали. Вылѣзъ изъ-за камней,—оборванный такой, ружья нѣту. Ну, да, вѣдь, и я—безъ ружья. Дорогу мнѣ загородилъ. За поводья хватается.

— Чего, говорю, тебѣ, богопротивная рожа надо отъ насъ съ «Ниною»?

Ну, а онъ лопочетъ что-то, руками размахиваетъ. Такъ я понялъ: раненъ онъ въ ногу, и потому, извольте видѣть,— отдай ему мою «Нину». Онъ на нее усядется и поѣдетъ, куда слѣдуетъ...

Ну, возмутило это меня!

— Бога, говорю, ты не боишься, австріецъ! «Нина» сама ранена, еле-еле ковыляетъ безъ всякаго груза, изъ-за чего мы и отъ своихъ отстали! А ты ей на спину взгромоздиться собираешься! Не пущу! Проваливай!

— Ну, а онъ австріецъ, разсердился, да... Откуда у него и прыть только взялась? Пряталъ онъ, должно-быть, въ карманѣ револьверъ свой. А тутъ выхватилъ, да и того... въ меня прицѣлился.

— А у меня, извѣстно,—одинъ штыкъ при себѣ. Что со штыкомъ противъ револьвера сдѣлаешь? Но «Нина»,—она понятливая такая! Прямо какъ человѣкъ, можно сказать, синьоръ лейтенантъ! Ей Богу! Ну, и она увидѣла, что тотъ, австріецъ, мнѣ грозитъ. Какъ взвизгнетъ!

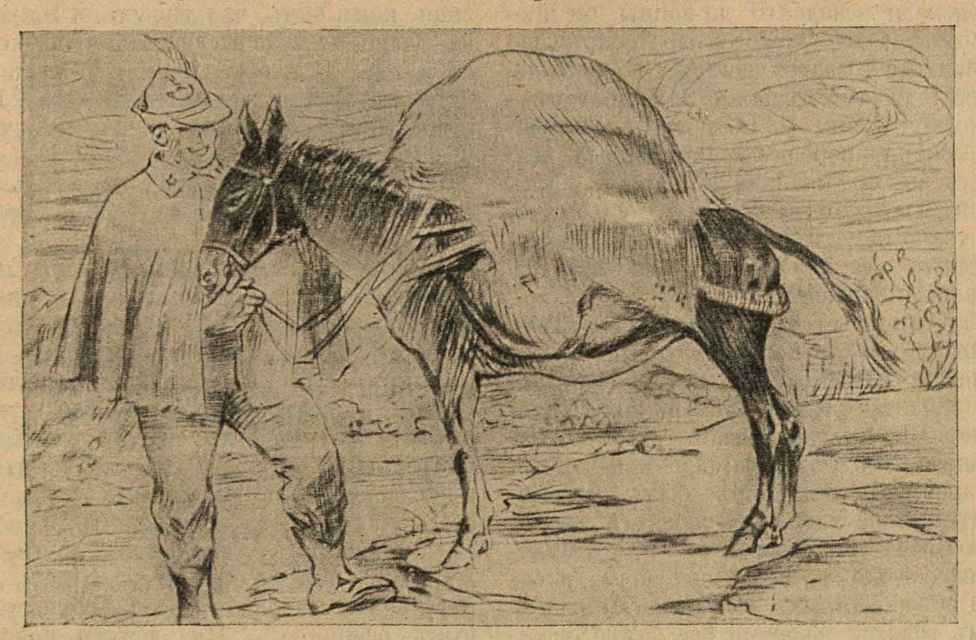
Да какъ цапнетъ его зубами за руку! Ну, онъ хоть и выстрѣлилъ, да только пуля въ воздухѣ дырку просверлила, мимо меня свистнула.

— А, ты такъ?!—думаю.—Ну, ладно же.

Прыгнулъ я на него, да давай его подлеца, штыкомъ, не вынимая изъ ноженъ, обрабатывать. И штыкомъ, и кулакомъ! А «Нина»,— она такая сообразительная, синьоръ лейтенантъ,—она со вредило! Но главное — ушли мы съ «Нинóю» отъ австрійцевъ! Доковыляли! Цопъ да цопъ... Го-го-го! Такъ я говорю, «Нина»?

Мулъ, прижавъ уши и оскаливъ зубы, словно улыбаясь, положилъ голову на плечо солдата и заржалъ довольнымъ голосомъ.

А ночь уже спустилась надъ бивуакомъ. На небѣ начинали вспыхивать первыя звѣзды.



Луиджи Масса и его мулъ «Нина».

своей стороны—тоже: и задними, и передними! Да еще и зубами!

— Ну, а онъ орать началъ, какъ сумасшедшій. А тутъ изъ-за гребня скалы другіе австрійцы повыползали, и давай въ насъ съ «Ниною» стрѣлять! Пришлось намъ утекать. Счастье еще, не посмѣли австрійцы за нами гнаться. А то совсѣмъкруто намъ пришлось бы. Потому что оба мы, извините, хромаемъ! «Нина» на переднія ноги, я на заднія...

— И ты раненъ?—забезпокоился офицеръ, только теперь замѣтившій, что правая нога солдата была перевязана кускомъ полотна, насквозь пропитавшимся кровью.

— Такъ, пустяки! — отвѣтилъ солдатъ.—Кости не тронуло, одно мясо повредило!

— Къ котламъ! — раздался крикъ фельдфебеля.—Разбирай порціи, ребята!

Старый капитанъ.

Его звали старомоднымъ, нѣсколько странно звучащимъ въ наши дни именемъ: Гераклитъ Сбарбатто, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ маленькій безбородый Геркулесъ.

На самомъ дѣлѣ—онъ не былъ ни маленькимъ, ни безбородымъ.

Высокій, костлявый, тощій, онъ походилъ на классическія изображенія Донъ-Кихота. Держался преувеличенно прямо, носилъ длинные, въ струнку вытянутые усы и бородку клиномъ. И усы, и борода давно уже начали сѣ-

дѣть, когда синьоръ Сбарбатто, былъ еще «тенентэ», то-есть поручикомъ. И это было не совсѣмъ удобно: вѣдь, поручики—это полковая молодежь. Дожить до сѣдыхъ волосъ и быть въ чинѣ всего лишь поручика—это какъ-то даже неприлично...

И, въ самомъ дѣлѣ, синьору Гераклиту Сбарбатто не везло по службѣ, хотя онъ и былъ старательнымъ и дѣльнымъ служакою. Бываетъ такъ. Въ капитаны его произвели незадолго до войны,—и производство это тоже было сопряжено съ какими-то затрудненіями и осложненіями: что-то мѣшало. Заходила рѣчь о томъ, что синьоръ Сбарбатто, собственно говоря, перешелъ предѣльный возрастъ, и по правиламъ долженъ былъ бы выйти въ отставку. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ослаблять армію, создавая офицерскій корпусъ изъ отжившихъ людей?!

Сдѣлавшись капитаномъ, Гераклитъ Сбарбатто сталъ командовать тою самою полевою батареею, въ которой когда-то началъ службу вольноопредѣляющимся. И это назначеніе тоже заставляло о себѣ говорить: ново-испеченный батарейный командиръ былъ человѣкомъ съ едва удовлетворяющимъ закону скромнымъ образованіемъ. А артиллерійское дѣло требуетъ все болѣе и болѣе образованныхъ людей, оно съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе сложнымъ. Однихъ практическихъ знаній мало: нужны очень серьезныя знанія теоретическія. Современная пушка ничего общаго не имѣетъ со старою, которую въ доброе старое время могъ отлить любой колокольный заводъ: теперешнее полевое орудіе — это цѣлая сложная машина..

Капитанъ Сбарбатто зналъ всѣ эти толки, и... и все больше и больше уходилъ въ себя.

Легко сказать,—выйти въ отставку! А куда потомъ дѣваться?

Ни родового, ни благопріобрѣтеннаго имущества у него не было. Изъ скромнаго офицерскаго жалованья много не скопишь... Правда, женившись, капитанъ Сбарбатто, который тогда былъ еще подпоручикомъ, взялъ за женою маленькое приданіе. Но и тутъ ему не повезло: его молодая жена, Богъ вѣсть почему, оказалась хворою, болѣла, болѣла безъ конца и чахла. И все ея приданое ушло на ея лѣченіе, на поѣздки въ санаторіи и на пребываніе въ горныхъ курортахъ. А умерла и похоронить-то ее прилично пришлось въ долгъ, который потомъ тяжелымъ камнемъ висѣлъ на шеѣ вдовца. Послѣ смерти жены у капитана Сбарбатто остался ребенокъ—крошечная дѣвочка. И отецъ уныло разводилъ руками, не зная, какъ быть, что дѣлать съ Элизою: за дѣвочкою нуженъ спеціальный уходъ, ей нужно дать образованіе. А какъ это сдѣлать? Гдѣ на это взять средства? Гдѣ найти людей, которымъ можно поручить воспитаніе дѣвочки?

Раздумывая объ этомъ, капитанъ частенько дергалъ себя за усы и что-то ворчалъ.

Сдѣлавшись батарейнымъ командиромъ, капитанъ нѣсколько улучшилъ свое экономическое положеніе, ибо сталъ получать больше жалованья. Дѣла поправились, но на будущее капитанъ смотрѣлъ съ затаенною тревогою, думая о томъ, что едва ли ему до истеченія предѣльнаго возраста удастся добиться производства въ слѣдующій чинъ. А это означало, что въ скоромъ времени его, Гераклита Сбарбатто, попросту попросятъ выйти въ отставку, дать дорогу болѣе молодымъ, болѣе образованнымъ офицерамъ. Ну, дадутъ пенсію. Но, вѣдь, это будетъ грошовая пенсія. Только-только съ голоду не умрешь!

А жизнь ушла, а силы истрачены. И молодымъ людямъ теперь такъ не легко найти какую-нибудь должность. Куда же спорить съ ними человѣку, у котораго вся голова сѣдая, усы и борода серебрятся?!

Но тяжелыя думы о незадавшейся жизни не мѣшали капитану Сбарбатто оставаться ревностнымъ, старательнымъ и исполнительнымъ офицеромъ. Онъ до того втянулся въ свою службу и до того сжился со «своею» батареею, что отдавалъ работѣ буквально все свое время.

По правдѣ сказать, солдатамъ артиллеристамъ это вовсе не нравилось: вѣчно приходилось быть на глазахъ у командира. Ходитъ, присматривается, вмѣ-

шивается въ каждую мелочь, даже въ то, что его непосредственно не касается. На солдатъ смотритъ, какъ строгій и требовательный «профэссорэ» на мальчишекъ учениковъ, или какъ опекунъ, наблюдающій за каждымъ шагомъ опекаемыхъ, требуя отъ нихъ отчета во всемъ содѣянномъ.

Сказать по правдѣ, въ «собственной» батареѣ у капитана Сбарбатто было нелестное прозвище:

— Неугомонный старикашка!

И вотъ началась война, и батарея, которою капитанъ Сбарбатто командовалъ, одною изъ первыхъ перешла австрійскую границу. И по мѣрѣ того, какъ шли дни боевой жизни, подчиненные капитану Сбарбатто солдаты артиллеристы и даже офицеры какъ-то незамѣтно для самихъ себя сближались съ «неугомоннымъ старикашкой», надъ которымъ раньше посмѣивались и подтрунивали: только тутъ, въ походѣ, выяснилось, какое огромное значеніе имѣли раньше казавшіяся нелѣпыми требованія капитана. Другимъ батареямъ приходилось не безъ труда втягиваться въ непривычную обстановку военно-походной жизни, а батарея Сбарбатто какъ будто продолжала прежнюю жизнь, только перемѣнивъ стоянку. Другимъ приходилось еще только пріучаться къ работѣ, знакомой лишь въ теоріи, а батарея Сбарбатто знала уже практически рѣшительно все. И ея работа шла, какъ по маслу, легко и свободно.

Только теперь весь служебный персоналъ батареи, начиная отъ конюховъ и канонировъ и кончая офицерами, понялъ, насколько нужны были тѣ повседневные маленькіе уроки, дававшіеся раньше людямъ «неугомоннымъ старикашкою», и насколько основательны были всѣ его указанія...

Уже на походѣ капитанъ Сбарбатто получилъ телеграмму. Развернулъ ее, прочиталъ. Его лицо потемнѣло, глаза потускнѣли, плохо выбритыя щеки задрожали, и руки затряслись. Какъ-то сразу распухли, отяжелѣли вѣки и схрипъ голосъ.

Но не сказавъ ни слова, онъ аккуратно свернулъ листокъ телеграммы и сунулъ его въ свой объемистый бумажникъ изъ потертой коричневой кожи съ погнутыми мѣдными застежками.

— Что случилось, капитанъ?—освѣдомился ближе другихъ державшійся къ командиру поручикъ Бораччи. — Какая-нибудь служебная непріятность?

Старикъ капитанъ тяжелымъ взглядомъ посмотрѣлъ на поручика.

— Н-нѣтъ!—вымолвилъ онъ хрипло.— Это службы совсѣмъ не касается! Дѣло чисто... чисто частнаго характера!

Голосъ его дрогнулъ. Казалось, онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но поперхнулся. Слова застряли въ горлѣ.

— Нѣтъ, службы совсѣмъ не касается!—оправившись, повторилъ онъ.—И, вообще говоря, теперь объ этомъ думать не приходится! Или я очень ошибаюсь или на этихъ же дняхъ, быть-можетъ, даже сегодня, намъ придется встрѣтиться съ австрійцами, и... и поработать!

И въ этотъ день, и въ слѣдующую ночь онъ съ особымъ вниманіемъ исполнялъ свое дѣло, провѣряя и направляя дѣйствія каждаго отдѣльнаго солдата, не упуская изъ виду ни единой мелочи. Даже какъ будто еще строже и требовательнѣе сталъ. А ночью, когда батарея отдыхала на бивуакѣ,—онъ не спалъ. До самаго разсвѣта ходилъ мѣрными шагами по стоянкѣ, всматривался при помощи бинокля въ ночную мглу, ловилъ каждый шорохъ.

Старый капитанъ не ошибся: съ утра его батареѣ пришлось вступить въ дѣло. Сначала она шрапнелью обстрѣливала лѣсокъ по ту сторону горной быстроводной рѣченки, выгоняя засѣвшихъ въ лѣсу австрійскихъ стрѣлковъ тирольцевъ. Потомъ два итальянскихъ полка ринулись въ бродъ и перешли на тотъ берегъ, и заняли лѣсокъ, выбивъ штыками остатки уцѣлѣвшихъ отъ артиллерійскаго огня тирольцевъ. И тогда батареѣ Сбарбатто пришлось тоже перейти черезъ рѣчку, занять новую позицію и поддерживать пѣхоту, на которую стали сыпаться австрійскія гранаты.

Мало-по-малу бой разгорался. Артиллеристы начинали горячиться. Въ ихъ рядахъ имѣлись уже кое-какія потери, но это только поднимало ихъ боевое

настроеніе. Если бы не капитанъ Сбарбатто, сохранившій полное самообладаніе и дѣйствовавшій, какъ на ученіи, — молодежь способна была бы зарваться и надѣлать глупостей. Но спокойный, сухой, увѣренный тонъ приказаній стараго капитана дѣйствовалъ на разгорячившихся солдатъ. Казалось, у батарейнаго командира проявлялось особое, граничащее съ чудеснымъ чутье: онъ чуялъ опасность, онъ угадывалъ, съ какой стороны эта опасность надвигается. Отъ времени до времени вдругъ отдавалъ приказаніе о перемѣнѣ позиціи, когда въ этомъ, казалось, ни малѣйшей надобности не было.

Исполняли это приказаніе солдаты и офицеры съ явнымъ неудовольствіемъ: зачѣмъ мѣнять позицію, когда эта представляетъ извѣстныя удобства? Старикъ чудитъ! Просто, въ немъ сказывается неугомонный характеръ. Ему хочется показать, что и онъ что-то дѣлаетъ...

Батарея снималась и переходила на новую позицію. А минуту спустя на то мѣсто, откуда она только что ушла, начинали одна за другой сыпаться непріятельскія гранаты. И тогда солдаты начинали понимать, что «неугомонный старикашка» дѣйствовалъ вовсе не спроста, что у него были какія-то свои особенныя соображенія, и что эти соображенія оправдались на дѣлѣ.

Артиллерійская перестрѣлка продолжалась почти до сумерекъ. Потомъ огонь сталъ стихать, австрійцы перестали отвѣчать на выстрѣлы батареи, пѣхотные полки, продержавшіеся нѣсколько часовъ въ лѣсу, выдвинулись и съ налету овладѣли спрятавшеюся въ ложбинѣ горною деревушкою, на улицахъ которой лежало немало труповъ австрійцевъ. Батарея Сбарбатто по распоряженію проѣхавшаго по линіи генерала была тоже передвинута. Генералъ освѣдомился о числѣ выпущенныхъ снарядовъ и о понесенныхъ потеряхъ.

— Ваша батарея поработала сегодня очень недурно!—сказалъ генералъ.—Я все время наблюдалъ за ходомъ дѣла. Но... но меня удивляетъ, что ваши потери такъ ничтожны. Да, удивляетъ, и... и радуетъ! Повидимому, вы, капитанъ, чрезвычайно удачно примѣнялись сегодня къ обстановкѣ! Желаю вамъ такой же удачи и впредь!

Капитанъ, вытянувшись въ струнку, молча выслушалъ похвалу генерала, даже не улыбнувшись, не моргнувъ глазомъ, и генералъ невольно подумалъ:

— Странный человѣкъ! Его хвалятъ, а ему это, кажется, совершенно безразлично!

Ночь прошла для батареи спокойно. Капитанъ, сдавъ командованіе батареею старшему поручику, отлучился на два часа. Отправился въ расположившійся поблизости подвижной лазаретъ «Краснаго Креста», куда были увезены пострадавшіе въ дневномъ бою солдаты его батареи. У каждаго посидѣлъ, поболталъ, каждому сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ и каждому оставилъ маленькій подарокъ, чѣмъ солдаты были и обрадованы и нѣсколько сконфужены: никакъ не ожидали со стороны «неугомоннаго старикашки» и такого требовательнаго до придирчивости командира проявленія такого трогательнаго вниманія.

Одинъ молодой солдатъ, сорви-голова, съ которымъ капитану раньше пришлось немало воевать,—разволновался до того, что, схвативъ руку стараго капитана, заплакалъ.

— Ну, чего ты, чего?!—уговаривалъ его, тихо усмѣхаясь, капитанъ.—Рана у тебя пустая. Въ двѣ недѣли все заживетъ! Отправишься домой, къ своимъ.

— Ни за что!—всхлипывая, отвѣчалъ раненый солдатикъ. — Я въ строй хочу, командиръ! Я съ вами оставаться хочу! Я...

Онъ поперхнулся и густо покраснѣлъ.

— Простите, командиръ!—заглядывая капитану въ глаза, бормоталъ онъ.

— За что прощать-то тебя, Луиджи?—освѣдомился капитанъ.—Ты велъ себя сегодня молодцомъ!

— Сегодня? Ну, сегодня, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ я велъ себя прилично! А раньше... тамъ... на родинѣ...

— Ну? Что было раньше?

— Ахъ, Мадонна?! Да сколько разъ, капитанъ, вы изъ-за меня въ отчаяніе приходили?! Сколько разъ я васъ до того доводилъ, что вы за голову хватались?!

— Ну, что старое вспоминать?!—какъ будто даже съ неудовольствіемъ отвѣтилъ капитанъ.

— Нѣтъ, капитанъ!—горячо твердилъ солдатъ.—Это вы по добротѣ такъ говорите! Я развѣ не понимаю? Вамъ жалко, что, вотъ, одинъ изъ вашихъ солдатъ лежитъ съ перебитою ногою! А если говорить по совѣсти, такъ мнѣ, подлецу, голову надо было бы оторвать! Вотъ что!

— Да за что, Луиджи?

— А какъ же, капитанъ? Вѣдь, я теперь какъ вспомню, какія вамъ штуки устраивалъ... Такъ, изъ глупаго озорства! Такъ, чтобы досадить! Вамъ.... Не знаю, куда и дѣваться? И гдѣ у меня совѣсть-то была?!

Капитанъ поднялъ свою костлявую жилистую руку и отечески ласково положилъ ее на голову плакавшаго солдата.

— Ну, будетъ, ну, довольно!—уговаривалъ онъ его ласково.—Ну, ты былъ молодъ. Служба—не свой братъ. Отъ дому оторвался. Обстановка такая, что хоть на кого дѣйствуетъ. Ну, ты и сумасбродничалъ. Да, вѣдь, не со злымъ умысломъ?

Солдатъ вздрогнулъ, и его красивое молодое лицо залилось алою краскою. Не со зломъ? Какъ бы не такъ! Онъ, Луиджи, высмѣивалъ стараго командира, всѣми силами старался обратить его въ общее посмѣшище. Онъ, Луиджи, нарочно притворялся ничего не понимающимъ, тупымъ, безтолковымъ. Онъ систематически перепутывалъ полученныя приказанія. Зачѣмъ? Чтобы вывести изъ терпѣнія «неугомоннаго старикашку» и отравить ему существованіе.

Вѣдь, среди солдатъ былъ даже маленькій мальчишескій заговоръ: такъ допечь старика, чтобы онъ не выдержалъ и подалъ въ отставку....

— Подлецъ я, и больше ничего!—рыдая твердилъ молодой солдатъ. — По отношенію къ вамъ, капитанъ, совсѣмъ подлецомъ былъ! Самъ теперь не понимаю, какъ только могъ такія штуки выкидывать.

— Ну, ладно! Что было въ мирное время, о томъ теперь вспоминать нечего!—остановилъ его изліянія капитанъ.—Я, вѣдь, тоже не безъ грѣха! Ну, а теперь—война! Страшное дѣло! Каждую минуту лицомъ къ смерти стоимъ! Вонъ, ты уже поплатился, Луиджи! А я... завтра, можетъ-быть, поплачусь и я! Что же о мелочахъ вспоминать? Лучше отлеживайся, поправляйся! Если сможешь въ батарею вернуться, — я очень радъ буду. Ты — парень толковый, сообразительный. Вѣдь, ты только баловался, а если бы не это—у тебя давно бы фельдфебельскія нашивки были! Ну, я очень, очень радъ, что ты такъ ко всему относишься! Слушай, Луиджино! Я сегодня рапортъ составлять буду за этотъ день, и тебя въ рапортѣ упомяну. Не ручаюсь, но, можетъ-быть, и удастся выхлопотать тебѣ унтеръ-офицерство! А если ты вернешься въ батарею, — тамъ посмотримъ. На войнѣ не такъ трудно повышеніе получить! А теперь лежи, голубчикъ!

Капитанъ нагнулся и поцѣловалъ раненаго солдата въ мокрое отъ слезъ лицо.

— Да, я и позабылъ!—сказалъ капитанъ.—Я уже черкнулъ пару строкъ твоему отцу! Онъ, твой старикъ, не разъ писалъ мнѣ, жаловался на тебя, просилъ съ тобою построже обращаться. Ну, а я ему теперь написалъ, что ты въ бою себя молодцомъ велъ, что вовсе ты не заслуживаешь порицанія, что изъ тебя примѣрный солдатъ вышелъ... Словомъ, если пошлютъ тебя на поправку домой,— я прошу твоего отца поберечь тебя, какъ лучшаго солдата моей батареи! Ну, будетъ! Спи!

Выйдя изъ полеваго лазарета капитанъ Сбарбатто остановился у качавшагося подъ напоромъ вѣтра висячаго фонаря, досталъ изъ кармана мундира истрепанный бумажникъ, добылъ изъ нѣдръ его измятый листокъ полученной на-дняхъ изъ дому телеграммы, и въ десятый, нѣтъ, въ сотый разъ перечелъ короткія печатныя строчки, вздохнулъ, смахнулъ съ рѣсницъ повисшую непрошенную слезинку и зашагалъ твердыми, размѣренными шагами по направленію къ стоянкѣ своей баттареи.

На другой день батареѣ капитана Сбарбатто снова пришлось принять участіе въ бою, и на этотъ разъ ей было хуже

вчерашняго: за ночь къ австрійцамъ подошли сильныя подкрѣпленія. Ту позицію, которую занимала батарея Сбарбатто, австрійцы упорно нащупывали и засыпали градомъ снарядовъ. Тщетно капитанъ Сбарбатто чуть ли не каждый часъ мѣнялъ позицію, изворачиваясь на всѣ лады, всячески маскируя орудія. Было очевидно, что его батарея вчера слишкомъ досадила австрійцамъ своими мѣткими выстрѣлами, и теперь они, собравшись съ силами, старались во что бы то ни стало сбить ее и заставить ее замолчать.

Все чаще и чаще слышался грохотъ взрыва въ непосредственной близости батареи, съ визгомъ разлетались осколки разорвавшейся гранаты. Все чаще и чаще слышался стонъ и потомъ крикъ:

— Носилки!

Команда таяла. Къ полудню потери батареи были настолько велики, что пришлось приставить къ орудіямъ запасныхъ канонировъ.

Часовъ около четырехъ дня непріятельскій огонь сдѣлался невыносимымъ.

Капитанъ Сбарбатто выѣхалъ немного впередъ, забрался на своемъ росинантѣ на верхушку холма, и принялся осматривать въ полевой бинокль непріятельскія позиціи, не обращая вниманія на визжавшія вокругъ него пули. Его примѣръ заразилъ укрывшагося въ сосѣдней канавѣ и яростно стрѣлявшаго солдата пѣхотинца.

Капитанъ Сбарбатто и не замѣтилъ, какъ солдатикъ очутился рядомъ съ нимъ.

— Вонъ они, черти, гдѣ прячутся!— говорилъ, отчаянно жестикулируя, солдатъ.—Я, синьоръ капитано, за ними въ оба глаза слѣжу съ утра! Ваша батарея насолила имъ, надо полагать! Они нѣсколько разъ мѣсто мѣняли! Вы ихъ къ тому оврагу прижимайте, синьоръ капитано! Имъ тогда поневолѣ уйти придется, потому что они тамъ подъ огонь сосѣдней батареи попадутъ!

Словно молнія блеснула въ мозгу батарейнаго командира: этотъ замухрышка солдатъ былъ совершенно правъ. Если только удастся выстрѣлами заставить австрійскія батареи попятиться еще на двѣ или три сотни метровъ,—то австрійцы окажутся подъ выстрѣлами сосѣдней баттареи, отъ которой они сейчасъ укрыты гребнемъ холма. И тогда...

Капитанъ Сбарбатто не торопясь вернулся на батарею и отдалъ приказаніе усилить стрѣльбу.

— У насъ снарядовъ мало!—предостерегъ его поручикъ Бораччи.

— Я уже послалъ за снарядами!— отвѣтилъ капитанъ.—Намъ важно продержаться всего около часу!

— Не продержимся!—уныло откликнулся Бораччи.—У насъ почти предѣльныя потери!

— Должны продержаться!—сухо отвѣтилъ капитанъ.—Теперь дѣло обстоитъ такъ: мы ввязались и выскочить уже нельзя. Кто смолкнетъ первымъ, тотъ погибъ!

Въ самомъ дѣлѣ, артиллерійская перестрѣлка приняла характеръ смертельнаго поединка. Батарея Сбарбатто и батареи австрійцевъ частотою выстрѣловъ мѣшали другъ другу. Стоило кому-нибудь изъ двухъ противниковъ замяться, смолкнуть, — второй воспользуется этимъ мгновеніемъ и нанесетъ врагу смертельный ударъ.

И, вотъ, казалось, судьба рѣшила въ пользу австрійцевъ. Одна ихъ граната упала какъ разъ на позицію Сбарбатто, сбила лѣвофланговое орудіе, перебила и перекалѣчила всю прислугу и этого орудія, и сосѣдняго. Сразу смолкли двѣ пушки изъ шести. Еще нѣсколько секундъ, и вторая граната разорвалась въ десяткѣ шаговъ отъ мѣста, гдѣ стоялъ самъ батарейный командиръ. Сбарбатто упалъ, получивъ нѣсколько ранъ.

— Носилки!—услышалъ онъ крикъ поручика Бораччи.—Командиръ убитъ!

— Нѣтъ, я не убитъ!—крикнулъ изо всѣхъ силъ, обливаясь кровью, старый капитанъ. — Къ чорту носилки! Стрѣляйте, стрѣляйте, ребята! Чаще! Чаще!

— Капитанъ, послѣдніе снаряды!

— Къ чорту послѣдніе снаряды! У австрійцевъ тоже отчаянное положеніе! Я сужу по нервности ихъ стрѣльбы! Если мы хоть пять минутъ продержимся,—они начнутъ отступать, а тамъ...

Голосъ капитана оборвался. Силы оставили его, и онъ свалился рядомъ съ трупомъ раньше убитаго канонира. Но

прикосновеніе къ землѣ словно влило въ истерзанное тѣло капитана новыя силы. Онъ приподнялся, опираясь руками на трупъ канонира, и совсѣмъ звонкимъ голосомъ закричалъ:

как̆ъ этотъ ревъ усиливался,—пальба съ австрійской стороны дѣлалась все безпорядочнѣе, австрійскіе снаряды теряли прежнюю мѣткость.

— Они потеряли насъ, ребята! Держи-

Капитанъ Сбарбатто выѣхалъ немного впередъ и сталъ осматривать въ бинокль непріятельскія позиціи.

— Молодцы, дѣти! Ура! Такъ ихъ, нашихъ враговъ! Засыпайте, засыпайте ихъ! Они уже отходятъ! Скорѣе! Скорѣе, ради всего святого!

Четыре уцѣлѣвшія пушки, разстрѣливая послѣдніе снаряды, поминутно вскрикивали бронзовыми глотками. Выстрѣлъ слѣдовалъ за выстрѣломъ съ такою быстротою, что пальба сливалась въ одинъ могучій, яростный ревъ. И по мѣрѣ того,

тесь! Стрѣляйте! Они отходятъ, а тамъ, куда они идутъ, ихъ перейметъ сосѣдняя батарея, и... и уничтожитъ!

Голосъ капитана слабѣлъ.

Два солдата подскочили къ нему съ носилками. Еще разъ жизнь вспыхнула въ немъ, и, засверкавъ глазами, онъ крикнулъ имъ:

— Застрѣлю перваго, кто ко мнѣ прикоснется! Назадъ! Къ пушкамъ!

— Но, капитанъ, вы истекаете кровью!

— Къ чорту меня! Не велика бѣда, если и совсѣмъ истеку! Къ пушкамъ! Стрѣляйте безъ перерыва!

Четверть часа спустя батарея Сбарбатто могла предаться заслуженному отдыху: австрійцы были сбиты, отошли къ оврагу, и тамъ ихъ нащупала другая итальянская батарея и, засыпая гранатами, какъ говорится, доканчивала.

Къ батареѣ Сбарбатто подвезли припасы, подошла запасная команда, чтобы пополнить убыль въ людяхъ.

Санитары подняли и положили на носилки тѣло стараго капитана. Тотъ открылъ глаза и шопотомъ вымолвилъ:

— Подождите! Старшаго въ батареѣ! Я долженъ сдать ему команду!

Къ носилкамъ подбѣжалъ поручикъ Бораччи, обвязавшій раненую голову платкомъ.

— Со мною... покончено,—съ трудомъ вымолвилъ капитанъ.—Я умираю. Да оно и къ лучшему, знаете ли, Бораччи! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ,—я не совсѣмъ... на мѣстѣ... былъ! Старъ становился, отставалъ. Дѣло трудное, дѣйствительно, молодыхъ силъ требуетъ... Но, видите,—у меня ребенокъ былъ. Дѣвочка. Элизою звали... Увы, и вотъ... должно-быть, отъ матери эту болѣзнь унаслѣдовала: менингитъ. Туберкулезное воспаленіе мозговыхъ оболочекъ. Сто процентовъ попаданія... то есть, я хотѣлъ сказать, — сто процентовъ смертности. Ну, умерла. Меня телеграммою извѣстили...

Капитанъ на минуту смолкъ. Потомъ его лицо озарилось улыбкою, глаза засвѣтились.

— Къ нашей батареѣ съ недовѣріемъ относились. Изъ-за меня... Нѣтъ, нѣтъ! Не опровергайте! Я знаю! Думали, что я, какъ человѣкъ съ недостаточнымъ образованіемъ, не могу справиться съ труднымъ дѣломъ, распущу батарею. Да я и самъ такъ боялся... Но вчера, при васъ это было? Вчера генералъ, отличный отзывъ о моей батареѣ далъ. Призналъ, что она одна изъ лучшихъ. А сегодня... Сегодня моя батарея такъ поработала, какъ рѣдко какой удается. Мы втрое болѣе сильнаго врага сбили и... погубили. Тѣмъ только приканчивать его пришлось. Ну, словомъ, моя батарея себя совершенно оправдала. А я... я могу и умереть спокойно.

Онъ въ изнеможеніи закрылъ глаза, потомъ твердо вымолвилъ:

— Сдаю вамъ команду! Любите солдатъ, берегите ихъ! Они славные ребята! Если Луиджи Аспараджи вернется,—обратите на него вниманіе. Изъ него отличный фельдфебель выйдетъ. Я о немъ уже докладывалъ по начальству. И... и доложите обо мнѣ, что я... умеръ... не даромъ...

Рука капитана, сжимавшая руку поручика, ослабѣла и стала холодѣть. Старый капитанъ лежалъ на носилкахъ, вытянувшись, и болѣе чѣмъ когда-либо походилъ на Донъ-Кихота. А вдали все слабѣла и слабѣла артиллерійская перестрѣлка: австрійцы уже почти не отвѣчали, подавленные, рагромленные, уничтожаемые итальянскими выстрѣлами.

Съ важнымъ донесеніемъ.

Рис. худ. В. Линде.

ПЕРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ВОЙНЫ.

Разсказъ *Г. Макдональда.*

I.

„Стрекоза" выходитъ въ море.

Перигринъ Парръ, командиръ контръ-миноносца «Стрекоза», находился въ радостно-повышенномъ настроенiи. Война не была еще объявлена, но все указывало на то, что этого надо ждать въ одинъ изъ ближайшихъ дней, и власти, не теряя времени, втихомолку принимали всѣ необходимыя мѣры для быстрой мобилизацiи военно-морскихъ силъ.

Портсмутское адмиралтейство, гдѣ «Стрекоза» только что провела недѣлю въ сухомъ докѣ, гудѣлъ, какъ потревоженный улей. Тамъ работали день и ночь, чтобы привести въ исправность старыя военныя суда. Спѣшно грузили уголь, снаряды и жизненные припасы. Матросы толпами направлялись къ своимъ судамъ, таща ручныя телѣжки, нагруженные ящиками, койками и мѣшками. Офицеры въ сюртукахъ и при шпагахъ, спѣшили въ канцелярiю начальника порта, чтобы доложить, что и они сами и ихъ суда готовы выйти въ море.

Парръ наканунѣ получилъ инструкцiи вмѣстѣ съ приказомъ быть черезъ день утромъ въ Гарвичѣ, гдѣ находились остальныя суда, входившiя въ составъ его эскадрильи. Такъ какъ отъ Портсмута до Гарвича около 180 миль, то уже въ пять часовъ пополудни «Стрекоза» вышла изъ портсмутской гавани.

Полтора часа спустя, когда она миновала Оуэрскiй пловучiй маякъ, ея камандиръ покинулъ мостикъ и спустился въ каютъ - кампанiю, гдѣ нашелъ своего помощника, лейтенанта Траверза и лейтенанта-механика Томпсона читающими газеты и горячо обсуждающими вопросъ, будетъ война или нѣтъ.

— Томпсонъ,—сказалъ Парръ, обращаясь ко второму.—Я предполагаю итти всю ночь среднимъ ходомъ со скоростью пятнадцати узловъ въ часъ. Но на всякiй случай распорядитесь, чтобы во всѣхъ котлахъ былъ паръ, такъ чтобы мы въ любую минуту, если понадобится, могли пойти полнымъ ходомъ.

Томпсонъ улыбнулся.

— Уже сдѣлано, сэръ, — объяснилъ онъ. — Я ожидалъ такого приказа и уже полчаса тому назадъ распорядился, чтобы затопили подъ всѣми котлами. Готовъ ручаться, что въ случаѣ, если намъ нужно будетъ поторопиться, мы сможемъ пойти со скоростью тридцати двухъ съ половиной узловъ.

Парръ усмѣхнулся. Собственно говоря, Томпсонъ не имѣлъ права разводить пары во всѣхъ котлахъ, не посовѣтовавшись съ нимъ, командиромъ, но въ данномъ случаѣ онъ могъ простить ему эту провинность.

— Хорошо, Томпсонъ,—привѣтливо сказалъ онъ и повернулся къ своему помощнику:

— Траверзъ!

— Есть, сэръ.

— Пусть пушки и минометы будутъ готовы для дѣйствiя. Приготовьте снаряды для каждаго орудiя. Поняли!

— Такъ точно, сэръ,—отвѣтилъ Траверзъ, въ восторгѣ отъ этого приказа.— Я полагаю, что штукъ двѣнадцать лиддитовыхъ снарядовъ для каждой пушки будетъ достаточно. Такъ, сэръ?

Парръ кивнулъ головой.

— Да, разумѣется,—сказалъ онъ.— И возьмите, конечно лиддитовые сна-

ряды... Не думайте, что я полагаю, будто сегодня ночью непремѣнно что-нибудь случится,—поспѣшно добавилъ онъ, замѣтивъ взглядъ, которымъ обмѣнялись Траверзъ и Томпсонъ.—Но императоръ Вильгельмъ вѣдь изъ тѣхъ господъ, которые любятъ сперва напасть, а ужъ потомъ объявить войну. Поэтому лучше быть готовыми ко всему. Кто его знаетъ, не думаетъ ли онъ, что сейчасъ самый удобный «стратегическій моментъ» для нападенія на насъ врасплохъ?

— Пусть думаетъ. Обожжется только,— съ убѣжденіемъ пробурчалъ Томпсонъ.

II.

Туманъ сгущается.

Въ девять часовъ вечера «Стрекоза» миновала маякъ Бичи. Въ часъ ночи показались мигающіе огни Дувра. А вскорѣ послѣ этого «Стрекоза» вышла изъ Па-де-Калэ и взяла курсъ на сѣверъ.

Ночь была темная, безлунная и необыкновенно тихая. Ни малѣйшаго вѣтерка не чувствовалось въ воздухѣ, хотя «Стрекозу» и покачивало на чемъ-то въ родѣ мертвой зыби, шедшей съ сѣверо-востока. Всюду кругомъ поверхность моря была гладкая, какъ зеркало, и Парръ, который за долгіе годы своей службы во флотѣ хорошо изучилъ примѣты погоды, отмѣтилъ этотъ и другіе признаки съ нѣкоторой тревогой.

— Часа черезъ два-три будетъ туманъ, — сказалъ онъ субъ-лейтенанту Харгривзу.

— Вы замѣтили, какая вода стала маслянистая и какой теплой и вязкой она кажется?

Харгривзъ кивнулъ головой.

— Да, сэръ,—отвѣтилъ онъ.—Но будемъ надѣяться, что мы успѣемъ дойти до Гарвича раньше, чѣмъ туманъ станетъ слишкомъ густъ.

Парръ съ сомнѣніемъ поглядѣлъ сначала на небо, затѣмъ на горизонтъ.— Можетъ-быть,—сказалъ онъ,—только я боюсь, что мы именно не успѣемъ. Но во всякомъ случаѣ, глядите хорошенько, и если вамъ покажется, что надвигается густой туманъ, немедленно разбудите меня.

— Слушаю, сэръ.

Бросивъ послѣдній взглядъ на небо, командиръ покинулъ мостикъ и пошелъ въ рубку, гдѣ растянулся на диванчикѣ, который обыкновенно служилъ ему постелью. Подобно большинству командировъ контръ-миноносцевъ, онъ никогда не раздѣвался ночью, когда находился въ морѣ. Пять минутъ спустя онъ уже крѣпко спалъ, убаюканный качкой.

Около половины третьяго онъ проснулся, потому что кто-то трясъ его за плечо.

— Алло! Въ чемъ дѣло?—сонно спросилъ онъ, протирая глаза.

— Господинъ субъ-лейтенантъ велѣлъ доложить, что виденъ огонь Кентскаго пловучаго маяка и ему кажется, что становится очень туманно,—отвѣтилъ вахтенный сигнальщикъ, разбудившій его.

Не теряя времени на дальнѣйшіе разговоры, Парръ вскочилъ и поспѣшилъ на мостикъ.

— Да, чортъ возьми!—говорилъ онъ, протирая глаза и озираясь.—Вы правы Харгривзъ. Становится туманно.

Онъ подошелъ къ картѣ и занялся какими-то вычисленіями съ помощью параллельныхъ линеекъ и циркуля.

— Хорошо, что Кентскій маякъ тутъ,—сказалъ онъ, кончивъ свои вычисленія.—Это позволяетъ намъ точно опредѣлить наше положеніе. Если мы теперь направимся прямо къ Лонгзандскому маяку, который находится въ восьми съ половиной миляхъ отсюда, то мы обязательно увидимъ его или хоть услышимъ его буй-ревунъ, какой бы густой туманъ ни былъ. Оттуда мы возьмемъ курсъ на слѣдующіе маяки и такимъ образомъ доберемся до Гарвича. Стало-быть, возьмите курсъ больше на востокъ, на четырнадцать румбовъ, и смотрите, чтобы сирена ревѣла каждыя пять минутъ.

Туманъ быстро сгущался. Черезъ четверть часа уже ничего нельзя было разглядѣть дальше чѣмъ въ полумилѣ, и Парръ велѣлъ замедлить ходъ до десяти узловъ.

Въ 3 часа 15 минутъ начало свѣтать, и сгущающійся туманъ принялъ молочный оттѣнокъ. Еще черезъ нѣсколько минутъ,

когда по разсчетамъ Парра они должны были находиться въ двухъ съ половиной миляхъ отъ Лонгзандскаго пловучаго маяка, они услыхали его буй-ревунъ, а вскорѣ показался и онъ самъ, медленно выплывъ изъ тумана.

III.

Разбрасыватель минъ.

Черезъ пять минутъ маякъ опять исчезъ въ туманѣ за кормой, а «Стрекоза» взяла курсъ на слѣдующій, Зэнкскій маякъ. Хотя туманъ былъ попрежнему густой, Парръ не безпокоился, потому что точно зналъ, гдѣ они находятся.

Харгривза, державшаго вторую вахту, смѣнилъ теперь Траверзъ. Онъ стоялъ и напряженно всматривался въ молочную стѣну тумана впереди, когда вдругъ Парръ замѣтилъ, что онъ склонилъ голову набокъ, точно прислушиваясь.

— Что такое?—немедленно спросилъ Парръ.

— Готовъ поклясться, что я слышалъ какой-то слабый скрипъ,—отвѣтилъ Траверзъ.—Теперь больше не слышно, но если мы не будемъ говорить, я, можетъ-быть, опять услышу.

Парръ ничего не сказалъ больше, а взялъ рупоръ и приложилъ его къ уху, направивъ въ ту сторону, куда прислушивался Траверзъ. Такъ онъ простоялъ съ полминуты и уже хотѣлъ опустить рупоръ, когда его ухо уловило слабый, но явственный скрипъ, доносившійся откуда-то спереди, справа.

— Слышите, сэръ?

Парръ кивнулъ головой.

— Да. Похоже на скрипъ плохо смазаннаго блока. Точно спускаютъ лодку.

Траверзъ не отвѣтилъ, но черезъ секунду звукъ повторился еще явственнѣе, и сопровождался крикомъ и громкимъ всплескомъ.

— Гляди въ оба,—сказалъ Парръ сигнальщику.—Что бы это ни было за судно, оно очень близко, а мы не желаемъ столкнуться съ нимъ.

Говоря это, онъ въ то же время скомандовалъ въ машинное отдѣленіе «тихій ходъ», а секундъ тридцать спустя изъ тумана впереди показались смутныя очертанія судна.

«Стрекоза» рѣзко свернула вправо, чтобы избѣжать столкновенія, и, крикнувъ машинисту «стопъ», Парръ далъ «Стрекозѣ» пройти еще немного впередъ, пока она не оказалась параллельно незнакомому судну, ядрахъ въ ста отъ него. Это была, повидимому, яхта, бѣлая, съ одной желтой трубой и двумя мачтами. На борту большими золотыми буквами было выведено ея названіе: «Вильгельмина». Она стояла съ застопоренной машиной, слегка покачиваясь на волнахъ. У гротъ-мачты виднѣлась кучка людей, которые стояли и смотрѣли на «контръ-миноносецъ». На самой же мачтѣ была приспособлена лебедка, конецъ которой свѣшивался черезъ бортъ, какъ будто только что спустили что-то въ воду.

Парръ взялъ рупоръ.

— Гей, «Вильгельмина»!—крикнулъ онъ.—Куда держите путь?

Къ периламъ мостика подошелъ высокій бородачъ въ синемъ пальто съ мѣдными пуговицами и въ фуражкѣ съ золотымъ ободкомъ.

— Что вы говорите?—спросилъ онъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ.

— Куда идете? Какой національности?—опять спросилъ Парръ.

Бородачъ сдѣлалъ знакъ рукой. Отъ группы на кормѣ отдѣлился одинъ матросъ и подошелъ къ флагштоку. Черезъ мгновеніе на яхтѣ взвился красно-бѣло-синій голландскій флагъ. Но незнакомецъ такъ и не отвѣтилъ на вопросъ Парра, и Парръ снова закричалъ въ рупоръ:

— Я спрашиваю васъ, откуда и куда идете?

— Что такое? Что вы спрашиваете?

Парръ, которому это начало надоѣдать, хотѣлъ уже рѣзко отвѣтить, когда Траверзъ, торопливо рывшійся въ какой-то книгѣ, схватилъ его за рукавъ.

— Я сейчасъ смотрѣлъ, сэръ,—возбужденно зашепталъ онъ,—и здѣсь, въ нашемъ спискѣ, нѣтъ никакой голландской яхты подъ названіемъ «Вильгельмина».

— Дайте-ка посмотрѣть! — потребовалъ командиръ. Но это была сущая правда: въ спискѣ голландскихъ яхтъ

не оказалось никакой «Вильгельмины».

— Стойте, гдѣ стоите!—скомандовалъ тогда Парръ въ рупоръ.—Я пошлю къ вамъ одного моего офицера... Траверзъ!—торопливо добавилъ онъ,—велите спустить вельботъ, поѣзжайте и узнайте, что это за пароходъ. Въ этой яхтѣ есть что-то странное, что мнѣ не нравится.

Траверзъ поспѣшилъ исполнить приказъ, а Парръ подошелъ къ периламъ мостика.

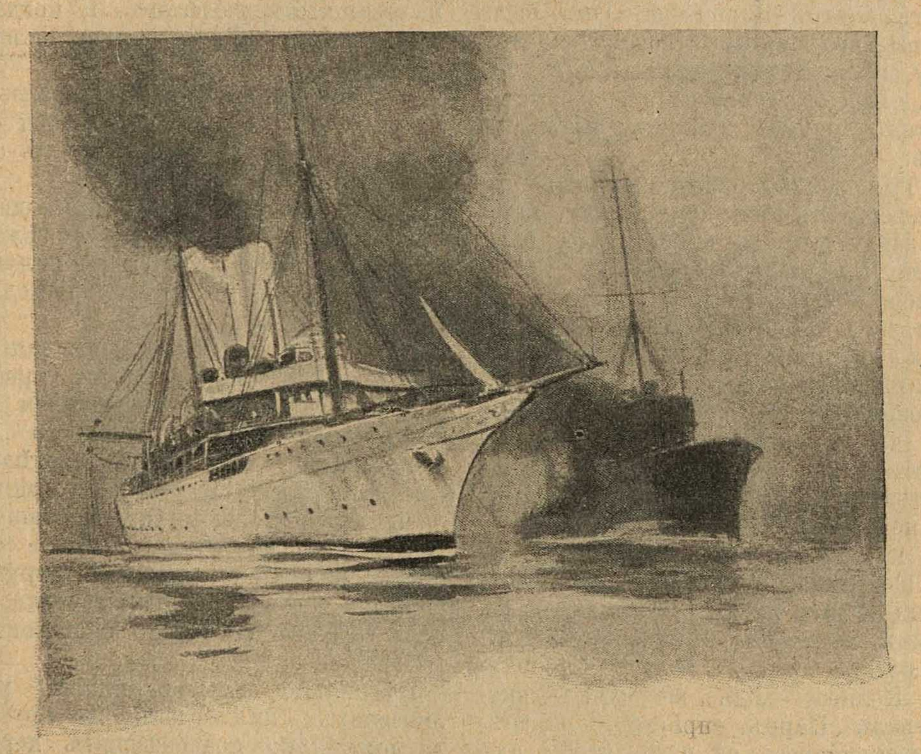
— Эй, контръ-миноносецъ! — окликнулъ онъ «Стрекозу».

— Алло!—отозвался Парръ.

— Мы изъ Фальмута и идемъ въ Гомберъ за хозяиномъ, мэстеромъ Вонъ-Зоренъ изъ Амстердама.

— Прекрасно. Стойте на мѣстѣ. Я посылаю къ вамъ лодку, — отвѣчалъ Парръ.

Ему казалось подозрительнымъ и отсутствіе въ спискѣ имени «Вильгельмины» и то обстоятельство, что бородачъ



Миноносецъ свернулъ вправо и остановился ярдахъ въ ста отъ яхты.

— Бэтсъ!—спокойно сказалъ онъ канониру, который стоялъ у четырехдюймовой пушки на бакѣ.—Заряди лиддитомъ и направь пушку на мостикъ яхты!

— Есть, сэръ!—весело откликнулся канониръ, и черезъ минуту стволъ его орудія началъ приподниматься и опускаться, слѣдуя за всѣми движеніями яхты.

Тамъ замѣтили это и, видимо, испугались, потому что бородачъ на мостикѣ поднесъ рупоръ ко рту.

такъ долго не отвѣчалъ на его вопросъ.

— Да, я понимаю, но не велите имъ входить на яхту,—раздалось въ отвѣтъ.—У насъ на яхтѣ заразные больные. Двое тифозныхъ.

— Стойте, гдѣ стоите!—рѣзко и нетерпѣливо крикнулъ офицеръ.

Къ этому времени вельботъ уже подходилъ къ яхтѣ. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когдъ гребецъ на носу положилъ весло, готовясь зацѣпить багромъ, Парръ замѣтилъ на «Вильгельминѣ» ка-

кое-то движеніе. Одинъ матросъ бросился къ сигнальному звонку машиннаго отдѣленія, что-то зашумѣло, и волненіе воды за кормой ясно показало, что яхта тронулась въ путь.

— Стойте или я стрѣляю!—заревѣлъ Парръ въ рупоръ.—Средній ходъ впередъ! Слѣдомъ за ней, боцманъ!

Бородачъ только насмѣшливо показалъ кулакъ. Очевидно, онъ ждалъ, чтобы тронуться, только того момента, когда вельботъ будетъ достаточно далеко отъ контръ-миноносца. Онъ былъ увѣренъ, что послѣдній подождетъ свою лодку, прежде чѣмъ пуститься въ погоню. Но онъ ошибся въ разсчетѣ. Схвативъ рупоръ, Парръ крикнулъ лодкѣ:

— Траверзъ, держите курсъ вестъ-нордъ-вестъ къ Зэнкскому маяку. Если я не зайду туда за вами, идите, какъ сумѣете, въ Гарвичъ!

Слабое «слушаю, сэръ!» раздалось съ лодки, на которой еще не потеряли надежды абордировать удалявшуюся яхту. Гребцы налегли на весла изо всѣхъ силъ, и носовой матросъ держалъ багоръ наготовѣ, чтобы зацѣпиться. Но въ тотъ моментъ, когда онъ приподнялся, чтобы это сдѣлать, одинъ изъ людей на кормѣ яхты поднялъ револьверъ. Блеснулъ огонекъ, и матросъ упалъ, выпустивъ багоръ изъ рукъ. Въ тотъ же мигъ голландскій флагъ на яхтѣ былъ замѣненъ чернымъ военнымъ германскимъ флагомъ съ крестомъ.

— Полный ходъ впередъ! — скомандовалъ Парръ. — Бэтсъ, выстрѣли разокъ черезъ ея носъ, чтобы ихъ пугнуть.

Загремѣлъ пушечный выстрѣлъ, и среди облака брызгъ и желтаго дыма снарядъ упалъ въ воду футахъ въ двадцати отъ яхты.

— Сдаетесь?—закричалъ Парръ въ рупоръ.

— Нѣтъ. Германское судно никогда не сдается,—гласилъ отвѣтъ.

Оба судна продолжали итти параллельно другъ другу со скоростью добрыхъ 20 узловъ въ часъ и на разстояніи ярдовъ 100 одно отъ другого. Парръ все еще не могъ рѣшить, что ему дѣлать въ виду того, что война, насколько онъ зналъ, еще не была объявлена и, слѣдовательно, онъ не имѣлъ права топить яхту безъ дальнихъ околичностей.

Но вдругъ съ кормы «Вильгельмины» затрещали ружейные и револьверные выстрѣлы. Надъ мостикомъ зажужжали пули, словно рой разгнѣванныхъ шмелей. Одна попала въ переднее стекло прожектора, и осколки стекла полетѣли во всѣ стороны. Другая снесла фуражку съ головы Парра. Парръ почувствовалъ какъ что-то ожгло его, точно раскаленнымъ желѣзомъ, и когда онъ поднесъ руку ко лбу, пальцы оказались въ крови.

— Бэтсъ!—вновь скомандовалъ онъ, подходя къ периламъ.—Выпусти одинъ снарядъ въ ихъ мостикъ. Но въ самый корпусъ не попадай!

Стволъ пушки чуточку приподнялся, но раньше чѣмъ канониръ успѣлъ выстрѣлить, онъ покатился на палубу съ пулей въ плечѣ. Другой немедленно занялъ его мѣсто.

Бахъ! ухнула четырехдюймовая пушка. Снарядъ съ страшнымъ трескомъ ударился въ яхту и разорвался среди столба пламени и бѣловатаго дыма. Обломки злосчастной яхты взлетѣли высоко въ воздухъ. Клубы пара примѣшались къ постепенно разсѣивавшемуся дыму, а когда «Вильгельмина» опять стала видна, ея мостикъ, труба и большая часть надстроекъ исчезли. Снарядъ сдѣлалъ свое дѣло слишкомъ хорошо.

Нѣсколько исковерканныхъ металлическихъ пиллерсовъ и брусьевъ, да нѣсколько почернѣвшихъ деревянныхъ балокъ, которые уже лизали прожорливые языки пламени, вотъ и все, что осталось отъ средней части палубы. Всѣ, находившіеся на мостикѣ, были сметены въ вѣчность страшнымъ взрывчатымъ дѣйствіемъ лиддита.

Снарядъ не повредилъ корпуса, и «Вильгельминѣ» не грозила опасность затонуть, но ея машина перестала работать, и яхта стояла теперь на волнахъ совсѣмъ безпомощная. Парръ сразу замедлилъ ходъ и направился къ яхтѣ, крикнувъ въ рупоръ ея экипажу, который попрежнему кучкой стоялъ на кормѣ, чтобы онъ сдавался.

Толпа матросовъ и кочегаровъ, вооружившись чѣмъ попало, бросилась на яхту.

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать въ видѣ новыхъ выстрѣловъ, которые ранили еще двухъ людей на «Стрекозѣ». Но Парръ, сознавая, что еще одинъ пушечный выстрѣлъ неизбѣжно пуститъ яхту ко дну, позаботился вооружить человѣкъ двѣнадцать своихъ людей винтовками и револьверами. Лежа на палубѣ, эти двѣнадцать открыли отвѣтный огонь, между тѣмъ какъ Парръ, сдѣ-

лавъ поворотъ, подошелъ бортъ о бортъ къ «Вильгельминѣ».

Въ тотъ же мигъ толпа матросовъ, кочегаровъ и всѣхъ, кто желалъ присоединиться, съ побѣдоносными криками лавиной ринулась черезъ низкій бортъ яхты. Они были вооружены чѣмъ попало—ганшпугами, ломами, всякими тяжелыми и смертоносными предметами и ничто не могло противостоять ихъ натиску. Протрещало нѣсколько выстрѣловъ, тамъ и сямъ мелькнули кортики, а затѣмъ врагъ, оттѣсненный къ противоположному борту, сдался на милость побѣдителей. Ихъ было десять человѣкъ на яхтѣ передъ атакой, а теперь шесть, въ томъ числѣ два офицера, лежали на палубѣ.

Но Парру было не до плѣнныхъ. Его вниманіе привлекли три грушевидныхъ черныхъ предмета, имѣвшихъ каждый фута четыре въ діаметрѣ, которые лежали на палубѣ возлѣ мачты, совсѣмъ готовые къ тому, чтобы быть спущенными за бортъ съ помощью лебедки. Онъ заглянулъ въ открытый люкъ у гротъ-мачты, и одного взгляда было достаточно, чтобы убѣдиться, что «Вильгельмина» была вовсе не яхта, а разбрасыватель минъ!

Ея внѣшній видъ увеселительной яхты былъ, очевидно, сохраненъ умышленно съ цѣлью отвлечь подозрѣнія. Что могло быть естественнѣе крейсированія иностранной яхты въ лѣтнее время въ британскихъ водахъ? И въ то же время, что могло быть хуже ряда минъ, разбросанныхъ до объявленія войны на фарватерѣ, всегда полномъ судовъ?

Парръ такъ и ахнулъ. Вотъ это называется удача! Окликнулъ онъ яхту сначала только изъ простого любопытства, и вдругъ оказалось, что онъ захватилъ въ плѣнъ вражеское судно, судно разбрасывающее мины, еще до объявленія войны...

«Вильгельмина» была повреждена выше ватерлиніи и ей, какъ ужъ сказано, не грозила опасность затонуть. Плѣнниковъ перевели на «Стрекозу», раненымъ оказали помощь, а самую яхту взяли на буксиръ.

IV.

Въ Гарвичѣ.

Три часа спустя, подобравъ свой вельботъ у Зэнкскаго маяка, «Стрекоза» входила въ гарвичскую гавань, таща за собой на буксирѣ поврежденную «Вильгельмину». Новенькій бѣлый флагъ развѣвался на послѣдней надъ чернымъ германскимъ флагомъ, и прибытіе обоихъ судовъ вызвало немало возбужденія среди офицеровъ и матросовъ многочисленныхъ миноносцевъ и истребителей, которые стояли на якоряхъ въ устьѣ рѣки. Но Парръ упорно молчалъ, пока не приблизился къ легкому крейсеру, на которомъ находились офицеры, командовавшіе его эскадрильей, и только тогда его семафоръ заговорилъ.

— Имѣю честь доложить, — сказалъ семафоръ (при чемъ у сигнальщиковъ на крейсерѣ заняло духъ отъ изумленія и зависти),—что мною захваченъ непріятельскій разбрасыватель минъ. Жду инструкцій.

— Бросьте якорь, гдѣ стоите, и немедленно пожалуйте сюда,—гласилъ отвѣтъ.

Черезъ десять минутъ Парръ находился на «Безстрашномъ» въ каютѣ своего начальника и дѣлалъ докладъ.

— Помилуй Богъ, Парръ, да знаете ли вы и понимаете ли, что война еще не объявлена?—встревоженно воскликнулъ коммодоръ, когда Парръ кончилъ.

— Такъ точно, сэръ,—спокойно отвѣтилъ Парръ,—знаю и понимаю, и все же могу поклясться, что видѣлъ, какъ «Вильгельмина» разбрасывала мины. Она оборудована для разбрасыванія минъ—три или четыре мины и сейчасъ еще лежатъ на ея палубѣ—и она первая открыла огонь по насъ или, вѣрнѣе, по нашему вельботу.

— И нѣкоторые изъ нашихъ людей ранены, сказали вы?—продолжалъ коммодоръ.—Я вижу и на вашей головѣ шрамъ.

— О, это пустяки, сэръ,—засмѣялся Парръ, щупая засохшую кровь на своемъ лбу.

— Но вы дайте все-таки врачу посмотрѣть,—посовѣтовалъ коммодоръ.

— Охотно, сэръ, если только онъ обѣщаетъ не класть меня въ лазаретъ. Я не намѣренъ лежать теперь, когда не сегодня-завтра начнется война.

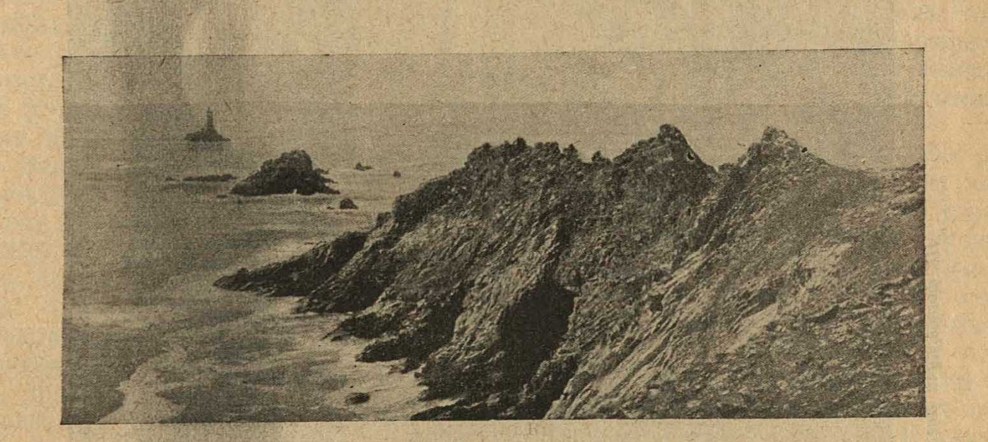
— Да, надо думать, что начнется,—согласился коммодоръ.—Итакъ, я сейчасъ пошлю безпроволочную телеграмму о вашемъ дѣлѣ, и сохрани васъ Богъ, если окажется, что вы стрѣляли въ мирную иностранную яхту!

Парръ осклабился.

— Мирности въ ней было очень немного, сэръ, — беззаботно отвѣтилъ онъ.—И если они потрудятся поискать мины сѣвернѣе Лонгзандскаго плавучаго маяка, они найдутъ, я увѣренъ, цѣлую уйму.

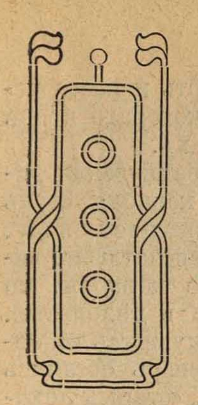
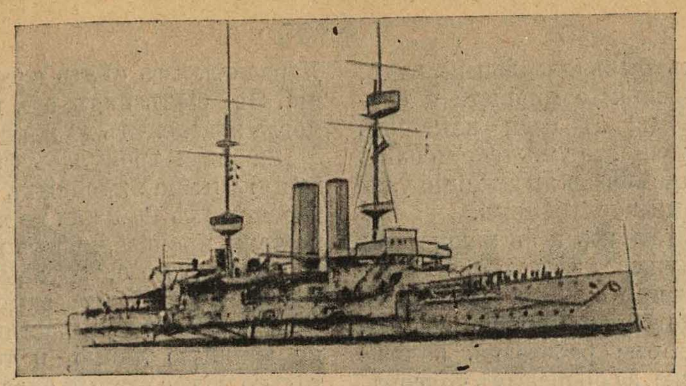
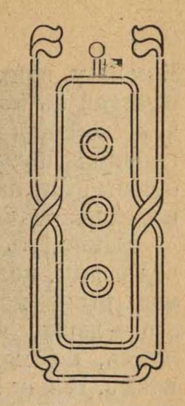
— Будемъ надѣяться ради васъ,—сказалъ начальникъ, качая головой.

И дѣйствительно, минъ было найдено немало. Счастье Парра не измѣнило ему и на этотъ разъ.



Ночной бой.

По фотографіи англійскаго военнаго корреспондента.

Послѣдній бой броненосца „Иррезистибль“.

Разсказъ участника.

Тенедосъ, 17-го марта 1915 г.

Весь сегодняшній день нашъ «Иррезистибль» находился въ состояніи кипучаго возбужденія. На палубахъ и въ казематахъ орудійная прислуга хлопотала у пушекъ, осматривая ихъ, провѣряя прицѣлъ, приготовляя достаточный запасъ снарядовъ. То же самое происходило на всѣхъ судахъ эскадры, которая стояла на якорѣ у входа въ Дарданеллы,—эскадры, равной которой никогда никто не видѣлъ въ этихъ мѣстахъ.

Великолѣпное зрѣлище представляли военныя суда всѣхъ видовъ и классовъ, начиная съ гиганта-дреднота «Королевы Елизаветы» (извѣстнаго во флотѣ подъ уменьшительнымъ названіемъ «Лиззи»), и кончая скромными тралерами, маленькими пароходиками, которые, однако, дѣлали свое дѣло не хуже самыхъ большихъ броненосцевъ. Черные суровые истребители носились взадъ и впередъ вокругъ флагманскаго судна, гдѣ адмиралъ держалъ совѣтъ со всѣми командирами эскадры. Французскій адмиралъ, его офицеры и представитель русскаго военнаго судна—всѣ были тамъ.

Изъ-за чего же происходило все это возбужденіе? Дѣло въ томъ, что на слѣдующій день, на 18 марта, былъ назначенъ великій штурмъ дарданелльскихъ фортовъ, фортовъ, которые наша эскадра положительно засыпала сотнями тысячъ всевозможныхъ снарядовъ, и которые оказывали не менѣе великолѣпное сопротивленіе. Но объ этомъ подробнѣе дальше.

Насталъ вечеръ и вмѣстѣ съ нимъ на эскадру сошло спокойствіе. Но на каждомъ суднѣ возбужденіе еще не улеглось. На палубѣ вездѣ стояли кучки людей, горячо разговаривая о завтрашнемъ днѣ, а внизу десятки сидѣли у столовъ и писали нѣсколько словъ роднымъ и близкимъ. Почту должны были отправить утромъ, и всѣ знали, что поутру у каждаго будетъ столько дѣла, что не останется времени на письмо. И тѣмъ не менѣе, когда насъ «засвистали внизъ» (въ 10 ч. вечера), почти всѣ уже лежали на своихъ койкахъ, однако, не спали, а перешептывались другъ съ другомъ. Я самъ лежалъ безъ сна далеко за полночь, раздумывая о томъ, что-то принесетъ завтрашній день.

Рѣзкіе свистки помощниковъ боцмановъ разбудили насъ рано поутру. «Вставай! Вставай! Покажи ногу»! Наконецъ-то насталъ день, котораго мы такъ долго ждали, къ которому готовились всю прошлую недѣлю. Многіе ли изъ насъ сознавали, что намъ готовитъ этотъ день? Всюду слышались шутки и смѣхъ; можно было подумать, что мы собираемся куда-нибудь на пикникъ, а не въ бой.

Какой у всѣхъ былъ довольный видъ, начиная съ маленькаго горниста и кончая командиромъ! И если наканунѣ царило возбужденіе, то ужъ теперь нашъ броненосецъ напоминалъ жужжащій улей или хлопотливый муравейникъ.

Внизу, въ топкахъ и въ машинномъ отдѣленіи, полунагіе, черные отъ угольной пыли кочегары разводили пары; это — люди, которыхъ видятъ меньше всѣхъ, но которые работаютъ больше всѣхъ. Внизу же, за броневымъ поясомъ, врачи и ихъ помощники устраивали лазаретъ. Тамъ можно было видѣть нѣсколько операціонныхъ столовъ, лежали груды ваты и марли для перевязокъ и хирургическіе инструменты, совершенно готовые для пользованія.

Всюду кругомъ, во всѣхъ частяхъ нашего броненосца дѣловито копошились люди. Одни осматривали и провѣряли непроницаемыя двери, отъ которыхъ, зависитъ такъ много; другіе запирали всѣ иллюминаторы, завинчивая надъ ними стальныя ставни, дабы ни одинъ шальной снарядъ не залетѣлъ. Съ палубы убрали все лишнее, все не прикрѣпленное прочно разъ навсегда. Вездѣ работали шланги, окачивая палубы потоками воды—очень важная предосторожность, ибо ничего такъ не боятся на суднѣ, какъ страшнаго слова «пожаръ».

Но скоро на нашемъ «Иррезистбль» воцарилось спокойствіе. Всѣ приготовленія были кончены, мы были готовы къ бою, и поистинѣ видъ у насъ былъ внушительный—масса стали въ 15.000 тоннъ водоизмѣщеніемъ, настоящая пловучая крѣпость! На палубѣ вездѣ стояли кучки людей, горячо бесѣдуя, а въ воздухѣ было разлито какое-то напряженное ожиданіе, какое-то особенное чувство, которое трудно опредѣлить словами.

Въ восемь часовъ утра эскадра должна была начать свое дѣло. И дѣйствительно, когда пробило восемь склянокъ, мы увидѣли, какъ гигантъ «Лиззи» тронулся съ мѣста а за нимъ послѣдовали «Лордъ Нельсонъ», «Инфлексибль» и«Агамемнонъ». Право, говорю безъ преувеличенія, вчуже страшно было смотрѣть на этихъ стальныхъ гигантовъ, которые шли со все возрастающей скоростью къ Дарданелламъ сѣять смерть и разрушеніе. Это былъ видъ, отъ котораго кровь могла заледенѣть въ жилахъ.

За ними тронулась французская дивизія: четыре линейныхъ корабля, столь непохожихъ на наши по внѣшнему виду, но тоже производящихъ впечатлѣніе силы; некрасивые, грузные корабли, но необыкновенно серьезные и дѣловитые.

Они удалились, растянувшись въ одну длинную линію, и теперь остались только болѣе старыя суда, «старыя лохани», какъ мы ихъ называли въ шутку. Это были: нашъ «Иррезистибль», «Альбіонъ», «Океанъ», «Тріумфъ», «Свифтшуръ», и «Меджестикъ». Ни одно изъ нихъ не было моложе пятнадцати лѣтъ, но всѣ были еще прекрасными боевыми единицами.

Очень скоро мы услышали громъ канонады, по которому могли заключить, что покинувшіе насъ корабли принялись за дѣло. Я увѣренъ, что между нами не было ни одного человѣка, который не завидовалъ бы товарищамъ, уже участвующимъ въ дѣлѣ, хотя всѣ мы знали, что нашъ черэдъ не заставитъ себя долго ждать.

Какъ медленно тянулось время! За все утро не произошло ничего достойнаго упоминанія, если не считать сигнала, полученнаго съ «Королевы Елизаветы», что эскадра великолѣпно подвигается впередъ. Ура, которыми было встрѣчено это извѣстіе, турки, вѣроятно, слышали въ Константинополѣ! Одинъ нашъ канониръ ходилъ по судну съ самымъ несчастнымъ видомъ. Когда его спросили въ чемъ дѣло, онъ отвѣтилъ: «Если они такъ будутъ итти все время, такъ на нашу долю не останется ни одного форта и ни одного турка»!

Но всему бываетъ конецъ, и наше бездѣйствіе тоже кончилось. Незадолго до полудня взвился сигналъ, котораго мы ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, сигналъ, чтобы и наша маленькая эскадра тронулась въ путь. Наконецъ-то настала и наша очередь! Въ одинъ мигъ мы снялись съ якоря и медленно двинулись впередъ, чтобы занять свое мѣсто въ линіи. Впереди всѣхъ шелъ «Альбіонъ», ведя насъ. Весь нашъ экипажъ еще находился на палубѣ; всѣмъ хотѣ-

лось въ послѣдній разъ оглядѣться, прежде чѣмъ разойтись по своимъ мѣстамъ.

Когда мы обогнули мысъ и увидѣли свои суда, уже находившіяся въ проливѣ, мы сразу поняли какое жаркое дѣло насъ ожидаетъ. Наши суда (т.-е. британскія и французскія) находились уже далеко въ проливѣ, стоя вразбросъ; французскія—ближе къ берегу съ той и съ другой стороны, а наши четыре гиганта за французами, стрѣляя черезъ нихъ. Вода кругомъ была испещрена бѣлыми фонтанами пѣны отъ падающихъ турецкихъ снарядовъ. Яркія непрерывныя вспышки пламени при выстрѣлахъ, и непрерывно сыплющіеся снаряды — все это вмѣстѣ составляло картину, которую, кажется, вовѣки не забудешь.

Но смотрѣть намъ пришлось недолго, потому что тутъ же протрубили сигналъ «бой», и всѣ мы бросились по своимъ мѣстамъ. Наши шесть «старыхъ лоханей», съ заряженными орудіями и вполнѣ готовыя къ бою, заняли свое мѣсто въ бушующемъ аду орудійной пальбы и сыплющихся со всѣхъ сторонъ снарядовъ.

Что я лично чувствовалъ, описывать не буду. Предоставляю самимъ читателямъ догадываться. Находясь въ одномъ изъ надпалубныхъ казематовъ и имѣя возможность выглядывать наружу черезъ отверстіе, черезъ которое проходилъ стволъ нашей пушки, я прекрасно могъ видѣть, что дѣлалось. Могъ видѣть, какъ кругомъ насъ сыпались снаряды, и слышать, какъ они свистѣли и ревѣли надъ нашими головами. А мы еще не выпустили ни одного залпа! Но скоро и мы присоединились къ остальнымъ, и черезъ нѣсколько минутъ уже всѣ наши четырнадцать крейсеровъ работали во всю, выпуская залпъ за залпомъ.

Гулъ стоялъ невѣроятный—сплошной непрерывный громъ. Что творилось при этомъ на берегу, пусть читатель самъ представляетъ себѣ. Право, мнѣ казалось, что ни одно живое существо не можетъ уцѣлѣть подъ такимъ ужаснымъ огнемъ! Почти шесть часовъ уже продолжалась наша бомбардировка, а между тѣмъ пальба не только не ослабѣвала, а даже чѣмъ дальше, тѣмъ становилась ожесточеннѣе.

Одно время наша пушка не могла попадать въ цѣль, поэтому мы имѣли возможность немного передохнуть и оглядѣться. Съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, я могъ видѣть «Королеву Елизавету» съ ея огромными 15-дюймовыми орудіями, изъ которыхъ при каждомъ залпѣ вырывались густые клубы желтаго дыма. Кругомъ нея вода такъ и взлетала фонтанами отъ града снарядовъ, которыми турки осыпали нашу «Лиззи»; но «Лиззи» продолжала палить безъ передышки, не обращая вниманія на этотъ убійственный градъ. Намъ со стороны казалось положительно чудомъ, какъ это она не пострадала. А между тѣмъ въ дѣйствительности она не получила за все время ни единой царапины.

Эскадра не занимала опредѣленнаго положенія. Суда были разбросаны по всему проливу, иныя совсѣмъ близко къ берегу съ той и съ другой стороны. Но всѣ до одного палили безъ устали.

Глядя на берегъ съ той и съ другой стороны, никто бы не подумалъ, что тамъ есть какіе-нибудь форты. Нигдѣ ни слѣда чего-нибудь, похожаго на фортъ, а только голая пустыня. Такъ какъ турки пользовались бездымнымъ порохомъ, то невозможно было даже сказать, гдѣ стоятъ ихъ батареи. Но у каждаго изъ нашихъ наводчиковъ была точная карта мѣстности, каждое орудіе имѣло свою спеціальную мишень, и каждое судно спеціально занималось однимъ или двумя фортами.

Время шло, но канонада попрежнему не стихала ни на минуту. Выглянувъ изъ своего каземата, я могъ наблюдать, какъ въ нашу сторону медленно приближался одинъ изъ французскихъ броненосцевъ. Позже я узналъ, что это былъ «Бувэ». У него былъ очень внушительный и грозный видъ, когда онъ такъ приближался, стрѣляя изъ всѣхъ орудій. Бѣдняги, находившіеся на немъ, не предполагали, какъ близки они къ своей гибели!

Все это случилось такъ внезапно. Еще за мигъ передъ тѣмъ «Бувэ» шелъ гордый и величественный, а въ слѣдующій мигъ гигантское облако дыма или пара скрыло его изъ глазъ, а когда дымъ разсѣялся, то на томъ мѣстѣ, гдѣ только что находился доблестный броненосецъ,

осталось всего нѣсколько барахтающихся въ водѣ людей. Одинъ истребитель поспѣшилъ на помощь и подобралъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ, при чемъ снаряды все время сыпались кругомъ него, точно желая заставить его отказаться отъ своего человѣколюбиваго дѣла. Однако, ни одинъ снарядъ не попалъ въ него; сдѣлавъ поворотъ, онъ понесся на всѣхъ парахъ назадъ къ выходу изъ пролива.

Признаюсь, мы всѣ были блѣдны и тряслись, когда снова принялись за свое дѣло. Да и дѣйствительно, нужно быть ужъ очень закаленнымъ человѣкомъ, чтобы остаться спокойнымъ при видѣ такого зрѣлища. Представьте себѣ только: пятьсотъ человѣкъ, пущенныхъ ко дну въ мгновеніе ока безъ всякой возможности спастись!

Точно желая отпраздновать эту свою побѣду, врагъ еще участилъ съ берега свой огонь. Это былъ теперь положительно ураганный огонь. И тутъ «Иррезистибль» получилъ свой первый ударъ. Одинъ снарядъ изъ 14-дюймоваго орудія попалъ въ насъ гдѣ - то на носу, и попалъ основательно, потому что весь нашъ броненосецъ вздрогнулъ и даже накренился на одинъ бокъ. Впрочемъ, онъ тутъ же всталъ опять на ровный киль. Въ нашемъ казематѣ всѣ едва удержались на ногахъ, а одинъ канониръ былъ сильно ушибленъ чѣмъ-то, упавшимъ сверху. Признаюсь, я лично думалъ, что намъ конецъ, такъ насъ встряхнуло.

Но нашъ часъ еще не насталъ. Черезъ нѣсколько минутъ другой большой снарядъ хлопнулся въ воду прямо передъ нашимъ казематомъ, поднявъ такой столбъ воды, что будь на нашемъ мѣстѣ маленькое судно, оно бы пожалуй, затонуло. Въ нашемъ казематѣ вода была вездѣ, и всѣхъ насъ окатило съ головы до ногъ.

Дѣло становилось поистинѣ жаркимъ. Намъ казалось, что всѣ турецкіе форты выбрали себѣ мишенью нашъ «Иррезистибль», такое огромное количество снарядовъ сыпалось вокругъ насъ; хотя разумѣется, мы были не единственной мишенью. Вездѣ происходило то же самое,

Одинъ изъ нашихъ сказалъ съ усмѣшкой:

— Сейчасъ что-нибудь случится. Ужъ очень стало.... жарко.

И дѣйствительно, кое-что случилось. Гдѣ то, на носу въ насъ опять попалъ крупный снарядъ, встряхнувшій насъ всѣхъ, а затѣмъ, раньше чѣмъ мы успѣли прійти въ себя, мы почувствоваои страшный толчокъ. Человѣкъ шесть полетѣли на полъ во всѣ стороны, а когда они опять поднялись на ноги, нашъ старый «Иррезистибль» уже на-кренился на лѣвый бортъ подъ угломъ въ 45°, а наши пушки глядѣли жерлами въ небо, словно противоаэропланныя орудія.

Намъ не надо было объяснять, въ чемъ дѣло. Всѣ мы сразу поняли и безъ объясненій, что «Иррезистиблю» пришелъ конецъ. Не могу описать, что я чувствовалъ въ эту минуту. Это нужно самому пережить, чтобы понять. Не думали мы и не гадали, видя гибель «Бувэ», что и нашъ чередъ придетъ такъ скоро.

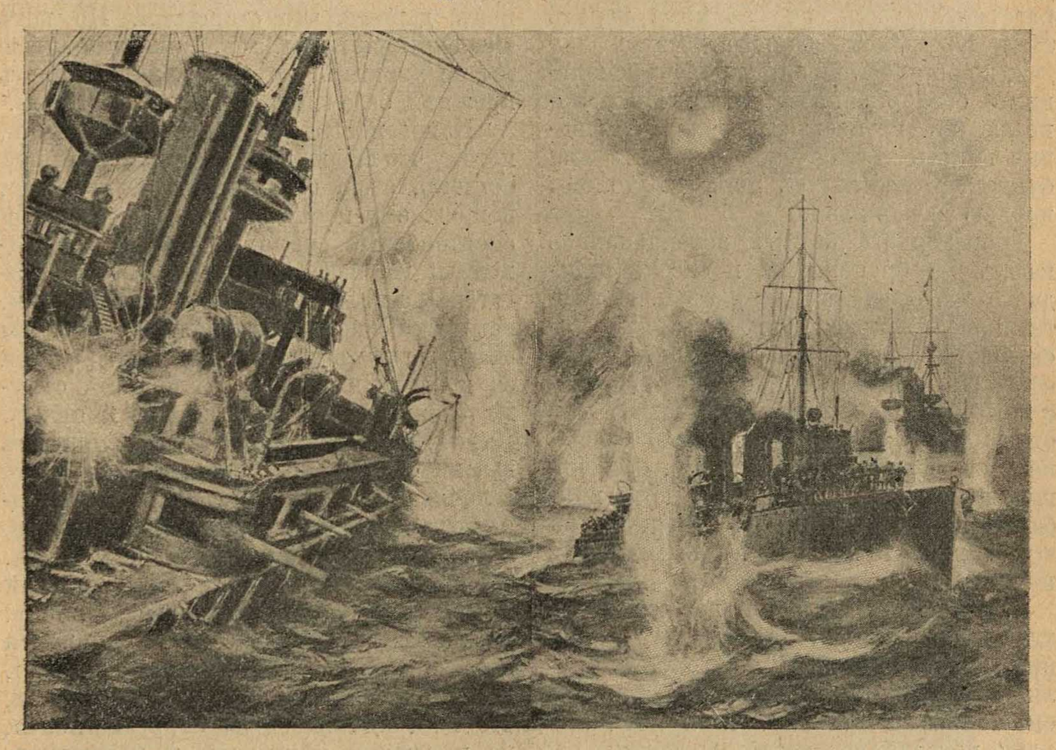
За исключеніемъ того, что упавшіе снова поднялись на ноги, никто въ нашемъ казематѣ не пошевельнулся. Намъ нечего было дѣлать какъ только стоять и ждать приказаній, глядя другъ другу въ блѣдныя, напряженныя лица.

Но ждать намъ пришлось недолго. Пришелъ приказъ очистить казематъ и выйти на палубу. Открывъ дверь каземата, мы и вышли на палубу, спрашивая себя, что будетъ дальше. Потомъ намъ велѣли итти на корму. Мы и пошли туда, и скоро тамъ выстроился весь нашъ экипажъ, за исключеніемъ прислуги тѣхъ орудій, которыя еще могли стрѣлять. Нигдѣ не происходило ни малѣйшаго намека на панику или безпорядокъ. Всѣ заняли свои мѣста такъ спокойно, точно на смотру.

Стоя на кормѣ, на открытомъ мѣстѣ, мы могли ясно видѣть, что происходило: «Иррезистибль» опять почти совсѣмъ выпрямился, но сидѣлъ глубоко въ водѣ и продолжалъ медленно погружаться. Мы жадно оглядывали воду, надѣясь увидѣть какой-нибудь миноносецъ или контръ-миноносецъ, спѣшащій къ намъ на помощь. Но- нигдѣ не было ни одного... Вдругъ одинъ изъ нашихъ указалъ рукой въ сторону выхода изъ пролива, и мы увидѣли тамъ далеко-далеко небольшое судно, которое неслось

къ намъ на всѣхъ парахъ. Поистинѣ желанный видъ!

Но тутъ намъ пришлось пережить самыя худшія минуты за все время. Даже теперь я содрагаюсь, когда вспоминаю объ этомъ. Когда «Ирризистибль» получилъ свой смертельный ударъ, его начало незамѣтно относить къ азіатскому берегу пролива. Турки на берегу быстро сообразили, что мы безпомощны, пото-



Отплывая отъ своего тонущаго судна на истребителѣ, спасенная команда со слезами на глазахъ смотрѣла на него.

му что на насъ немедленно были наведены десятки орудій, и снаряды посыпались дождемъ. Представьте себѣ наше положеніе: шестьсотъ человѣкъ, которые стоятъ въ полной безпомощности подъ огненнымъ дождемъ и ничего не могутъ сдѣлать!

Истребитель съ каждой секундой приближался къ намъ, но турки тоже не зѣвали и съ каждой секундой брали прицѣлъ все правильнѣе. Снаряды падали все ближе и ближе къ намъ, поднимая гигантскіе столбы воды и вспѣнивая воду на десятки ярдовъ кругомъ мѣста, гдѣ они рвались. Мы, переживали мгновенія невыразимый муки. Видъ этихъ снарядовъ, падающихъ все ближе и ближе, наполнялъ насъ ужасомъ. Невозможно было не обращать на нихъ вниманія.

Но желанный мигъ спасенія былъ уже близокъ. Вотъ истребитель подошелъ къ намъ, почти не уменьшая хода и вспѣнивая воду своими винтами, и буквально въ мгновеніе ока онъ уже зачалился у нашей кормы и сталъ неподвижно, готовый насъ принять.

Нашъ командиръ, который за все это время ни на секунду не покидалъ мостика, скомандовалъ: «Юнги и простые матросы на истребитель». Можете себѣ представить, какъ быстро былъ выполненъ этотъ приказъ, и тѣмъ не менѣе никакой суматохи не было. Несмотря на спѣшку, люди переходили съ обреченнаго судна на истребитель такъ спокойно, точно ихъ попросту отпускали на берегъ на нѣсколько часовъ.

Затѣмъ послѣдовалъ приказъ: «Всѣ остальные на истребитель!» Нашъ чередъ, наконецъ! Съ двѣнадцати различныхъ мѣстъ ринулись мы черезъ бортъ на истребитель. Но не всѣмъ намъ было суждено спастись. Когда послѣдняя группа людей собиралась покинуть шканцы, снарядъ разорвался среди нихъ. Что тутъ было, я не въ силахъ описать. Достаточно сказать, что когда дымъ разсѣялся, тамъ, гдѣ за мигъ передъ тѣмъ находилось больше десятка людей, не осталось ничего, кромѣ нѣсколькихъ безформенныхъ тѣлъ! Находившіеся на истребителѣ и вынужденные видѣть этотъ ужасъ моряки, были буквально залиты съ ногъ до головы кровью товарищей.

Добровольцы быстро вскарабкались назадъ на броненосецъ и снесли оттуда на истребитель всѣхъ, въ комъ еще теплилась искра жизни. А затѣмъ нѣсколько храбрецовъ, которые вызвались остаться для этой цѣли на «Иррезистиблѣ», отдали чалки, и истребитель отошелъ отъ обреченнаго броненосца, неся свою драгоцѣнную ношу, состоявшую изъ 600 живыхъ душъ. Быстро прибавляя ходу, онъ сдѣлалъ поворотъ и на всѣхъ парахъ понесся къ выходу изъ пролива.

И какъ разъ во время, ибо, едва онъ успѣлъ отойти отъ «Иррезистибля», какъ штукъ шесть или восемь снарядовъ упали въ воду на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ только что стоялъ. Ужъ подлинно намъ повезло, потому что, задержись мы хоть одну минуту лишнюю, эти снаряды раздавили бы истребитель какъ скорлупку, и всѣмъ намъ не миновать бы смерти!

Итакъ, мы уцѣлѣли чудомъ и неслись теперь прочь отъ опаснаго мѣста. Мы оглянулись въ послѣдній разъ на «Иррезистибль». Вода уже доходила почти до уровня его шканцевъ, снаряды лопались надъ нимъ (турки взяли наконецъ, вполнѣ правильный прицѣлъ), а на мостикѣ стояли командиръ и нѣсколько офицеровъ и спокойно глядѣли вслѣдъ нашему быстро удалявшемуся истребителю...

Это была такая жуткая и величественная картина, что тотъ, кто видѣлъ ее, врядъ ли сможетъ когда-нибудь ее забыть.

Могу по совѣсти сказать, что немногіе изъ насъ стояли съ сухими глазами, глядя въ послѣдній разъ на наше тонущее судно. Онъ былъ хорошимъ броненосцемъ, даромъ, что старымъ... Но вотъ онъ скрылся изъ глазъ. Никогда больше мы не увидимъ это судно, на которомъ прожили безсмѣнно столько мѣсяцевъ.

Наши испытанія кончились теперь, потому что впереди насъ, словно большой островъ, стояла «Королева Елизавета», попрежнему посылая изъ своихъ орудій смертоносные снаряды. Когда мы подходили къ ней, матросы, стоявшіе наготовѣ на палубѣ, чтобы принять чалки, встрѣтили насъ ободряющимъ «ура». Мы отвѣтили тѣмъ же. Все, что мы пережили за послѣдній часъ, вылилось въ оглушительныхъ привѣтственныхъ крикахъ. Впрочемъ, нѣкоторые были слишкомъ взволнованы, чтобы кричать. Помню, что я лично былъ во власти самыхъ разнородныхъ чувствъ: благодарности, изумленія, невыразимо трепетнаго чувства радости.

Немного времени спустя мы уже были всѣ на «Лиззи». Раненыхъ снесли внизъ, въ лазареты, и истребитель помчался назадъ, чтобы спасти, если возможно, послѣднихъ людей. И позже мы узнали, что всѣ, оставшіеся на «Иррезистиблѣ», не исключая офицеровъ и командира, были дѣйствительно спасены. Можете себѣ представить, какими криками мы встрѣтили эту радостную вѣсть.

На «Лиззи» къ намъ отнеслись какъ нельзя лучше, дали намъ все, въ чемъ мы могли нуждаться, и мы себя чувствовали такъ уютно и хорошо, какъ, кажется, никогда раньше.

На этомъ кончается моя исторія. Да, много мы пережили въ памятный день 18 марта, который никто изъ насъ, я увѣренъ, не забудетъ до конца своихъ дней...

Линіи французскихъ укрѣпленій на Изерскомъ каналѣ.

ВЪ НЕБЕСНОЙ ЛАЗУРИ.

Разсказъ изъ боевой жизни летчика.

Все время сначала былъ слышенъ гулъ канонады, даже здѣсь, такъ далеко отъ линіи огня. А, кромѣ того, слышался и тотъ хаосъ звуковъ, который неизмѣнно слышенъ тамъ, гдѣ кипитъ жизнь и люди работаютъ. Особенно рѣзко выдѣлялся металлическій звонъ и лязгъ, который шелъ изъ мастерскихъ при ангарахъ.

Но когда Гудсонъ и Аллисонъ поднялись, эти звуки жизни затихли мало-по-малу, между тѣмъ какъ гулъ канонады оставался неизмѣннымъ, и поэтому казалось, что не аэропланъ удаляется отъ земли, а сами ангары убѣгаютъ отъ него. Гудсонъ зналъ, что даже въ верхнихъ слояхъ атмосферы это бубуханье пушекъ еще будетъ слышно сквозь гудѣніе мотора, служа ему аккомпаниментомъ, но аккомпаниментомъ глухимъ и отдаленнымъ. Они покинули шумную землю и вступили въ тихое царство лазури, безмолвіе котораго нарушалъ только шумъ пропеллера. Но для Гудсона этотъ однообразный шумъ былъ равносиленъ тишинѣ.

Аллисону, занятому рулемъ и рычагами, некогда было думать, и Гудсонъ завидовалъ ему въ этомъ. Обладая всѣми знаніями пилота, Гудсонъ вынужденъ былъ летать въ качествѣ простого зрителя, въ качествѣ военнаго наблюдателя, и часто онъ чувствовалъ себя наподобіе того, какъ себя чувствуетъ человѣкъ, прекрасно умѣющій править, когда онъ сидитъ въ повозкѣ, въ которую впряжена буйная лошадь, а вожжи держитъ не онъ, а другой.

Бывали мгновенія во время этихъ полетовъ, когда онъ готовъ былъ силой стащить Аллисона съ его сидѣнья и занять его мѣсто у руля. А между тѣмъ до сихъ поръ они вѣдь всегда благополучно возвращались на землю, хотя порой Аллисонъ выдѣлывалъ рискованныя эволюціи.

Всегда, когда другіе летѣли, а они нѣтъ, Гудсонъ желалъ, чтобы былъ ихъ чередъ летѣть. А всякій разъ, когда они взвивались въ поднебесье, онъ проклиналъ себя, зачѣмъ занялся воздухоплаваніемъ, и говорилъ себѣ, что это будетъ его послѣдній полетъ. Раньше, когда онъ самъ былъ пилотомъ, онъ никогда не думалъ ни о чемъ подобномъ, потому что руль и рычаги поглощали все его вниманіе и занимали всѣ его мысли. Но теперь, когда онъ сидѣлъ праздно въ качествѣ наблюдателя, у него было много времени для размышленій, о чемъ онъ очень жалѣлъ.

Они покинули теперь нижнюю безвѣтряную область, куда еще доносились земные звуки, и пролетѣли черезъ большое облако, выше котораго внезапно очутились въ полосѣ вѣтра, какъ на землѣ иной разъ человѣкъ огибаетъ уголъ и неожиданно оказывается подъ ударами бури.

Взглянувъ внизъ, Гудсонъ увидѣлъ черезъ прорывъ въ облакѣ прямую линію ангаровъ и точечки, которыя представляли людей. Но черезъ мгновеніе прорывъ замкнулся, и облако скрыло землю.

Но вдали, къ сѣверо-востоку, за краемъ облака, виднѣлись круглыя дымки и какія-то линіи на землѣ. Это были траншеи. Видя ихъ, можетъ быть, въ сотый разъ, Гудсонъ невольно спросилъ себя, а какова въ сущности война вблизи? Но тутъ Аллисонъ сдѣлалъ поворотъ, по ставивъ аэропланъ противъ вѣтра, и этотъ кусочекъ боевого фронта исчезъ изъ поля зрѣнія Гудсона.

Какія-то большія птицы летѣли имъ навстрѣчу по вѣтру; онѣ испуганно метнулись въ сторону, завидѣвъ ихъ, и черезъ мигъ исчезли позади. Гудсонъ усмѣхнулся тому, какъ птицы метнулись отъ аэроплана.

Они продолжали подниматься все выше и выше, такъ быстро, что очень скоро

облако, черезъ которое они пролетѣли, осталось далеко внизу и уже было только пушистымъ пятномъ тумана, заслонявшимъ позади нихъ часть панорамы. Но Аллисонъ опять круто повернулъ аэропланъ, и маленькое туманное пятно оказалось не сзади, а впереди, попрежнему далеко внизу.

— Куда, чортъ возьми, вы держите путь? — проревѣлъ Гудсонъ, но за шумомъ мотора и свистомъ вѣтра Аллисонъ не слышалъ его словъ.

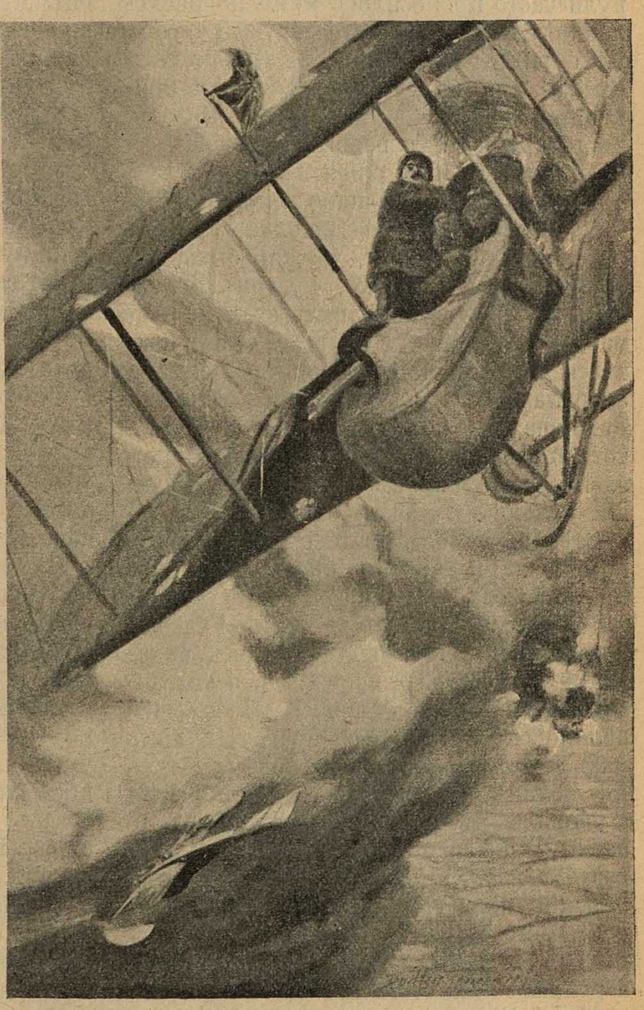
Земля внизу опять точно завертѣлась. Достигнувъ желаемой высоты, Аллисонъ медленно сдѣлалъ поворотъ къ сѣверу и далъ аэроплану прямое направленіе. Далеко на западѣ, въ синевѣ неба виднѣлись другіе аэропланы. Одинъ изъ нихъ началъ было приближаться, увеличиваясь съ каждой секундой, но потомъ полетѣлъ въ другую сторону. Это былъ одинъ изъ ихъ же, британскихъ, аэроплановъ, занятый собственными дѣлами.

Но вотъ они очутились почти прямо надъ германскими линіями. Пуля со свистомъ ударилась въ одну изъ стоекъ, и Аллисонъ немедленно поднялъ носъ аэроплана кверху. Гудсонъ зналъ, что когда-нибудь одна изъ этихъ пуль попадетъ въ него, и тогда это будетъ его послѣдній полетъ — развѣ только, что Аллисонъ, со своимъ пристрастіемъ къ крутымъ поворотамъ, раньше этого грохнетъ на земь и аэропланъ и ихъ обоихъ.

Они находились, очевидно, ближе къ землѣ, чѣмъ онъ думалъ, потому что онъ ясно слышалъ свистъ пули несмотря на шумъ пропеллера и мотора.

Гудсонъ мысленно отмѣчалъ коекакія вещи, которыя ему удалось замѣтить, а Аллисонъ сильно накренилъ аэропланъ, свернувъ къ востоку.

Внизу, въ отдаленіи, съ земли поднялись два аэроплана. Впереди показалась линія рельсъ, и Гудсонъ, разсчитавъ разстояніе, зажегъ фитиль одной бомбы и бросилъ ее внизъ. Онъ увидѣлъ, какъ она разбила въ щепы одинъ вагонъ, а маленькія точечки, представлявшія



Гудсонъ успѣлъ схватить руль раньше, чѣмъ аэропланъ потерялъ равновѣсіе.

людей, бросились бѣжать, а другія точечки остались неподвижны, когда дымъ разсѣялся. Гулъ взрыва донесся до него раньше, чѣмъ дымъ разсѣялся.

— Убійство!—пробормоталъ онъ про себя. —Чистое убійство!

Онъ ненавидѣлъ это метаніе бомбъ. Вражескіе аэропланы уже ясно были

видны внизу. Оба неслись прямо къ нимъ. Гудсонъ приготовилъ пулеметъ. Но стрѣлять еще было рано. Аллисонъ поднимался все выше и выше, а тѣ двое слѣдовали за нимъ. Нѣсколько пуль прожужжало мимо—рискованно близко, какъ подумалъ Гудсонъ. Но, впрочемъ, пули часто проносились мимо на рискованно близкомъ разстояніи, и Гудсонъ могъ видѣть, что Аллисонъ только улыбается. Да, пилотъ, которому не приходится сидѣть и ничего не дѣлать, въ то время какъ нервы напряжены до крайности, конечно можетъ улыбаться.

Было холодно, страшно холодно, а земля внизу была скорѣе похожа на карту, чѣмъ на землю. Они, должно быть, забрались очень высоко. Гудсонъ повернулъ пулеметъ, направилъ его внизъ и началъ стрѣлять. Три раза онъ попытался попасть въ одинъ изъ вражескихъ аэроплановъ, и на третій разъ удалось: онъ попалъ въ пилота. Онъ увидѣлъ какъ тотъ упалъ лицомъ внизъ въ своемъ углубленіи, а аэропланъ накренился, больше, больше—и началъ падать.

Второй преслѣдователь прекратилъ погоню и повернулъ прочь. Да, двое противъ одного, это они могутъ, а на равныхъ шансахъ — нѣтъ! Гудсонъ усмѣхнулся. Онъ увидѣлъ, какъ падающій аэропланъ разбился вдребезги позади вражескихъ траншей. Небольшое облако скрыло второго врага. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ исчезалъ въ облакѣ, прилетѣла злодѣйка-пуля и попала въ голову Аллисона около виска, и Аллисонъ упалъ лицомъ впередъ совершенно такъ же, какъ германскій пилотъ.

Гудсону некогда было думать. Онъ успѣлъ схватить руль раньше, чѣмъ аэропланъ окончательно потерялъ равновѣсіе. Еще одна секунда, и было бы поздно. Онъ страшно испугался, но какъ только рука схватила руль, всякій страхъ исчезъ. Онъ опять былъ пилотомъ, которому некогда думать и бояться. Перегнувшись назадъ, въ неудобной позѣ, онъ правилъ аэропланомъ. Онъ началъ подниматься по спирали, выше, еще выше, а потомъ полетѣлъ къ югу. Земля мелькала внизу сквозь разрывы облаковъ.

Застывшая мертвая улыбка Аллисона наполняла его сердце жутью, но аэропланъ слушался его, а это было главное. Вотъ снарядъ разорвался почти прямо подъ нимъ, и онъ забылъ объ Аллисонѣ и его улыбкѣ.

«Шрапнель», презрительно сказалъ онъ и усмѣхнулся. Однако, одна изъ шрапнельныхъ пуль, гудя, какъ шмель, прошла сквозь крыло аэроплана, и Гудсонъ поднялся еще выше.

Сквозь облака внизу показалась лента рѣки. Перелетѣвъ черезъ нее, Гудсонъ спустился немного и выключилъ моторъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ планировалъ. Этихъ минутъ ему было достаточно, чтобы оріентироваться. Вонъ тамъ, вдали, ихъ ангары. И онъ понесся къ нимъ. Когда моторъ былъ выключенъ, міръ становился такимъ необыкновенно тихимъ, лишеннымъ звуковъ и жизни. У Гудсона члены онѣмѣли отъ напряженнаго положенія, но онъ не смѣлъ пошевелиться, чтобы сѣсть удобнѣе. Это былъ его послѣдній полетъ. Онъ по горло сытъ и больше не намѣренъ летать въ качествѣ наблюдателя.

Изъ яснаго солнечнаго свѣта наверху онъ попалъ подъ противный моросящій дождь и сталъ описывать круги, чтобы опуститься на площадкѣ передъ ангарами. Въ послѣднюю секунду его нервы не выдержали, рука дрогнула, и одно колесо коснулось земли. Когда моторъ умолкъ, Гудсонъ выпрямился изъ своего неудобнаго положенія и продолжалъ сидѣть, пока люди не подошли и не сняли съ аэроплана то, что раньше было Аллисономъ. Тогда и онъ сошелъ и отправился докладывать, и, шагая по утоптанной землѣ, бормоталъ:

— Это послѣдній разъ. Больше я не буду летать!

Все снова и снова, словно заклинаніе.

Когда онъ вышелъ изъ палатки и зашагалъ къ ангарамъ, онъ поднялъ глаза къ небу. Тамъ наверху, въ безпредѣльномъ просторѣ, летѣли, жужжа, три аэроплана, и при видѣ ихъ Гудсона опять потянуло неудержимо въ небесную лазурь.

— Завтра, вѣрно, опять мой чередъ,— сказалъ онъ самъ себѣ.

Послѣ плѣненія поручикомъ Покровскимъ австрійскаго аэроплана. Передъ плѣннымъ аппаратомъ среди членовъ нашего авіаціоннаго парка стоятъ слѣва австріецъ-летчикъ, справа наблюдатель-германскій офицеръ генеральнаго штаба.

Высадка австралійцевъ въ Дарданеллахъ.

Разсказъ участника-добровольца одного изъ австралійскихъ полковъ.

Какъ только появился призывъ добровольцевъ, я рѣшилъ записаться въ армію, чувствуя, что надо послужить родинѣ въ такую минуту. Требованія, которыя предъявлялись къ намъ при пріемѣ, были довольно высоки: каждый, желавшій поступить въ армію, долженъ былъ быть чуть не атлетомъ. Но явились тысячи здоровыхъ молодцовъ, изъ которыхъ любой годился въ солдаты, и уже черезъ недѣлю послѣ того, какъ я записался въ полкъ, нашъ 11-ый батальонъ былъ сформированъ, и мы жили въ лагеряхъ въ Блэкбой-Кэмпѣ, въ Западной Австраліи.

Наше обученіе велось очень энергично и самымъ ускореннымъ темпомъ, чтобы мы поскорѣе были готовы къ отправкѣ.

Нѣсколько разъ у насъ была ложная тревога, прежде чѣмъ насталъ, наконецъ, день, когда насъ въ самомъ дѣлѣ отправили—въ Англію, какъ мы полагали.

Это случилось 1-го ноября. Это былъ великій день для Западной Австраліи и тысячи мужчинъ и женщинъ пришли проводить насъ и пожелать намъ счастливаго пути. Нашъ 11-ый батальонъ плылъ по морю уже двое сутокъ, когда насъ нагнали остальные транспорты. Мы представляли внушительный видъ: почти пятьдесятъ транспортовъ, выстроившихся въ три шеренги и конвоируемыхъ военными судами. Одно изъ послѣднихъ, крейсеръ «Сидней», неожиданно покинулъ насъ, а нѣсколько часовъ спустя мы узнали, что «Сидней» имѣлъ бой съ «Эмденомъ» и уничтожилъ его.

Эта новость была, разумѣется, встрѣчена съ восторгомъ. Начало казалось многообѣщающимъ, и все шло отлично, когда вдругъ, къ нашему великому разочарованію, радіотелеграмма съ нашего флагманскаго суда извѣстила насъ, что насъ отправляютъ не въ Европу, а въ Египетъ. Мы такъ надѣялись попасть въ гущу событій, разыгрывавшихся во Франціи, а операціи въ Дарданеллахъ еще не начались къ тому времени.

Но дѣлать было нечего. Приказано, такъ надо слушаться, а прибывъ въ Александрію, мы были рады немного расправить члены, прежде чѣмъ сѣсть въ поѣздъ, отвезшій насъ въ Каиръ. Мѣстомъ нашего назначенія былъ лагерь Мена, близъ пирамидъ, куда мы и прибыли въ первыхъ числахъ декабря. Здѣсь мы снова прошли основательный курсъ обученія. Простору кругомъ было много, и мы проводили время въ бригадныхъ и дивизіонныхъ маневрахъ. И здѣсь нѣсколько разъ бывали фальшивыя тревоги, а когда турки двинулись къ Суэцкому каналу, мы уже твердо надѣялись, что дѣло дойдетъ до боя. Но намъ опять не повезло: наши услуги не понадобились, обошлись и безъ насъ.

Такъ прошло время до конца февраля, когда неожиданно пришелъ приказъ отправить въ Александрію 1-ую, 2-ую и 3-ю австралійскія бригады, а также ново-зеоландцевъ. Моя бригада, 3-я, была отправлена первой. Въ Каирѣ насъ собралась провожать огромная толпа, состоявшая какъ изъ бѣлыхъ, такъ и изъ туземцевъ.

Мы не имѣли понятія, куда насъ назначаютъ. Насъ усадили на транспортъ «Суффолкъ» и повезли куда-то. Черезъ нѣкоторое время мы остановились на якорѣ въ Мудросской бухтѣ на островѣ Лемносъ и тамъ застряли. Когда мы прибыли туда, тамъ не было ни одного судна, кромѣ нашего, но въ теченіе слѣдующихъ семи дней одинъ транспортъ приходилъ за другимъ, пока эта идеальная бухта не оказалась, наконецъ, полнымъ полна.

Дни проходили однообразной чередой. Ничего не случалось. Обученіе, гимнастика на палубѣ, да изрѣдка маршировка на берегу... Вскорѣ мы услыхали о дѣйствіяхъ въ Дарданеллахъ и о первой бомбардировкѣ Дарданелльскихъ фортовъ, но сами оставались въ бухтѣ. Погода была очень бурная, а будь она немного

лучше, мы навѣрное раньше приняли бы участіе въ борьбѣ за Дарданеллы.

Приблизительно въ серединѣ апрѣля началось какое-то движеніе. Нашъ бригадный майоръ, полковникъ Маклаганъ, разъѣзжалъ туда и сюда въ катерѣ вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ. Крейсера приходили и уходили; истребители носились взадъ и впередъ. Все указывало на то, что «что-то готовится».

Въ австралійскихъ войскахъ между офицерами и солдатами царитъ удивительный духъ товарищества. Быть въ австралійскомъ батальонѣ—это прямо праздникъ. Мы души не чаяли въ своихъ офицерахъ, которые переносили всѣ тяготы военной службы наравнѣ съ нами, и мы были готовы пойти въ огонь и воду за нихъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ и каждаго въ отдѣльности. Нашъ ротный командиръ, майоръ Дрэкъ Брокманъ, нѣсколько разъ подолгу бесѣдовалъ съ нами о смыслѣ и значеніи этой войны, и мы всѣ хорошо понимали, что намъ предстоитъ очень и очень нелегкая задача.

23-го апрѣля нашъ батальонъ выстроили на палубѣ, и батальонный командиръ, полковникъ Джонстонъ сказалъ намъ, что генералъ сэръ Гамильтонъ назначилъ насъ штурмовать позицію, выбранную для высадки австралійскихъ войскъ на Галлиполи.

Онъ серьезно прибавилъ, что мы должны быть готовы выполнить свою задачу во что бы то ни стало, пожертвовавъ собой, если нужно. Онъ заранѣе осмотрѣлъ выбранную позицію съ крейсера и далъ намъ нѣкоторое понятіе о предстоявшей намъ работѣ. Его рѣчь была покрыта громовыми ура. Мы были не только готовы, мы жаждали принять активно участіе въ войнѣ и были рады, что очередь дошла, наконецъ, до насъ.

Цѣлая флотилія лодокъ медленно, но неуклонно подвигалась къ неизвѣстному берегу.

Въ субботу 24-го апрѣля къ намъ подошелъ контръ-миноносецъ, забралъ наши двѣ роты А и С и доставилъ насъ на крейсеръ «Лондонъ», который стоялъ у выхода изъ Мудросскаго залива. Тамъ насъ встрѣтили съ шумнымъ энтузіазмомъ, а въ 3 ч. пополудни адмиральское судно заняло свое мѣсто, и мы двинулись въ путь среди криковъ со всѣхъ англійскихъ и французскихъ транспортовъ и крейсеровъ. Мы находились въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа и быстро подружились съ нашими флотскими товарищами, которые насъ занимали, какъ это умѣютъ дѣлать только моряки.

На шканцахъ была отслужена краткая месса, во время которой священникъ намъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, а потомъ мы были предоставлены самимъ себѣ. Мы осмотрѣли судно, поиграли въ карты, устроили даже недурной импровизированный концертъ. Когда стемнѣло, мы улеглись спать, устроившись какъ могли удобнѣе. Всѣ огни были потушены, разумѣется. Вскорѣ послѣ полуночи насъ разбудили (это было, слѣдовательно, въ воскресенье 25 апрѣля) и угостили горячимъ завтракомъ. Не было замѣтно никакого возбужденія, а только чувствовалась во всѣхъ какая-то спокойная увѣренность.

Потомъ мы надѣли на себя боевое снаряженіе, которое состояло изъ 200 патроновъ, трехдневной порціи консервовъ и сухарей и трехъ пустыхъ мѣшковъ для наполненія пескомъ въ случаѣ надобности. Все это вмѣстѣ составляло довольно тяжелую ношу, но намъ было приказано снять ее немедленно по прибытіи на берегъ и итти на врага налегкѣ со штыкомъ. Стрѣлять мы не должны были до разсвѣта или пока намъ не прикажутъ.

Приблизительно въ 2 ч. пополуночи намъ велѣли садиться въ лодки, которыя долженъ былъ вести на буксирѣ паровой катеръ. Мы это сдѣлали быстро, а за нами послѣдовали десантные отряды съ крейсеровъ. Ночь была тихая и темная. На небѣ, правда, стояла луна, но свѣтила она блѣдно преблѣдно. Далеко ли мы находились отъ берега или близко, объ этомъ я не имѣлъ понятія. Нѣкоторое время мы плыли подъ защитой крейсера, а потомъ намъ приказали плыть дальше однимъ.

Наступилъ критическій моментъ. Мы едва дышали отъ волненія. Никогда я не забуду этого зрѣлища: темная ночь, вода, и цѣлая флотилія лодокъ, которая растянулась тремя или четырьмя шеренгами на разстояніи ярдовъ 100 одна отъ другой и медленно, но неуклонно, подвигалась впередъ... куда?

Намъ казалось, что прошло уже много часовъ, когда крейсеръ окончательно скрылся у насъ изъ глазъ, и понемногу мы начали различать очертанія берега, смутно выдѣлявшіяся на фонѣ неба. И надо сказать, что видъ у берега былъ далеко не привлекательный. Во время этого переѣзда произошелъ одинъ смѣшной инцидентъ. Офицеръ, который командовалъ катеромъ, буксировавшимъ наши лодки (я сидѣлъ во второй лодкѣ), вилялъ немного изъ стороны въ сторону. Его начальникъ съ другого катера нѣсколько разъ просилъ его вполголоса итти прямѣе. Когда же это не помогло, онъ вдругъ какъ крикнетъ: «Да идите же прямѣе, ради Бога, а то вы испортите все дѣло!» Намъ нельзя было смѣяться громко, но мы едва-едва удержались отъ хохота.

У холмовъ, которые мы могли теперь различить сквозь сумракъ, видъ былъ хмурый и грозный, а мы такъ ясно чувствовали, что оставили всякую защиту позади. Видъ крейсера всегда дѣйствуетъ удивительно ободряющимъ образомъ, а теперь нашъ крейсеръ скрылся отъ нашихъ взоровъ. Но мы стиснули зубы и только старались усѣсться поудобнѣе, потому что были набиты въ лодкахъ, какъ сельди въ бочкѣ. На берегу не было замѣтно никакого признака жизни, и мы уже начали думать, что высадимся на берегъ незамѣченными и застигнемъ турокъ врасплохъ.

Вдругъ на берегу вспыхнулъ лучъ свѣта и минутъ пять не гасъ. Врагъ насъ замѣтилъ. И странное дѣло: теперь, когда мы знали, чего ждать, прежнее напряженное состояніе прошло смѣнившись чувствомъ облегченія. Такъ было у меня, по крайней мѣрѣ, но я увѣренъ, что то же самое было у всѣхъ.

Тутъ намъ приказали, чтобы человѣкъ двѣнадцать на каждой лодкѣ взялись за весла и гребли бы изо всѣхъ силъ къ берегу, какъ только катеръ отдастъ буксиръ. Берегъ мы видѣли уже ясно, но было еще слишкомъ темно, чтобы разглядѣть тамъ какое-нибудь движеніе. Когда до берега осталось ярдовъ тридцать, нашъ катеръ отдалъ буксиръ. Но не успѣли еще наши гребцы опустить весла въ воду, какъ трахъ!—справа прилетѣла шрапнель, и въ ту же минуту турки на скалахъ и въ траншеяхъ открыли по насъ убійственный ружейный и пулеметный огонь. Мы представляли для нихъ весьма удобную

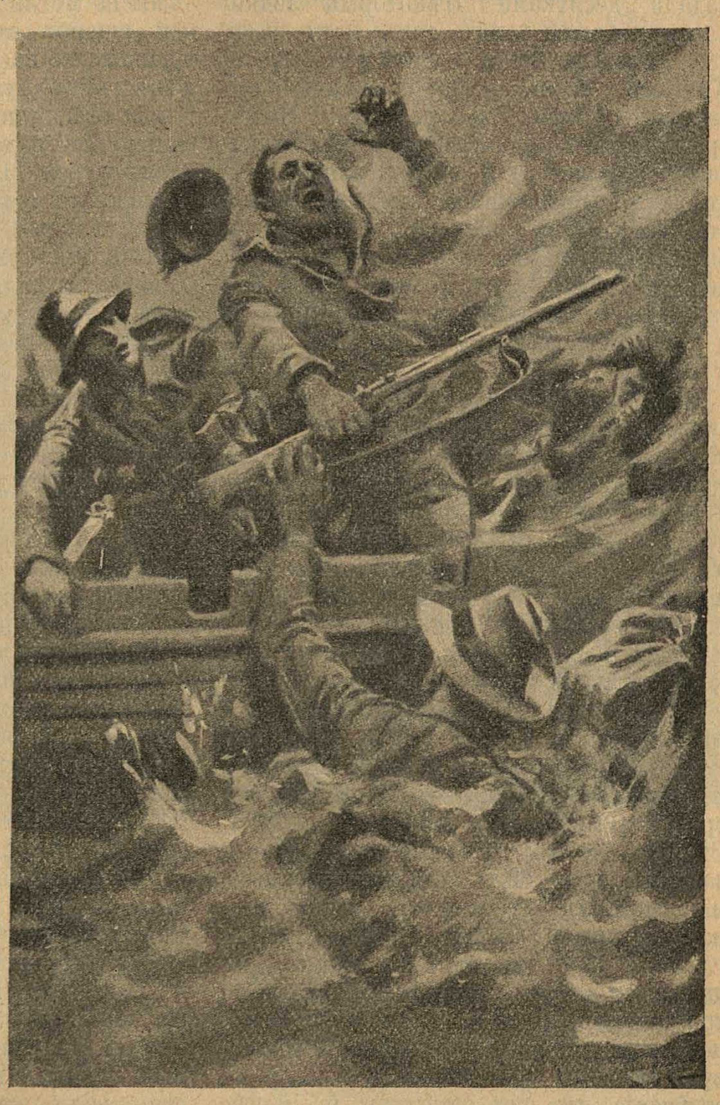
мишень, и удивительно, какъ они не перестрѣляли всѣхъ насъ до послѣдняго.

Никакихъ приказанiй намъ не отдавали—да въ нихъ и не было нужды. Всѣ люди, которые не были сразу убиты или ранены попрыгали въ воду. Я далъ при этомъ подержать свое ружье одному матросу и очутился въ водѣ по самыя плечи. Бѣдняга какъ разъ возвращалъ мнѣ ружье, когда шрапнель вдругъ разорвалась надъ нами, и убила его наповалъ. Это были ужасныя минуты. Подъ водой находилась сѣть проволочныхъ загражденiй, и мы спотыкались и падали. Одинъ мой товарищъ упалъ и чуть не захлебнулся, я вытащилъ его изъ воды, и мы кое-какъ добрались до берега. То же самое происходило на всемъ берегу.

Гулъ отъ пальбы стоялъ такой, что трудно себѣ представить. Это было что-то неописуемое. Точно всѣ черти вырвались изъ ада и справляли шабашъ. Мы дрожали отъ холода въ мокрой одеждѣ, но теперь мы жаждали крови. Въ одинъ мигъ мы сбросили свои ноши, примкнули штыки и, образовавъ подобiе цѣпи, побѣжали вверхъ по косогору, не обращая вниманiя на ружейный и пулеметный огонь.

«Впередъ Австралiя!» былъ нашъ боевой кличъ. Ничто не могло теперь остановить обезумѣвшихъ австралiйцевъ. Гикая и гаркая, скользя и спотыкаясь, ринулись мы на турокъ, и четверь часа спустя послѣ нашей высадки, въ первой линiи турецкихъ траншей не осталось въ живыхъ ни одного врага.

Пощады не давали, плѣнныхъ не брали. Свѣтало, и послѣ перваго страшнаго налета мы могли немного оглядѣться. Мы находились въ захваченныхъ траншеяхъ, которыя были великолѣпны и полны съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ, и увидѣли нѣчто, наполнившее наши сердца радостью: десятки транспортовъ полные войскъ, идущiе къ берегу на



Матросъ передавалъ мнѣ ружье, когда шрапнель разорвалась надъ нами и убила его наповалъ.

всѣхъ парахъ. И истребители тоже виднѣлись вдали, и наша «Лиззи», какъ у насъ называютъ сверхдредноутъ «Королеву Елизавету». Какими криками мы привѣтствовали ихъ!

Но шрапнели и пули попрежнему косили наши десанты, и люди падали и падали десятками. Нѣкоторыя лодки плыли по волѣ волнъ, такъ какъ весь ихъ экипажъ былъ выбитъ изъ строя. Кругомъ насъ всюду лежали товарищи, убитые и раненые. Нашъ врачъ и его помощники разрывались на части, дѣлая все отъ нихъ зависящее, чтобы по возможности подать всѣмъ этимъ бѣднягамъ первую помощь. Всѣ были героями въ этотъ незабвенный день 25-го апрѣля 1915 года. Нашъ батальонный командиръ подошелъ къ намъ и похвалилъ насъ, а бригадный такъ и сіялъ.

Все это произошло буквально въ нѣсколько минутъ, въ срокъ болѣе короткій, чѣмъ нужно, чтобы разсказать. Но самая главная работа была еще впереди. Теперь намъ надо было отбить контръатаку непріятеля. Мы побѣжали внизъ по склону какой-то лощины подъ дождемъ шрапнелей и пуль, и чѣмъ дальше мы бѣжали, тѣмъ ожесточеннѣе становился огонь турокъ. Люди валились какъ кегли, а такъ какъ кругомъ росъ густой кустарникъ, то мы не могли видѣть врага.

Это была идеальная мѣстность для обороны, но очень плохая для атаки. Мы сразу прозвали эту лощину «Долиной Смерти», и это названіе сохранилось за ней. День былъ страшно знойный, мы изнывали отъ жары и жажды, и у насъ красный туманъ стоялъ передъ глазами. И все же мы продолжали продвигаться впередъ, сражаясь кучками по три-четыре человѣка. Часть нашихъ теперь отдѣлилась и образовала стрѣлковую цѣпь, и я готовъ дать голову на отсѣченіе, что они стрѣляли не менѣе мѣтко, чѣмъ турки.

Турецкій огонь былъ убійственный; онъ положительно косилъ наши ряды. Но вдругъ онъ нѣсколько ослабѣлъ. Вниманіе врага отвлекъ гидропланъ, поднявшійся съ одного изъ нашихъ крейсеровъ и старавшійся теперь опредѣлить прицѣлъ. Ужасающее количество снарядовъ было выпущено въ воздушную птицу, но она спокойно продолжала свой полетъ, а вскорѣ послѣ ея исчезновенія мы съ радостью услышали выстрѣлы съ нашихъ судовъ, которыя начали стрѣлять черезъ наши головы.

Мы не могли, разумѣется, видѣть, какой ущербъ эти выстрѣлы приносили туркамъ, но насъ чрезвычайно подбадрила вѣсть, что турецкія подкрѣпленія, которыя спѣшили на выручку къ своимъ, сильно пострадали. Намъ некогда было окапываться. Намъ нужно было отогнать врага подальше отъ берега, чтобы наши главныя силы могли высадиться, поэтому мы и шли впередъ все дальше и дальше, стрѣляя только тогда, когда мы могли быть увѣрены въ результатѣ. Время отъ времени у насъ завязывался съ турками штыковой бой, но въ общемъ они уже были проучены, и когда мы подходили къ нимъ ближе, они въ большинствѣ случаевъ бросались наутекъ, чтобы дѣло не дошло до штыковъ.

Итакъ мы гнали турокъ, не давая имъ ни минуты передышки. Мы знали, что если бы мы дали имъ передышку, намъ же было бы хуже: мы потеряли бы гораздо больше людей и, навѣрное, должны были бы уступить превосходству ихъ силъ. Теперь же наши подкрѣпленія, спѣшившія къ намъ съ патронами, кирками, и прочимъ снаряженіемъ, имѣли нѣкоторый шансъ уцѣлѣть, потому что, миновавъ линію шрапнельнаго огня на берегу, они уже находились сравнительно въ безопасности дальше, пока добѣгали до линіи ружейнаго огня. Но ужасно всетаки видѣть, какъ кругомъ падаютъ твои товарищи и друзья...

Всѣ мы оказывали раненымъ первую помощь, если это было возможно, а нашъ священникъ былъ храбръ, какъ левъ.

Капитанъ Анниръ и капитанъ Барнзъ были убиты наповалъ, когда доблестно вели своихъ людей въ атаку. Капитанъ Пекъ, нашъ адъютантъ, былъ раненъ. Нашъ храбрый полковникъ Джонстонъ былъ удивительно хладнокровенъ, подбадривая насъ своимъ спокойствіемъ. Мы прозвали его «Типерери», и онъ очень гордился и своимъ прозвищемъ и своими солдатами.

Турки стрѣляли удивительно мѣтко. Мы слышали, какъ ихъ офицеры отдавали команду по-нѣмецки. Но всякій разъ, когда они слышали лязгъ привинчиваемыхъ штыковъ, они удирали— и офицеры и солдаты.

Къ полудню мы уже отогнали турокъ мили на двѣ отъ берега. Къ этому времени 1-ая и 2-я бригада тоже высадилась на берегъ, такъ что наша линія значительно усилилась. Высадилась также

Черезъ четверть часа послѣ нашей высадки въ первой линіи турецкихъ траншей не осталось никого.

одна индійская горная батарея, которая оказывала намъ большую поддержку вмѣстѣ съ орудіями нашихъ крейсеровъ. Земля дрожала отъ выстрѣловъ этихъ гиганскихъ орудій, а воздухъ надъ нашими головами гудѣлъ и звенѣлъ отъ пролетающихъ снарядовъ.

Мы подвигались впередъ такъ быстро, что турецкимъ батареямъ было довольно трудно находить насъ. Одинъ разъ мы даже очутились у самой ихъ батареи раньше, чѣмъ они замѣтили насъ, и завладѣли ихъ гаубицами, переколовъ штыками орудійную прислугу. Наши потери людьми были ужасны, и все-таки мы непрерывно бѣжали впередъ и впередъ.

Къ этому времени я нашелъ небольшой холмикъ, и такъ какъ мы страшно устали, то я и два моихъ товарища присѣли, чтобы покурить и перекусить немного. Солнце сіяло, птицы щебетали и, помнится, я думалъ о томъ, какъ это могло случиться, что люди убиваютъ другъ друга въ такой дивный день, въ Божье воскресенье... Вдругъ одинъ изъ моихъ товарищей упалъ убитый наповалъ. Какой-то мѣткій стрѣлокъ замѣтилъ его.

Мы вскочили и побѣжали дальше. При такихъ условіяхъ нельзя было ни папироску выкурить, ни съѣсть сухарь. А вскорѣ насталъ и мой чередъ: турецкій снарядъ нашелъ и меня. Къ этому времени мы всѣ перемѣшались: сиднейцы, тасманійцы, квинслэндцы, южные и западные австралійцы; всѣ пьяные отъ возбужденія и всѣ полные храбрости и отваги. Мы подвигались впередъ перебѣжками; пробѣжимъ ярдовъ десять или

пятнадцать, бросимся плашмя на землю и давай палить въ турокъ, которыхъ мы видѣли впереди, прячущихся за кустами.

Огонь становился все ожесточеннѣе. Я и еще двое находились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ и какъ разъ собирались вскочить для новой перебѣжки, когда шрапнель разорвалась прямо надъ нами, убивъ моего товарища слѣва и ранивъ меня въ правое колѣно. Въ первыя минуты боль была нестерпимая.

Зарядивъ винтовку, я поползъ на животѣ назадъ къ берегу, до котораго было три мили. Несмотря на страшную боль и большую потери крови, я не сдавался и все ползъ и ползъ. Я представлялъ отличную мишень для турецкихъ стрѣлковъ съ лѣваго фланга, и моя куртка и брюки были прострѣляны насквозь въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Но мой ангелъ-хранитель оберегъ меня.

До конца моихъ дней не забуду я этихъ минутъ, когда ползъ черезъ поросшіе кустарникомъ холмы Галлипольскаго полуострова.

Проползши мили полторы, я упалъ въ какую-то траншею и лишился сознанія. Но тутъ меня нашли два моихъ товарища и снесли къ берегу. Имъ я обязанъ жизнью. потому что, не найди они меня, я бы истекъ кровью. Ногу мнѣ перевязали, меня положили на носилки и помѣстили на какую-то баржу.

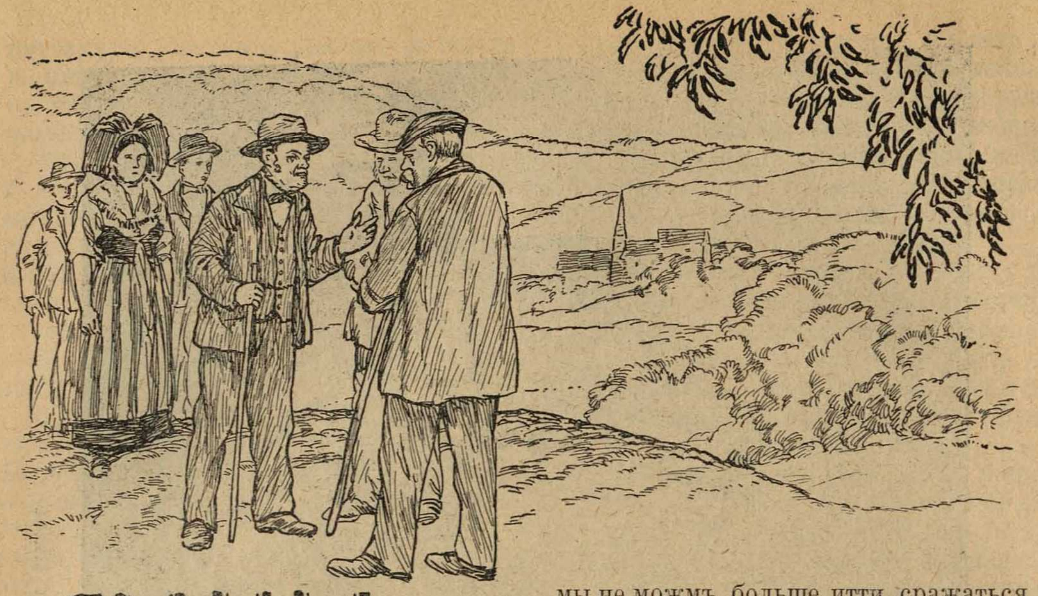
Всю ночь шелъ ливень, но я былъ до того утомленъ, что спалъ какъ убитый. Гулъ канонады былъ, говорятъ, ужасающій—на Галлиполи Красный Крестъ не признаютъ—но я ничего не слышалъ и не сознавалъ, пока въ понедѣльникъ утромъ не оказался на транспортѣ.

Я много страдалъ отъ моей раны, но я не жалуюсь. Мы честно исполнили свой долгъ въ памятной день 25-го апрѣля, и я горжусь, что принадлежу къ австралійскому добровольческому отрядку.

Врачи говорятъ, что у меня на всю жизнь останется несгибающееся колѣно, какъ память о томъ страшномъ и все же славномъ воскресеньѣ, когда австралійцы высадились на Галлиполи. Участвовать въ такой передѣлкѣ и остаться въ живыхъ—это чудо.

Непріятельскій разъѣздъ замѣтили.

Англійская артиллерія мѣняетъ позицію подъ огнемъ.



Сыны Эльзаса

Разсказъ *Р. Фрей.*

Въ маленькой эльзаской деревушкѣ, ютящейся подъ лѣсистыми Вогезскими горами, старики сошлись вмѣстѣ на утренней прогулкѣ, какъ они часто это дѣлали, чтобы покалякать о томъ о семъ и вспомнить старые дни. Всѣ они, сгорбленные и дряхлые, помнили послѣднюю войну, опустошительнымъ ураганомъ пронесшуюся надъ ихъ дорогой Франціей, которой они тогда служили—одинъ въ пѣхотѣ, другой въ артиллеріи, а третій даже въ кавалеріи.

Одна мысль была у нихъ всѣхъ въ этотъ день, одна искренняя молитва дрожала на ихъ сморщенныхъ устахъ, а въ старческихъ глазахъ горѣлъ огонь—огонь ненависти къ поработителямъ.

День настал, наконецъ,—тотъ день, котораго они ждали сорокъ четыре года!

Анри Лоранъ, бывшій пѣхотинецъ, испытавшій ужасы Седана, выпрямилъ, насколько могъ, свой согбенный годами станъ.

— Да-съ, братцы! — началъ онъ.— Вотъ онъ и насталъ великій день, а мы не можмъ больше итти сражаться за родину. Сорокъ четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ нашъ Эльзасъ оторвали отъ Франціи. Сорокъ четыре года! А теперь, можетъ-быть завтра, а можетъ-быть даже сегодня...

Они не смѣли громко выразить свою радость изъ страха передъ нѣмецкими солдатами, квартировавшими въ ихъ деревнѣ; но радость, горѣвшая въ ихъ душѣ, свѣтилась въ глазахъ и они прекрасно понимали другъ друга. А старый Лоранъ продолжалъ:

— Кто знаетъ, товарищи, можетъ-быть и для насъ найдется дѣло. Если такъ, то Господь найдетъ насъ готовыми, правда, ребята? Я не забылъ Седана, товарищи, и Францiя тоже не забыла его. Но ужасы 70-хъ годовъ не повторятся больше. На этотъ разъ побѣда будетъ наша... наша, наша!

Онъ умолкъ, а остальные кивнули головой и задумались, мысленно переживая каждый то время, когда онъ служилъ въ рядахъ французской арміи. Вдругъ до ихъ слуха донесся слабый отдаленный гулъ, похожій на громъ. Всѣ удивленно выжидательно повернули головы въ сторону бельгійской границы, откуда донесся этотъ звукъ.

— Громъ!—сказалъ одинъ изъ нихъ, но видно было, что онъ самъ не вѣритъ въ то, что говоритъ.

— Нѣтъ, товарищи, — пробормоталъ Лоранъ,—если это громъ, то не небесный, а артиллерійскій. Слышите, вотъ опять, и еще, и еще!

Слезы подступили къ его глазамъ и внезапная дрожь пробѣжала по дряхлому тѣлу. Онъ устремилъ взглядъ въ даль, напряженно всматриваясь въ ту сторону, откуда доносились отголоски канонады, и весь его видъ яснѣе словъ говорилъ, что чувствовалъ старый артиллеристъ.

— Это орудія, ребята, это орудія! О Боже, благодарю тебя, что ты далъ мнѣ дожить до этого дня!

Не одни старики слышали грохотъ артиллерійскаго огня съ бельгійской границы, въ деревнѣ тоже услышали эти желанные звуки, и вскорѣ группа стариковъ разрослась въ толпу сельчанъ, большая часть которыхъ, окруживъ старика Лорана, съ напряженнымъ вниманіемъ слушала, какъ онъ разсказывалъ о страшномъ 70-мъ годѣ, когда Франція была унижена и посрамлена. Отдаленный грохотъ орудій служилъ акомпанементомъ его словамъ.

— Да, братцы,—закончилъ онъ свой взволнованный разсказъ, повернувъ къ односельчанамъ разгорѣвшееся лицо.— Побили насъ тогда нѣмцы. Но теперь счастье будетъ на нашей сторонѣ. Да здравствуетъ Эльзасъ! Да здравстствуетъ Франція!

Не успѣлъ онъ выкрикнуть эти слова, какъ тяжелые шаги и лязгъ сабли внезапно вернули его къ дѣйствительности. Это приближался нѣмецкій фельдфебель.

Многіе въ толпѣ уже раньше замѣтили его приближеніе, но вопреки обыкновенію не бросились вразсыпную, а только плотнѣе сгрудились, словно ставъ храбрѣе отъ непрерывнаго гула отдаленленной канонады.

— Расходитесь! Сію минуту маршъ по домамъ, мерзавцы!—крикнулъ нѣмецъ.

Но они не исполнили приказанія, не тронулись съ мѣста, а только подняли головы, и внезапная злоба вспыхнула въ ихъ глазахъ.

Нѣмецъ поблѣднѣлъ и рѣзко повернулся, — вѣроятно, чтобы позвать своихъ солдатъ,—но въ эту минуту на другомъ концѣ деревенской улицы раздался конскій топотъ и лязгъ оружія, и всѣ увидѣли отрядъ уланъ, галопомъ въѣзжавшій въ деревню. И лошади и всадники были всѣ въ пыли и въ грязи отъ долгой дороги.

Старый Анри Лоранъ сразу понялъ, что сулитъ появленіе этого отряда. Его голосъ ясно прозвучалъ въ внезапно воцарившейся тишинѣ.

— Расходись, ребята. Ступайте по домамъ, пока не поздно, а то...

Онъ не успѣлъ кончить. Фельдфебель обмѣнялся знакомъ съ уланскимъ офицеромъ, прозвучала громкая команда, и весь отрядъ съ саблями наголо бросился на безоружную толпу.

Анри Лоранъ и другой старикъ, бывшій артиллеристъ, поднявъ руки, кинулись имъ навстрѣчу, желая остановить ихъ:

— Мы безоружны! Здѣсь женщины и дѣти. Остановитесь! Ради Бога, остановитесь!

Но уланы уже врѣзались въ гущу толпы. Ихъ сабли сверкали въ лучахъ солнца, опускаясь на беззащитныхъ иногда плашмя, иногда остріемъ. Проѣхавъ черезъ толпу, уланы повернули лошадей и, раньше чѣмъ успѣла осѣсть пыль, поднятая ими, проѣхали второй разъ— черезъ упавшихъ.

Старый Лоранъ, лежа оглушенный на землѣ, видѣлъ, какъ одинъ изъ раненыхъ поднялся на ноги и, потрясая кулакомъ, крикнулъ:

— Убійцы! Трусы! Погодите, скоро и до васъ дойдетъ чередъ!

Одинъ изъ уланъ спокойно повернулъ лошадь и, ни слова не говоря, выстрѣлилъ въ кричавшаго. А когда несчастный упалъ, корчась отъ боли, уланъ презрительно проговорилъ:

— Вотъ тебѣ собака, будешь помнить!

Раненый опять постарался подняться, но уланъ выстрѣлилъ вторично, и на этотъ разъ пуля попала вѣрнѣе. Эльзасецъ неподвижно остался на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ.

Однако не онъ одинъ осмѣлился возмущаться. И другіе голоса—иные громкіе, иные чуть слышные—начали призывать мщеніе на головы тирановъ. Сорокъ четыре года они молча терпѣли, но сегодня новый духъ вселился въ нихъ,

и они не хотѣли больше быть безгласными рабами. Для нихъ у нѣмцевъ былъ одинъ отвѣтъ. Окруживъ кольцомъ лежащихъ на землѣ крестьянъ, уланы начали выпускать въ нихъ пулю за пулей.

Неизвѣстно, какъ долго длилась бы эта жестокая забава, если бы звуки выстрѣловъ не привлекли вниманіе французскаго кавалерійскаго разъѣзда, который на два дня пути опередилъ главную силу арміи, подошедшую къ границѣ.

Одинъ развѣдчикъ первый увидѣлъ бойню, затѣянную уланами, и поспѣшилъ къ офицеру съ своей вѣстью.

— Люди лежатъ на землѣ, а они стрѣляютъ въ нихъ,—доложилъ онъ лейтенанту дрожащимъ отъ негодованія голосомъ.

— Чортъ возьми!—пробормоталъ лейтенантъ, вскакивая въ сѣдло.—Это имъ даромъ не пройдетъ.

— Впередъ, ребята! — скомандовалъ онъ своему отряду.—Гнать нѣмцевъ изъ деревни.

Французскій разъѣздъ уступалъ численностью нѣмецкому отряду, но въ душѣ каждаго изъ составлявшихъ его солдатъ горѣла жажда смыть позоръ, длившійся сорокъ четыре года, а кромѣ того, разсказъ развѣдчика о «подвигѣ» уланъ переходилъ изъ уста въ уста, еще усиливая въ нихъ ненависть къ врагу и жажду мщенія.

Немного погодя отрядъ вынырнулъ изъ лѣса, который подходилъ почти къ самымъ домамъ деревни, и съ побѣдоноснымъ крикомъ бросился въ атаку на уланъ, которые совершенно не ожидали нападенія.

— Помните, братцы!—еще крикнулъ лейтенантъ, давая шпоры коню.

Застигнутые врасплохъ, уланы не выдержали лихой атаки. Нѣсколько криковъ, нѣсколько проклятій, нѣсколько выстрѣловъ, лязгъ скрещиваемыхъ сабель—и уланы обратились въ бѣгство, преслѣдуемые по пятамъ французами.

Такъ они пронеслись въ бѣшеной скачкѣ черезъ всю деревню—французы и нѣмцы смѣшавшись въ общую кучу, одни преслѣдуя и настигая, другіе спасаясь и обороняясь. Лошади падали съ жалобнымъ ржаніемъ; то тутъ, то тамъ внезапно сверкала длинная сабля, и всадникъ валился съ коня; непрерывно трещали револьверные выстрѣлы, которыми обмѣнивались тамъ, гдѣ было слишкомъ тѣсно, чтобы пустить въ ходъ саблю.

Старикъ Лоранъ съ трудомъ поднялся на ноги—онъ былъ лишь оглушенъ, а не раненъ — и восторженно крикнулъ, покрывая своимъ пронзительнымъ голосомъ шумъ битвы:

— Смотрите, братцы, они бѣгутъ! Они бѣгутъ! Наши братья пришли къ намъ на выручку. Такъ, такъ, гони ихъ!

Всѣ оставшіеся въ живыхъ столпились вокругъ старика или приподнялись на локтѣ съ земли, и тоже стали смотрѣть, какъ и онъ, въ ту сторону, гдѣ нѣмецкіе уланы, преслѣдуемые французами, исчезали одинъ за другимъ въ лѣсу. Ободренные этимъ зрѣлищемъ, они дали волю своимъ чувствамъ. Они плакали и смѣялись въ одно и то же время, но и слезы и смѣхъ были выраженіемъ одного и того же—ихъ глубокой безграничной радости.

Одинъ изъ стариковъ, тотъ самый, что служилъ въ 70-мъ году въ кавалеріи, поднялъ съ земли кэпи, упавшее въ пылу битвы съ головы одного изъ французскихъ кавалеристовъ, и крикнулъ, размахивая имъ:

— Да здравствуетъ Франція!

Громовое ура было отвѣтомъ на этотъ возгласъ.

Всѣ жители деревни, мужчины и женщины, сбѣжались мало-по малу, побросавъ работу на поляхъ, когда до нихъ донесся шумъ битвы. Иные помогали легко-раненымъ добираться до домовъ, другіе относили на импровизированныхъ носилкахъ тѣхъ, которые сильно пострадали отъ сабель и пикъ уланъ или отъ копытъ ихъ лошадей.

Необычайное возбужденіе охватило всѣхъ. Легко раненые, наскоро перевязавъ руку или голову, спѣшили снова на улицу, чтобы присоединиться къ радостной толпѣ.

— Долой нѣмцевъ!

Это крикнула одна изъ женщинъ. Выдернувъ нѣмецкій пограничный шестъ, она пошла по улицѣ, торжественно поднявъ его надъ головой. Сотня голосовъ подхватила этотъ возгласъ. Другіе тоже

бросились по ея примѣру выдергивать пограничные шесты.

— Долой нѣмцевъ! Да здравствуетъ Эльзасъ! Да здравствуетъ Францiя!

Но высшей степени возбужденiе достигло, когда французскiй отрядъ съ офицеромъ во главѣ вернулся въ деревню. Раньше даже, чѣмъ солдаты успѣли сойти съ коней, всѣ жители деревни,— мужчины, женщины, старики и даже маленькiя дѣти—окружили ихъ, привѣтствуя, какъ своихъ спасителей. Громовое «ура» прокатывалось по всей улицѣ. Старые ветераны, участники первой франко-прусской войны, со слезами на глазахъ пожимали руки своимъ молодымъ товарищамъ.

— Это только еще начало, братцы,— говорилъ старикъ Лоранъ.—Нынѣшняя ваша побѣда, это только легкая зыбь передъ той великой волной, которая обрушится на нашихъ враговъ. А какъ они хвастали! Слушать тошно было. Въ одинъ день пройдутъ побѣднымъ маршемъ черезъ всю Бельгiю, черезъ недѣлю дойдутъ до Парижа, черезъ двѣ недѣли вся Францiя будетъ ихъ! Какъ бы не такъ!

Онъ вдругъ засмѣялся и показалъ на рубецъ, который шелъ черезъ всю его морщинистую щеку.

— Вотъ, чѣмъ они хотѣли научить насъ любить германскаго императора. Но только дудки, не научили. И дѣтей нашихъ тоже не научили, какъ ни старались.

***

Немного позже, въ то время, какъ благодарные жители угощали своихъ освободителей, лейтенантъ, не забывшiй поставить кругомъ деревни часовыхъ, приказалъ вдругъ трубачу сыграть «сборъ». Не успѣлъ еще рожокъ умолкнуть, какъ вдали прогремѣлъ залпъ, предвѣстникъ новаго сраженiя, и часовые прибѣжали съ вѣстью, что нѣмцы атакуютъ деревню со всѣхъ четырехъ сторонъ.

— Уланы привели съ собой нѣсколько частей пѣхоты,—доложилъ одинъ изъ часовыхъ.—Они окапываются на берегу рѣки.

Лейтенантъ,—молодой человѣкъ съ ясными улыбающимися глазами,—только пожалъ пчелами. Положенiе было серьезно, но онъ рѣшилъ защищать деревню до послѣдей возможности.

— Намъ бы только продержаться, пока подойдутъ наши,—сказалъ онъ.—Смѣлѣе ребята! Помните, что мы сражаемся за Эльзасъ и нашу дорогую Францiю.

Солдаты быстро заняли всѣ дома, которые представляли собой удобные стратегическiе пункты, и въ теченiе нѣсколькихъ минутъ только слышно было, какъ спѣшно заколачивали деревянные ставни.

Лейтенантъ только что хотѣлъ войти въ одинъ изъ домовъ, когда его остановилъ старикъ Лоранъ.

— Ваше благородiе, дайте и намъ, старикамъ, какое-нибудь дѣло,—просто попросилъ онъ.

Лейтенантъ ласково посмотрѣлъ на него.

— У насъ будетъ много убитыхъ и раненыхъ,—такъ же просто отвѣтилъ онъ.— Вы всѣ можете отыскать себѣ ружья и помочь намъ. Францiя будетъ вамъ благодарна.

Съ этими словами онъ поднялся на крыльцо. Старикъ пошелъ за нимъ. Перестрѣлка уже была въ полномъ разгарѣ. Нѣмецкiя пули со свистомъ начали ударяться въ стѣны домовъ, посылая во всѣ стороны куски штукатурки и обломки кирпича.

Французы энергично отвѣчали на огонь, причиняя непрiятелю большой уронъ. Во многихъ мѣстахъ нѣмецкая пѣхота пыталась взять позицiи врага штурмомъ, но всякiй разъ принуждена были отступать передъ ихъ убiйственнымъ огнемъ.

— Ваше благородiе!—вдругъ вскричалъ старикъ Лоранъ.—Глядите! У нихъ зажженная солома. И подожгли таки, подлецы!

Дѣйствительно, взводъ нѣмцевъ добрался, несмотря на французскiя пули, до крайняго дома на околицѣ, и ему удалось бросить на соломенную крышу зажженные пучки облитой керосиномъ соломы. Правда, ни одинъ изъ нихъ не вернулся къ своимъ, но свое дѣло они сдѣлали—черезъ минуту весь домъ уже пылалъ.

Положенiе французовъ измѣнилось къ худшему. Пожаръ быстро распростра-

нялся. Огонь охватывалъ одинъ домъ за другимъ, выгоняя обитателей и солдатъ. А пока они бѣжали по улицѣ, ища прикрытія въ еще уцѣлѣвшихъ домахъ, нѣмцы осыпали ихъ градомъ пуль.

Стонъ вырвался изъ груди лейтенанта.

— Такъ не можетъ долго продолжаться!—пробормоталъ онъ.—Хоть бы наши подошли скорѣе! Съ ними вмѣстѣ мы бы одолѣли пруссаковъ, а безъ нихъ...

Старикъ Лоранъ услышалъ эти слова, и въ его мозгу зародилась внезапная мысль.

— А гдѣ стоятъ наши подкрѣпленія, ваше благородіе? — спокойно спросилъ онъ въ минуту затишья.

Офицеръ быстро взглянулъ на старика, словно удивленный его вопросомъ, но отвѣтилъ:

— Въ Вальгеймѣ! Тамъ наша пѣхота съ пулеметами. А что?

— Это отсюда не далеко, ваше благородіе. Отъ меня здѣсь все равно толку мало, а въ 70-мъ году я научился ползать на брюхѣ.

Слабая улыбка скользнула по губамъ лейтенанта, но отвѣтилъ онъ только:

— Тогда торопись, потому что дольше, чѣмъ нѣсколько часовъ мы не выдержимъ.

Опредѣленнаго плана, какъ выбраться изъ деревни, обложенной со всѣхъ сторонъ нѣмецкими войсками, у старика еще не было, но когда онъ вышелъ въ сѣни, онъ услышалъ со двора мычаніе испуганной скотины, и въ тотъ же мигъ его планъ былъ готовъ.

Чуть не все деревенское стадо находилось на этомъ дворѣ. Животныя испуганно жались другъ къ другу, сопѣли, фыркали. Нѣмецкія пули уже уложили нѣкоторыхъ изъ нихъ; въ углу одинъ раненый быкъ тщетно старался подняться на ноги.

Къ счастью, пламя пожара, бушевавшаго ниже по улицѣ, еще не парализовало животныхъ ужасомъ, а то планъ Лорана былъ бы обреченъ на неудачу.

Распахнувъ во всю ширину ворота, старикъ побѣжалъ назадъ, за стадо, и схвативъ вилы, началъ бить ими заднихъ животныхъ. Въ первую минуту животныя не поняли, что они свободны, и не двинулись съ мѣста, но подгоняемыя вилами, заднія начали напирать на переднихъ, и мало-по-малу все стадо вывалило на улицу, а тамъ, охваченное страхомъ, толкаясь и напирая другъ на друга, ринулось прямикомъ къ лѣсу, въ которомъ сидѣли нѣмцы.

И французы и нѣмцы видѣли это стадо обезумѣвшихъ животныхъ, которое бѣшено неслось къ лѣсу, все ускоряя бѣгъ, но врядъ ли кто замѣтилъ старика Лорана, который сидѣлъ на одномъ изъ быковъ, совсѣмъ припавъ къ его шеѣ и судорожно уцѣпившись за его загривокъ.

Вотъ стадо миновало линію нѣмцевъ. Самъ Лоранъ видѣлъ только, какъ на мгновеніе мелькнули каски, сѣрые мундиры, ружья и клубы дыма, а кругомъ него, справа и слѣва, спереди и сзади, была волнующаяся масса роговъ, подпрыгивающихъ спинъ, высунутыхъ красныхъ языковъ и налитыхъ кровью глазъ.

Онъ не смѣлъ думать о томъ, что случится, если онъ не удержится на своемъ опасномъ сидѣніи. Онъ чувствовалъ на своемъ лицѣ горячее дыханіе животныхъ, у него духъ захватывало и голова кружилась отъ этой бѣшеной скачки. Онъ дѣлалъ отчаяныя усилія, чтобы побороть свою слабость, но чувствовалъ, что силы покидаютъ его, что его сознаніе мутится, что онъ сползаетъ, сползаетъ... Еще нѣсколько секундъ, и онъ, дѣйствительно, покатился безъ чувствъ на землю. Стадо съ бѣшенымъ топотомъ пронеслось дальше.

Копыто одного животнаго ударило его по спинѣ; копыто другого—по боку. Какимъ-то чудомъ ни одинъ ударъ копыта не пришелся по головѣ, однако самъ Анри Лоранъ ничего не сознавалъ и не чувствовалъ. Онъ лежалъ, какъ мертвый.

Очнулся онъ часа черезъ полтора, и въ первую минуту не могъ сообразить, гдѣ онъ находится и что произошло. Но страшная боль во всемъ тѣлѣ, когда онъ попытался приподняться, напомнила ему все—его бѣшеную скачку и цѣль, ради которой онъ прорвался сквозь линію нѣмцевъ. Слезы хлынули изъ его глазъ. Франція нуждается въ немъ, судьба дала ему возможность послужить родинѣ, а онъ упустилъ этотъ случай-

— Дайте и намъ старикамъ какое-нибудь дѣло, попросилъ Анри Лоранъ у лейтенанта.

Сколько драгоцѣннаго времени уже потеряно, а вдобавокъ ко всему онъ лежитъ тутъ совершенно разбитый и даже понятія не имѣетъ, въ какую сторону отъ него находится Вальдгеймъ.

Онъ бросилъ кругомъ себя взглядъ, полный скорби и отчаянія. Справа отъ него находился довольно высокій крутой холмъ. Если бы подняться на этотъ холмъ, тогда онъ, можетъ-быть, увидѣлъ бы, гдѣ лежитъ Вальдгеймъ!

Собравъ всѣ силы и стиснувъ зубы отъ боли, старикъ медленно поползъ наверхъ. Много отважнаго сдѣлалъ онъ въ этотъ день, но ничто не требовало отъ него такого нечеловѣческаго напряженія, какъ этотъ подъемъ на холмъ. Всетаки онъ доползъ, наконецъ, до вершины. Одинъ изъ сыновъ Франціи снова проявилъ въ этотъ день свою доблесть.

Съ холма старикъ дѣйствительно увидѣлъ колокольный шпиль вальдгеймской церкви—на разстояніи нѣсколькихъ миль. Что дѣлать? Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ добраться туда. Неужели всѣ храбрецы погибнутъ изъ-за его немощи? Неужели родная деревня снова очутится въ рукахъ нѣмцевъ?...

Вдругъ яркій блескъ солнца и его положеніе на вершинѣ холма зародили въ его душѣ новую надежду. Въ его карманѣ лежалъ осколокъ зеркала, а въ 1870 году ему не разъ приходилось сигнализировать посредствомъ геліографа. Правда, съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ; и хотя онъ еще хорошо помнилъ всѣ сигналы, они могли быть измѣнены. Поймутъ ли тогда въ Вальдгеймѣ его вѣсть?...

Но все равно. Это былъ послѣдній якорь спасенія, и надо было спѣшить, потому что его силы съ каждой минутой убывали.

«Ильфуртъ Вальдгейму! Спѣшите на подмогу. Нѣмцы одолѣваютъ. Конецъ».

Въ этомъ заключалась послѣдняя надежда старика. Все снова и снова посылалъ онъ свой призывъ черезъ мирныя долины, напряженно всматриваясь, не покажется ли отвѣтный сигналъ. Но такъ и не дождался его. Только увидѣлъ—передъ тѣмъ, какъ снова лишился сознанія—что справа изъ-за деревьевъ взвился къ небу столбъ дыма и огня. И старикъ громко застаналъ: это было въ Ильфуртѣ, въ родной деревнѣ, которую онъ хотѣлъ спасти.

Лейтенантъ собралъ вокругъ себя остатки своего отряда для послѣдняго отчаяннаго сопротивленія. Никакой надежды на спасеніе, повидимому, не было. Ужъ слишкомъ неравны были силы, хотя крестьяне храбро сражались вмѣстѣ съ солдатами.

Но—чу! Что это? Ружейные выстрѣлы вдругъ участились, словно число сражающихся по меньшей мѣрѣ удвоилось.

Лейтенантъ съ изумленіемъ выглянулъ черезъ полуразбитую ставню окна, и крикъ радости вырвался изъ его груди:

— Франція побѣдила, ребята! О Боже! Скорѣе на коней, какіе еще остались. Теперь будетъ за кѣмъ гнаться.

Озадаченные, не понимая въ чемъ дѣло, солдаты, тѣмъ не менѣе, безпрекословно выбѣжали вслѣдъ за своимъ начальникомъ на дворъ и поняли... Полкъ за полкомъ французской пѣхоты съ ружьями на перевѣсъ шелъ въ атаку на нѣмцевъ. Грохотали пулеметы, градъ ружейныхъ пуль сверлилъ воздухъ. И прежде, чѣмъ кавалеристы успѣли разыскать своихъ лошадей, нѣмцы были выбиты изъ окоповъ. Побѣдоносные крики: «Да здравствуетъ Франція, да здравствуетъ Эльзасъ!» огласили воздухъ, покрывая шумъ битвы.

Немного позже французскіе кавалеристы, преслѣдуя разбитаго и отступающаго врага, нашли старика Лорана, который лежалъ безъ чувствъ на холмѣ, откуда онъ подавалъ сигналы, спасшіе деревню и давшіе Франціи побѣду.

Они принесли его назадъ въ деревню, пронесли черезъ лагерь, мимо часовыхъ, прямо къ палаткѣ командующаго частью, который немедленно вышелъ и ласково склонился надъ ветераномъ.

Старикъ, увидѣвъ офицера, попытался приподняться и отдать честь, но тотъ знакомъ приказалъ ему лежать спокойно.

— Какъ твое имя?

— Анри Лоранъ, ваше высокородіе. Бывшій рядовой 74-го полка. Участвовалъ въ сраженіи при Седанѣ.

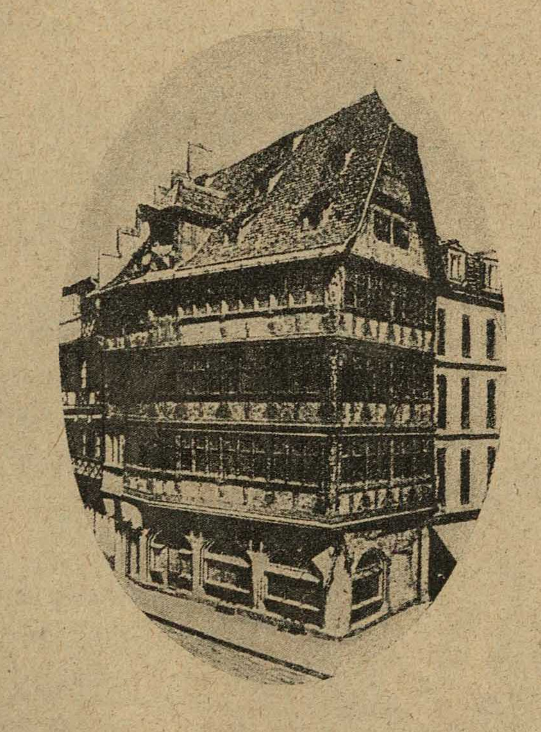
— Я слышалъ о томъ, что ты сдѣлалъ, Анри Лоранъ. Тебѣ Франція обязана

нашей сегодняшней побѣдой. Благодарю тебя отъ имени Франціи.

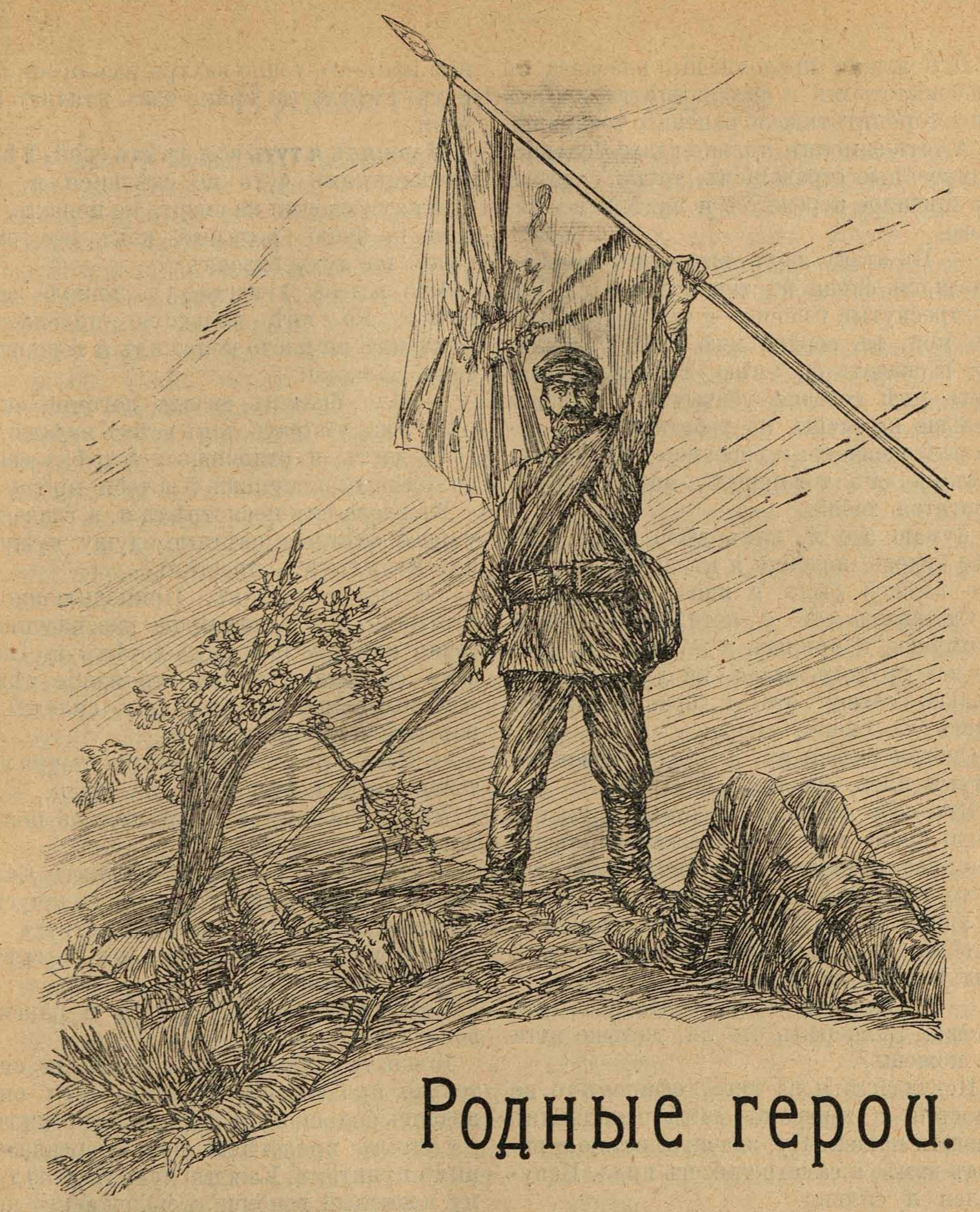
Хоть и бывшій солдатъ и ветеранъ, Анри Лоранъ чуть не разрыдался, какъ ребенокъ, отъ гордости и счастья. Слезы совершенно затуманили его взоръ, а когда онъ опять могъ видѣть, офицера уже не было: онъ пошелъ писать рапортъ, въ которомъ подвигу Лорана было отведено почетное мѣсто.

Будущій кавалеръ ордена Почетнаго Легіона въ эту ночь бормоталъ въ бреду много безсвязныхъ словъ, среди которыхъ, однако, то и дѣло слышалась фраза: «Благодарю тебя отъ имени Франціи, Анри Лоранъ». А одинъ разъ, когда сидѣлка нагнулась къ нему, чтобы разобрать, что такое старикъ бормочетъ, рыданія подступили къ ея горлу, потому что она услышала, какъ старый ветеранъ прошепталъ:

— Да здравствуетъ французскій Эльзасъ!



Англичане атакуютъ германскую батарею въ лѣсу.



Родные герои.

Свѣтлый генералъ.

«Свѣтлымъ» его назвалъ раненый солдатъ, да другого названія нельзя было и придумать для него. Онъ именно «свѣтлый»... Небольшого роста, хорошо сложеный, очень моложавый, онъ производилъ чарующее впечатлѣніе на окружающихъ.

— Заговоритъ, точно свѣтло кругомъ станетъ,—сказалъ тяжело раненый, лежавшій въ перевязочномъ пунктѣ дивизіи.—А вѣдь, съ виду точно незамѣтный генералъ нашъ, а вотъ, все нутро, всю душу онъ мнѣ перевернулъ, человѣкомъ другимъ сдѣлалъ по одному слову. Душу свою я чуть не загубилъ, измѣнникомъ чуть не сталъ...

Умолкъ солдатикъ, трудно ему было говорить. Мертвая тишина на пунктѣ въ палаткѣ, лишь изрѣдка послышится чей-нибудь вздохъ или стонъ.

Всѣ ждали продолженія разсказа съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ, но боялись торопить тяжело раненаго товарища.

А тотъ замолкъ, только глаза большіе, измученные страданіемъ, точно глядѣли въ прошлое пережитое и видѣли все заново.

— Въ атаку шелъ батальонъ нашъ,— раздался снова въ тишинѣ его слабый надтреснутый голосъ,—и такой это, братцы мои, въ сердце мнѣ страхъ впалъ, что и сказать не умѣю. Такъ и чуется, быть мнѣ сегодня убитымъ, не увижу больше ни жены, ни ребятишекъ, а нечистый шепчетъ: «схоронись въ кустахъ, отстань отъ товарищей, можетъ и не хватятся тебя».

Думаю это я, какъ дѣло наше виднѣе будетъ, подойду я къ своимъ, якобы все вмѣстѣ былъ, и живъ останусь.

Отставалъ это я потихоньку, наши скрылись, и прилегъ я въ кустахъ. Тихо все кругомъ стало, ни души нигдѣ. Только слышу это я, братцы, кто-то ѣдетъ да скоро, скоро.

Смотрю—офицеръ, а сзади казаковъ штукъ пять, шесть.

Изъ себя офицеръ не старый, на лошади браво сидитъ и глазами-то, родимые, все по сторонамъ водитъ, точно кого-то выискиваетъ.

Упало тутъ сердце у меня, скрыться хотѣлъ, поздно было. Близко ко мнѣ подъѣхалъ, да и говоритъ:

— А ты что тутъ, солдатикъ, дѣлаешь? Захворалъ что ли, дальше итти не можешь?.

Поглядѣлъ я на него, офицеръ-то не простой, а генералъ—самъ начальникъ дивизіи нашей. Ну, значитъ, встаю я передъ нимъ, а самого трясетъ инда. Испугался я сильно.

— Такъ что, ваше превосходительство, говорю я ему,—отдохнуть я сѣлъ, изморился очень.

— А какого полка? — спрашиваетъ.

Отвѣчаю.

— Отъ своихъ отсталъ, товарищей побросалъ,—говоритъ онъ,—а глаза-то у него прямо глядятъ въ душу мнѣ, точно мысли мои всѣ узналъ и подлость мою раскусилъ. Глаза у него строгіе, да ясные какіе-то, точно внутри ихъ огонь горитъ. Свѣтло да прямо такъ глядятъ на меня.

И понялъ я тутъ весь грѣхъ свой. Вѣдь измѣнникомъ чуть не сдѣлался я, съ братьями своими на смерть не пошелъ. И самъ не знаю, родимые, какъ все ему точно на духу сказалъ.

Что же вы думаете? Съ лошади онъ слѣзъ, ко мнѣ вплотную подошелъ, руку мнѣ на плечо положилъ и говоритъ такъ ласково:

— Иди, братецъ, своихъ догоняй скорѣй. Ужъ умирать, такъ всѣмъ вмѣстѣ, а Богъ дастъ, и отличишься и грѣхъ свой долгостный искупишь и я тебя прощу...

Въ глаза ему посмотрѣлъ я, а глаза-то у него свѣтлые, свѣтлые, душу чужую онъ понялъ и... простилъ.

Умолкъ солдатикъ. Приподнявшись, кто могъ, всѣ глядѣли на разсказчика, точно каждый изъ нихъ хотѣлъ въ глазахъ солдата увидать отраженіе тѣхъ «свѣтлыхъ» глазъ, что «душу спасли» и изъ труса героя сдѣлали.

— Силу я въ себѣ такую почуялъ, точно страха былого и не было.

Уже по-новому звенѣлъ голосъ больного.

— И побѣжалъ я своихъ догонять. Сказалъ я только генералу: «А коли отличусь, простите, ваше превосходительство?»

— Прощу, — отвѣтилъ онъ, «свѣтлый»-то нашъ.

Побѣжалъ, своихъ догналъ и раненъ вотъ тутъ былъ я.

Кончилъ солдатикъ, и не сказалъ онъ только про то, что въ атаку эту онъ подвигъ большой сдѣлалъ: знамя отнялъ.

«Ангелъ пролетѣлъ» надъ перевязочнымъ пунктомъ. Каждый думалъ свою думу, и каждый вспомнилъ моложаваго неутомимаго генерала, незнающаго покоя ни днемъ ни ночью. И прозвучалъ красивымъ финальнымъ аккордомъ чей-то голосъ изъ глубины палатки.

— Дай Богъ намъ такихъ «свѣтлыхъ» побольше, чтобы понять солдата сумѣли, что не трусъ солдатикъ нашъ, а что если и упадетъ когда духомъ, то словомъ добрымъ, взглядомъ «свѣтлымъ» на подвигъ его вести можно.

Пулеметчикъ Оноприенко.

Съ налету овладѣвъ передовыми окопами австрійцевъ, наши стали накопляться противъ его главной линіи, но попытки дальнѣйшаго продвиженія встрѣтили такой сильный огонь, что пришлось остановиться. И вдругъ, рѣзко отчеканивая, заговорили пулеметы.

Ихъ было восемь; захлебываясь, на перебой одинъ передъ другимъ, они сыпали тысячи пуль, и ихъ усиленную работу стала выдавать лишь тонкая струя пара, клубившаяся надъ каждымъ; они были поставлены почти вровень съ землею, четыре осыпали пѣхоту, а четыре стали состязаться съ артиллеріей, стоявшей не далѣе 1.200 шаговъ.

Минуты двѣ длилось молчаніе австрійской артиллеріи, въ лицѣ четырехъ орудій; можно было ясно различать растерянность артиллерійской прислуги, попрятавшейся въ окопахъ.

Но вотъ, вѣроятно, грозный окрикъ, а, можетъ-быть, и побои, заставили артиллеристовъ одуматься и принять вызовъ русскихъ пулеметовъ; вскорѣ четыре снаряда летѣло въ нихъ. «Перелетъ!»—радостно послышалось въ цѣпи. Еще четыре «недолета»! И вотъ, наконецъ, третья очередь смерчемъ подняла землю среди пулеметовъ и, казалось, ничего не оставила живымъ; но нѣтъ, мгновенная остановка и снова слышится методичное пощелкиваніе.

И жутко было смотрѣть и глазъ нельзя было оторвать отъ этого зрѣлища. Тамъ стоялъ невыносимый адъ, не менѣе 15 очередей было выпущено по пулеметамъ, земля кругомъ шаговъ на 40 была буквально вспахана и все-таки пулеметы работали. Правда, не такъ дружно, съ задержками, но ровный щелкъ продолжался, и въ цѣпи, съ замираніемъ сердца прослушивались къ этому проявленію жизни «тамъ». Но шансы были неравны, большіе щиты австрійскихъ орудій отлично закрывали стрѣляющую прислугу отъ нашихъ пуль, между тѣмъ наши люди и пулеметы отъ снарядовъ непріятеля были совершенно беззащитны. За это время выбыли офицеры, былъ убитъ осколкомъ въ голову ихъ замѣститель-фельдфебель, перебито большинство прислуги, совершенно разбитъ одинъ пулеметъ, другіе два уже лежали перевернутые, съ исковерканными щитами,—а пулеметы все-таки постукивали...

Организаторомъ и исполнителемъ этого необычайнаго сопротивленія былъ всего лишь одинъ человѣкъ—подпрапорщикъ Оноприенко; онъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ въ этомъ гранатномъ урaганѣ. Потный, черный отъ земли, вздымаемой падающими вблизи снарядами, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, онъ казался какимъ-то сверхъ-естественнымъ существомъ.

Вотъ онъ громко приказываетъ скорѣе поднести ящики съ лентами пулеметныхъ патроновъ или воду въ баклажкѣ, необходимую для охлажденія пулемета; вотъ онъ работаетъ за наводчика у пулемета. Задержка—онъ быстро перебѣгаетъ къ другому, чтобы надолго не прекращать стрѣльбы, и снова машина работаетъ.

Ему положительно везло: кто ни подходилъ къ пулеметамъ, сейчасъ же снарядъ выводилъ его изъ строя, а Оноприенко оставался невредимымъ и вскорѣ оказался въ полномъ одиночествѣ; но и это не заставило его прекратить огня,—съ паузами, но пулеметъ продолжалъ постукивать.

Его упорство и энергія были удивительны; къ нему никто не рѣшался приблизиться, но это его не обезкураживало, а, наоборотъ, удваивало его энергію.

Вдругъ продолжительная пауза пулемета заставила всѣхъ съ безпокойствомъ повернуть головы къ нему.

— Ранили,—сказалъ кто-то изъ стрѣлковъ.

— Куда?—послышались голоса.

— Въ ногу: видно, какъ захромалъ и сошелъ внизъ.

И стало какъ-то тоскливо и непріятно; пулеметы, казавшіеся прежде живыми существами, сразу превратились въ бездушныя машины. Прошло минутъ пять

и неожиданно опять раздалось знакомое рокотаніе пулемета, оживленнаго тѣмъ же Онопріенко; онъ былъ безъ сапогъ, босой и припадалъ на правую ногу, но все-таки продолжалъ дѣятельно работать у своихъ дѣтищъ. Изрѣдка доносился его громкій голосъ:

— Черти, патроновъ скорѣй давайте!

Вѣроятно, въ нашей цѣпи отлично понимали, что стрѣльба Онопріенко, при этихъ условіяхъ, не могла наносить врагу большого вреда, но здѣсь чувствовалась, какъ бы нравственная побѣда русской стойкости надъ австрійской, и бѣшеная трата снарядовъ артиллеріей противника, потерявшей всякое чувство мѣры, могла быть навѣяна исключительно желаніемъ сломить эту необычайную стойкость во что бы то ни стало; это было для нихъ дѣломъ національной чести вообще и уязвленной чести артиллеріи, въ частности.

Еще съ четверть часа продолжалось это захватывающее состязаніе; фактически могли работать поочередно лишь два пулемета, и они парили, какъ кипящіе самовары; не было воды, а скоро не стало и патроновъ.

Тогда Онопріенко развелъ руками какъ бы извиняясь передъ нами и оправдываясь передъ австрійцами въ прекращеніи огня и, доложивъ ближайшему офицеру въ цѣпи просьбу не бросать пулеметы и выручить ихъ въ случаѣ надобности,— медленно сошелъ внизъ и, ковыляя, поплелся на перевязочный пунктъ.

Послѣ боя, завершившагося безпорядочнымъ бѣгствомъ австрійцевъ, на полѣ можно было съ особой отчетливостью различить мѣста, гдѣ груды голубыхъ труповъ австрійской пѣхоты лежали рядышкомъ, одинъ къ другому,—это обозначало работу пулеметовъ; а если пройти чуть дальше, то вырисовывались орудія австрійской артиллеріи, на фонѣ двухъ десятковъ распростертыхъ черныхъ тѣлъ ея прислуги,—это служило показателемъ работы Онопріенко.

Кубанскій пластунъ Михаилъ Селивановъ.

Казакъ - пластунъ сообщаетъ о выдающемся подвигѣ двухъ кубанцевъ-пластуновъ.

— 12 іюля 1915 года былъ бой. Наши пластуны сдѣлали вылазку къ австрійскимъ окопамъ и, перерѣзавъ проволоку загражденія, съ бомбами въ рукахъ ринулись въ окопы непріятеля. Ошеломленные австрійцы и германцы въ безпорядкѣ забѣгали по окопамъ.

— Сдавайся!—кричала горсть храбрецовъ, продолжая метать бомбы.

Одинъ за другимъ были заняты нашими пластунами ряды непріятельскихъ окоповъ. Захвативъ 120 плѣнныхъ, среди которыхъ было нѣсколько офицеровъ, пулеметы и кухню, пластуны вернулись назадъ.

На разсвѣтѣ наши доблестные пластуны произвели атаку на высоту *, выбили непріятеля штыками и заняли его окопы.

Но врагъ, добавивъ силы, яростными атаками бросился выбивать нашихъ, сосредоточивъ сильный артиллерійскій огонь на нашей цѣпи.

Онъ заранѣе вымѣрилъ разстояніе до своихъ окоповъ, на случай, если мы ихъ займемъ, и потому билъ навѣрняка.

Оставаться въ окопахъ не было никакой возможности, и наши отошли.

Не отошелъ лишь казакъ 3-й сотни Кубанскаго пластунскаго баталіона Михаилъ Селивановъ. Съ нимъ же остался другой пластунъ его товарищъ, кто онъ— такъ я и не узналъ.

Когда къ окопамъ подошли колонны австрійцевъ, товарищъ Селиванова съ громкимъ крикомъ «ура», бросился въ самую гущу рядовъ врага.

Оробѣвшіе, а главное растерявшіеся отъ неожиданности австро-германцы смѣшались, но, опомнившись и, увидѣвъ, что противъ ихъ массъ стоитъ одинъ русскій пластунъ, окружили его.

Долго бился доблестный казакъ-кубанецъ, много нѣмцевъ уложилъ онъ, лихо работая штыкомъ.

Дорого продалъ жизнь свою поднятый затѣмъ на штыки герой, одинъ на нѣко-

Принявъ боевую стойку, пластунъ нанизывалъ на штыкъ бросавшихся на него враговъ.

торое время задержавшій цѣлыя колонны врага.

Въ это же время недалеко отъ товарища бился на насыпи и второй пластунъ — Михаилъ Селивановъ.

Принявъ боевую стойку, онъ нанизывалъ на штыкъ бросавшихся на него враговъ.

— Козъ (казакъ), сдавайся! Сдавайся козъ! — кричали австро-германцы.

— Казакъ - пластунъ не сдается живымъ! — отвѣчалъ имъ Селивановъ.

Снова кидались на него враги и снова, какъ колосья отъ жатки, летѣли они одинъ за другимъ съ насыпи окопа.

Нѣмцы, повидимому, хотѣли взять его живымъ и только поэтому не стрѣляли.

Наконецъ, окруживъ казака со всѣхъ сторонъ, нѣмцы стали колоть его штыками.

Но и тутъ не сдался доблестный пластунъ, окончивши жизнь подъ штыками разъяренныхъ враговъ.

Погибель двухъ героевъ сдѣлала свое дѣло: австро-германцы задержались, а тѣмъ временемъ наши отошедшіе было пластуны вновь бѣшено бросились выручать бившихся героевъ-товарищей, смяли нѣмцевъ и заняли окопы, преслѣдуя на-голову разбитаго непріятеля.

Послѣ, вернувшись, пластуны честно похоронили тѣла героевъ.

Вѣчная память, вѣчная слава вамъ, незабвенные товарищи!

Такъ заканчиваетъ пластунъ свое письмо — свѣтлую страницу въ исторіи славнаго Кубанскаго казачества.

Отецъ Аѳанасій.

«Это было въ П., гдѣ стоялъ штабъ нашего отряда. Къ намъ пріѣхалъ молодой священникъ. Разговорились. Съ первыхъ словъ въ немъ сказалось глубокая вѣра въ свое дѣло пастыря.

— Я пріѣхалъ сюда по доброй волѣ, потому что знаю и люблю народъ. Я знаю, какъ подойти къ солдату...

Когда передъ вторженіемъ нѣмцевъ въ Курляндію, на нашемъ фронтѣ начались стычки, и въ мѣстечкѣ Р. разгорѣлся бой, онъ отпросился туда. Наши были окружены нѣмцами. Значительный отрядъ могъ быть уничтоженъ, такъ какъ большинство командпаго состава выбыло изъ строя. Отецъ Аѳанасій бросился туда, въ сферу шрапнельнаго и пулеметнаго огня.

— Братцы, я впереди, у меня святой крестъ, за нимъ его святая сила.

И солдаты пошли за нимъ.

Потомъ я видѣлъ его.

— Вы, батюшка, тамъ спасли народъ.

Онъ весь заволновался.

— Что вы, что вы, не я: сила креста святого...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его на томъ же фронтѣ въ день наступленія нѣмцевъ. Нѣмцы уже подходили къ Митавѣ. Отецъ Аѳанасій пріѣхалъ къ намъ въ К. днемъ. Весь день я провелъ частью въ пулеметномъ блиндажѣ, частью на артиллерійскомъ наблюдательномъ пунктѣ. Въ лобъ мы нѣмцевъ не пустили. Часамъ къ 6-ти нѣмцы успокоились. Наступило затишье. Силуэты ихъ цѣпей исчезли изъ нашего поля зрѣнія. Въ 8-мъ часу мой телефонъ пересталъ работать. Я послалъ исправить линію, такъ какъ иной связи съ начальникомъ отряда не было. Посланный не вернулся. Мы встревожились.

Въ это время въ нашемъ блиндажѣ появился отецъ Аѳанасій.

— Ну, вотъ я къ вамъ съ Господнимъ благословеніемъ пришелъ.

И стоитъ поверхъ бруствера.

— Батюшка, спуститесь ниже!

— Ничего, и здѣсь постою. А вонъ, смотрите, кто-то идетъ.

Я поднялся и на разстояніи шаговъ 150 отъ окопа, — это было уже около 10-ти часовъ вечера, и былъ молодой мѣсяцъ — увидѣлъ черный силуэтъ непріятельской цѣпи, заходящей намъ въ тылъ.

— Батюшка, уходите, я сейчасъ открою пулеметный огонь, они отвѣтятъ, и вы можете быть ранены.

Пока я говорилъ эти слова, мои прикрытія и сосѣднія цѣпи покинули фронтальный окопъ.

— Господи, да вѣдь мы одни,—оглянулся я. Вокругъ были шесть моихъ пулеметчиковъ, батюшка и фельдшеръ, бывшій съ нами.

— Ну братцы, мужайтесь... по цѣпи...

Отецъ Аѳанасій вытаскиваетъ крестъ; мы съ двумя солдатами цѣлуемъ крестъ, цѣлуемся съ батюшкой. Остальные вытаскиваютъ пулеметъ, наводятъ при свѣтѣ мѣсяца. Германцы приближаются, крадучись...

— Уходите же, батюшка...

— Господь васъ не оставитъ, были послѣднія слова его. Онъ исчезъ въ ходѣ сообщенія.

— Огонь!

И первая цѣпь нѣмцевъ легла.

Какъ мы вышли изъ окопа, я не помню, потому что дѣйствовалъ въ полубезпамятствѣ. Пули, проносясь мимо, обдували лицо, цѣплялись за одежду. Помню только, что я все время твердилъ пяти своимъ солдатамъ эти ожегшія меня слова:

— Господь васъ не оставитъ.

Когда я вышелъ къ своимъ, первымъ вопросомъ было:

— Гдѣ батюшка?

— Его нѣтъ.

Этими неискусственными словами я хотѣлъ положить вѣнокъ въ память безвѣстнаго для васъ въ тылу героя, безвѣстнаго и для насъ теперь, потому что, какъ говоритъ казенный языкъ, отецъ Аѳанасій «пропалъ безъ вѣсти».

* * *

Погибъ и авторъ письма, прапорщикъ, московскій помощникъ присяжнаго повѣреннаго Михаилъ Евгеньевичъ Сироткинъ.

Врачъ, москвичъ же, на рукахъ котораго умеръ М. Е., пишетъ, что онъ, какъ всегда, строго исполняя долгъ, шелъ въ атаку впереди своей роты, упалъ сначала отъ раны въ ногу, но, пока сидя перевязывалъ рану, другая пуля тяжко ранила его въ животъ. Умирая, онъ попросилъ своего друга-врача поцѣловать его, обвилъ его шею руками и умеръ.

Вѣчная память погибшему товарищу!

Матросъ Петръ Сѣменищевъ.

Матросъ-электрикъ Балтійскаго флота, крестьянинъ Вятской губерніи, Петръ Сѣменищевъ, служащій въ морскомъ полку особаго назначенія на сухопутномъ фронтѣ военныхъ дѣйствій, въ январѣ прошлаго года былъ посланъ въ составѣ партіи минеровъ въ С., занятый нами незадолго до этого.

Во время работы морской партіи по снятію минъ загражденія, поставленныхъ австрійцами на рѣкѣ Вислѣ, одна изъ непріятельскихъ минъ, сорвавшись съ якоря, поплыла внизъ по теченію.

Увидѣвъ это и понимая, что мина грозитъ взорваться при столкновеніи съ первымъ попавшимся ей на пути судномъ мостового устройства, Сѣменищевъ, не задумываясь, бросился въ ледяную воду рѣки и поплылъ къ минѣ.

Руки у него были заняты плаваніемъ. Поэтому онъ ухватилъ мину зубами и началъ буксировать ее къ берегу, рискуя ежесекундно быть разорваннымъ на части при малѣйшемъ неосторожномъ толчкѣ, который вызвалъ бы взрывъ мины.

Къ счастью, все обошлось благополучно, и мина была уничтожена. За этотъ блестящій подвигъ Сѣменищевъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени.

16-го іюля 1915 года, находясь въ передовыхъ окопахъ, впереди которыхъ минерами морского полка ставились фугасы, Сѣменищевъ увидѣлъ нѣсколько австрійскихъ развѣдчиковъ, которые подошли къ фугасамъ и начали тамъ что-то дѣлать.

Нашъ матросъ, невзирая на то, что непріятельскихъ развѣдчиковъ было 8 человѣкъ, немедленно выскочилъ изъ окопа и бросился одинъ на врага, вооруженный лишь австрійской винтовкой безъ штыка и имѣя при себѣ всего 5 патроновъ.

Въ схваткѣ Сѣменищевъ убилъ двоихъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство, но при этомъ и самъ получилъ три штыковыхъ удара и два удара прикладомъ по головѣ.

Эвакуированный для излѣченія въ Москву, Сѣменищевъ черезъ мѣсяцъ уже выписался изъ госпиталя, разыскалъ свой морской полкъ и явился къ командиру.

Государь, узнавъ о подвигахъ Сѣменищева, пожелалъ его видѣть и наградилъ его Георгіевскимъ крестомъ 2-й степени.

Морской полкъ, въ которомъ служитъ Сѣменищевъ, былъ составленъ морскимъ вѣдомствомъ въ началѣ войны изъ офицеровъ и матросовъ перваго и второго балтійскихъ экипажей и посланъ на сухопутный фронтъ на время войны.

Какъ умираютъ герои.

Въ одномъ изъ развѣдочныхъ боевыхъ столкновеній былъ убитъ унтеръ-офицеръ N—скаго полка Степанъ Г.

Умеръ онъ славной смертью героя; объ этомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Степанъ Г.—типичный красивый хохолъ, веселый и находчивый, первый запѣвала въ полку; пользовался онъ любовью какъ офицеровъ, такъ и своихъ товарищей.

Смерть нѣсколько разъ заглядывала ему въ лицо, но онъ смѣялся надъ ней.

Атака на деревню С. была назначена на завтра.

Наша часть прекрасно знала, что предстоитъ серьезное дѣло.

Всю ночь мы готовились къ атакѣ.

Степанъ Г. былъ особенно веселъ.

Послѣ артиллерійской подготовки съ громкимъ «ура!» мы двинулись впередъ густыми цѣпями.

Впереди своего взвода бѣжалъ Степанъ Г.

— Держись, Степанъ!—крикнулъ ему ротный.

— Ваше благородіе, не сумлевайтесь!

Но онъ не договорилъ...

Пуля ударила его въ животъ, и онъ упалъ, какъ подкошенный.

Поползъ къ нашимъ окопамъ, съ трудомъ перелѣзъ черезъ земляную насыпь и упалъ на дно окопа.

Къ нему подбѣжали товарищи изъ резерва, оставшагося въ окопѣ для охраны лѣваго фланга.

Степанъ вынулъ кошелекъ:

— Вотъ, пять рублей на поминовеніе души... Остальныя деньги—товарищамъ на булки.

Его хотѣли отнести на «пунктъ» для перевязки.

— Не моги этого! Я здѣсь останусь! Живые люди нужны для атаки! Ступай, товарищи, впередъ! Дай благословлю! Вотъ такъ! Впередъ!

Въ это время противникъ перешелъ въ контръ-атаку, но мы не только смяли его, но и заняли его передовыя позиціи.

Съ особеннымъ воодушевленіемъ дѣйствовала наша часть.

Вѣсть о томъ, что Степанъ Г. раненъ, быстро пронеслась по нашимъ рядамъ; солдаты рѣшили отплатить за него...

Кончилось дѣло..

Степанъ лежалъ въ окопѣ въ полномъ сознаніи.

Попросилъ позвать къ себѣ ротнаго.

Ротный былъ убитъ.

Подошелъ полуротный.

— Ваше благородіе... слава Богу... отбили..

Онъ схватилъ руку офицера судорожно сжалъ ее, затѣмъ поцѣловалъ...

И умеръ...

Панасюкъ на развѣдкѣ.

Панасюкъ продолжаетъ служить и участвуетъ въ развѣдкахъ.

Охотно разсказываетъ онъ о своихъ дѣлахъ; ожидаетъ производства въ прапорщики.

Вотъ послѣдній эпизодъ изъ подвиговъ Панасюка, записанный съ его словъ.

— Въ цѣляхъ выполненія порученной мнѣ развѣдки я долженъ былъ проникнуть черезъ нѣмецкую заставу въ расположеніе непріятеля.

Переодѣлся крестьяниномъ,—хохлацкую рѣчь знаю ладно, — положилъ въ подводу капусту и поѣхалъ къ заставѣ.

Нѣмцы меня остановили.

— Кто такой? Что везешь?

— Свой говорю... А везу капусту! Всю капусту забрали! Нема, что ѣсть!

— Капусту, говорятъ, мы отберемъ на военныя нужды.

— А я какъ же?

— Тебѣ деньги заплатимъ!

Дали мнѣ квитанцію.

— Такъ это не деньги!

— Ступай въ штабъ, тамъ тебѣ заплатятъ.

— Да меня не пустятъ!

Начальникъ заставы написалъ пропускъ, чтобы въ другихъ заставахъ не задержали.

Отобрали нѣмцы и лошадь и подводу.

Иду пѣшкомъ.

Радъ, что въ непріятельское расположеніе проникъ; иду и гляжу, что надо.

Остановилъ германскій разъѣздъ, а я ему пропускъ.

Отпустили.

Пошелъ въ штабъ, предъявилъ квитанцію; самъ реву, что, дескать, голодный, а капусту отобрали. Денегъ нема!

Посмотрѣли квитанцію: все правильно.

— Только ты не туда попалъ,—ступай въ канцелярію.

Посылаютъ въ другую сторону; я туда, а тамъ въ третье мѣсто. Я еще пуще радъ, что свободно могу ходить.

Залѣзалъ къ передовымъ частямъ...

Никто на меня вниманія не обращалъ; ухо-то я изуродованное большой соломенной шляпой прикрывалъ, чтобы отмѣтку, значитъ, не увидали.

Все узналъ я, что мнѣ полагалось, и назадъ пошелъ.

Дождался ночи. Пользуясь темнотой, черезъ заставу-то и прошмыгнулъ.

Представленъ къ наградѣ.

У Панасюка всѣ четыре Георгіевскіе креста и двѣ медали.

Фельдфебель Панасюкъ, геройски перенесшій пытки и оставшійся вѣрнымъ своему солдатскому долгу.

Фейерверкеръ Березновъ.

Батарея стояла за пригоркомъ, и нападеніе кирасировъ, примчавшихся изъ долины и сломившихъ сопротивленіе нашихъ прикрытій, было внезапнымъ, стремительнымъ.

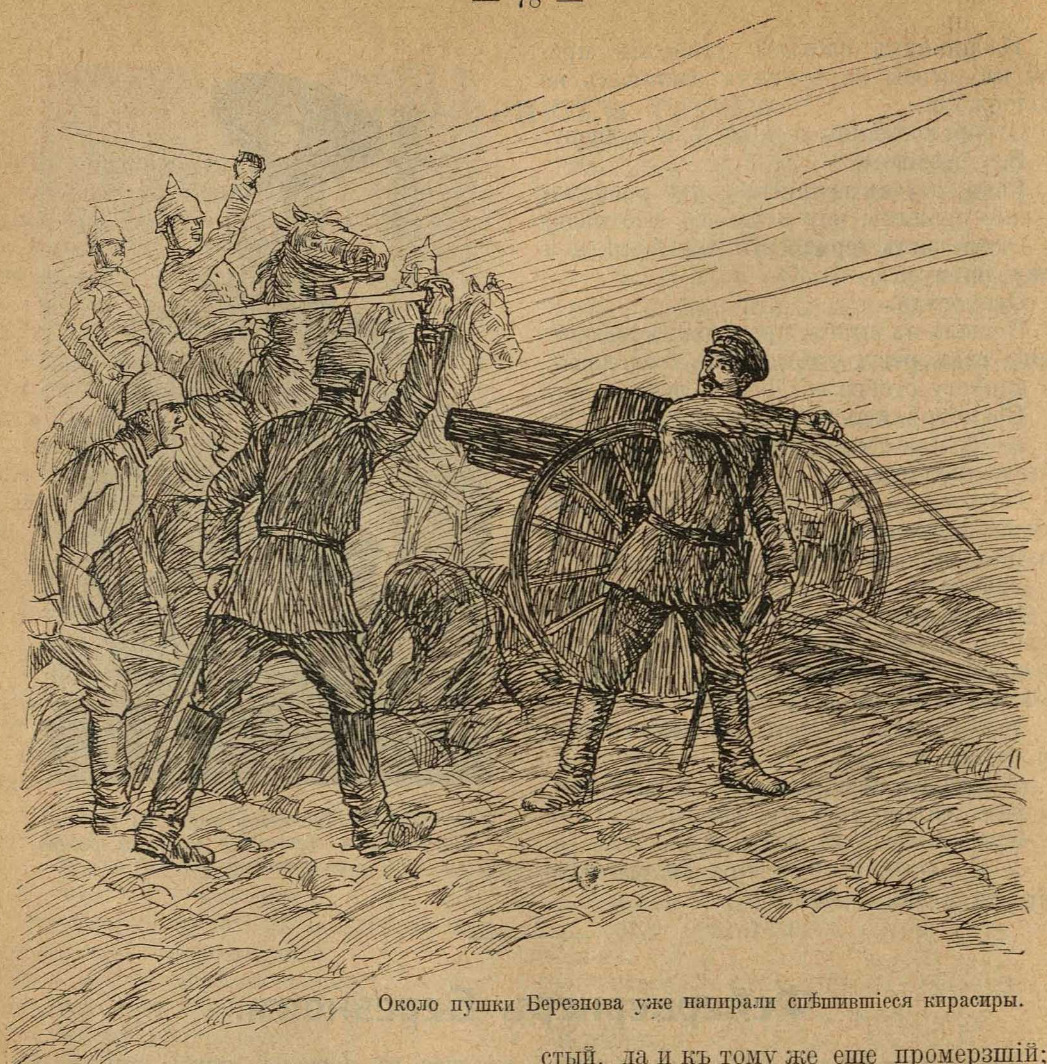
Но артиллеристы не растерялись; была минута, когда все смѣшалось въ одну массу,—люди, лошади, орудія, зарядные ящики — все завертѣлось въ глазахъ фейерверкера Березнова, стоявшаго у крайняго орудія и отбивавшагося отъ нѣмцевъ револьверомъ и шашкой.

Черезъ головы сражающихся Березновъ увидѣлъ бѣгущихъ къ батареѣ черезъ поле въ штыки нашихъ пѣхотинцевъ, видѣлъ какъ отбивались артиллеристы, какъ пробивали себѣ дорогу къ пушкамъ пѣхотинцы, и дрался какъ левъ, уже ссадивъ съ лошадей двухъ кирасировъ, раненый въ руку и въ плечо.

Его орудіе было крайнее и дальнее отъ того фланга, на подмогу которому пришла наша пѣхота.

Отброшенные тамъ нѣмцы тщетно пытались возобновить атаку, а около пушки Березнова напирали уже спѣшившіеся кирасиры, и большихъ трудовъ стоило фейерверкеру съ двумя уцѣлѣвшими «нумерами» отбиваться отъ многочисленныхъ враговъ.

Пѣхотинцы шли на помощь, но нѣмцы могли одолѣть каждую минуту, и въ мозгу Березнова созрѣлъ мгновенно планъ, странный на первый взглядъ, но способный дать выигрышъ времени.



Около пушки Березнова уже напирали спѣшившіеся кирасиры.

— Хватай за хоботъ!—крикнулъ онъ товарищамъ.—Хватай, ворочай!! Пускай ее, пускай!..

Желѣзнымъ усиліемъ мускуловъ три человѣка повернули пушку, подняли ей хоботъ и пустили орудіе внизъ по склону. Склонъ пригорка былъ твердый, каменистый, да и къ тому же еще промерзшій; тяжелое орудіе скатилось саженей пять внизъ и глубоко врѣзалось въ землю хоботомъ.

Пять саженей—это немного, но теперь нѣмцамъ предстояло пройти ихъ не иначе, какъ по трупамъ подоспѣвшихъ пѣхотинцевъ и фейерверкера Березнова.

И пушка была спасена.

По своимъ же.

Казачьи лошадки, хотя на видъ не казистыя, маленькія и длиннохвостыя, оказались быстрѣе на ходу, чѣмъ громадный красивый конь прусскаго кирасира. Казаки налетѣли на него, какъ стая хищныхъ птицъ, налетѣли съ гикомъ и посвистомъ, одинъ схватилъ за поводъ испугавшагося коня, а другіе стащили съ сѣдла рослаго кирасира. Обыскали его быстро и тщательно, казачьему офи-

церу передали пакетъ въ толстомъ бѣломъ конвертѣ. Молодой хорунжій отошелъ къ краю дороги, пересматривая найденныя бумаги.

Свѣдѣнія были важныя: штабъ нѣмецкой арміи сообщалъ о расположеніи русскихъ въ сосѣднемъ селѣ и предписывалъ съ разсвѣтомъ обстрѣлять ихъ артиллерійскимъ огнемъ. Хорунжій быстро уяснилъ себѣ всю опасность предстоящей бомбардировки и, быстро собравъ казаковъ, рысью повелъ ихъ къ занятому русскими селу.

Мѣры были приняты. Едва спустилась ночь, какъ наши колонны темными змѣями, не зажигая огней и не производя шума, вышли изъ села и по темной ночной дорогѣ удалились вправо на заранѣе подготовленную и укрѣпленную позицію. А тѣмъ временемъ, слѣва, въ покинутое село вступили вновь пришедшія нѣмецкія войска.

И вотъ насталъ разсвѣтъ, холодный, румяный осенній разсвѣтъ, и съ первыми его лучами съ высотъ загремѣли нѣмецкія пушки и стальнымъ дождемъ посыпались на село снаряды. А съ другой стороны, съ русскихъ позицій по тому же селу заговорили и русскія орудія.

Нѣмецкая артиллерія разстрѣливала своихъ же солдатъ, въ ужасѣ метавшихся по улицамъ пылающаго села.

Батарея въ походѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.